

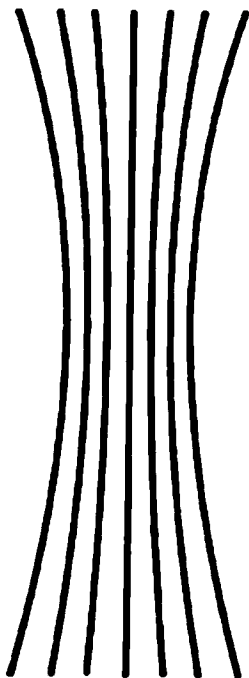
К.А.Акишев

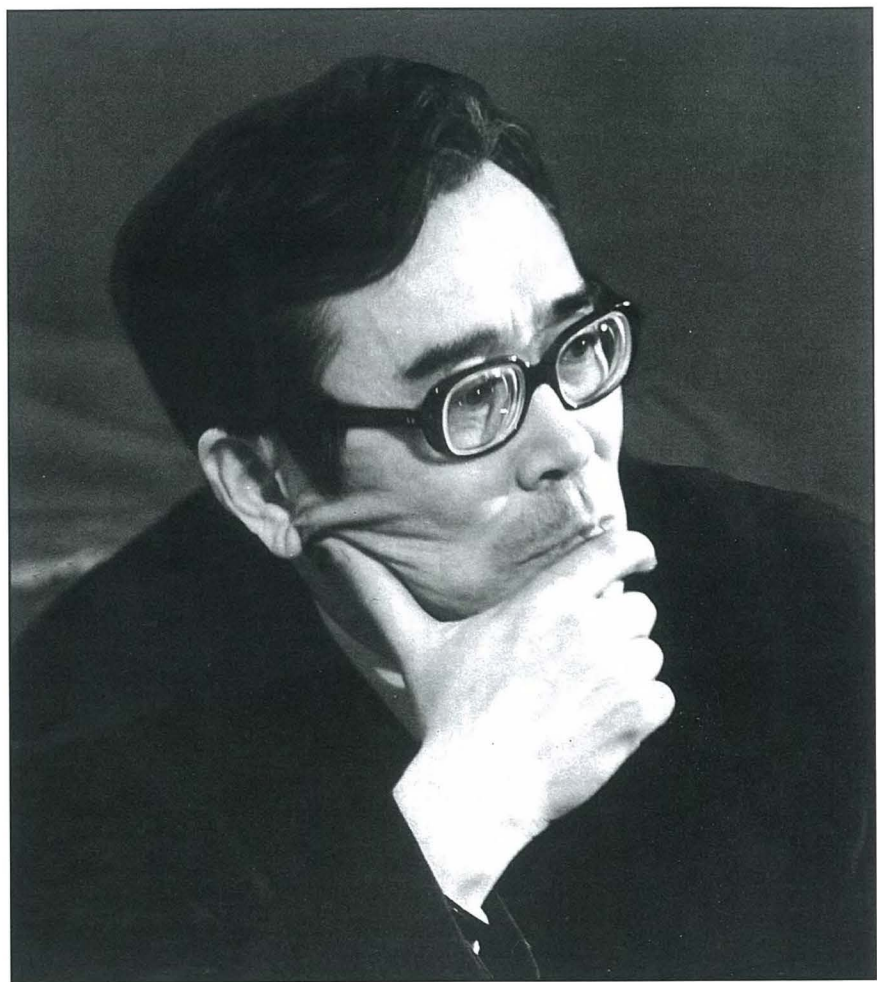
ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ
КАЗАХСТАНА

ҒЫЛЫМИ ҚАЗЫНА

К. Дзюба

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА
НИИ АРХЕОЛОГИИ ИМ. К.А. АКИШЕВА

К. А. Акишев

**ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА
(ЭТЮДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)**

АЛМАТЫ
2013

УДК 902/904
ББК 63.4
А 39

Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана (Этюды исследования). – Алматы, 2013. – 192 с.

ISBN 978-601-7312-28-2

Монография освещает историю происхождения и развития государственных образований на территории Казахстана с сакской эпохи до позднего средневековья. В основе монографии текст докторской диссертации автора, посвященный государству саков и усуней с привлечением археологических и письменных источников. Разработка этой методологической проблемы занимала К.А. Акишева все годы его научной деятельности. Позднее история государства саков и усуней была дополнена материалами государств западных тюрков, кипчаков и Казахского ханства.

Монография адресована историкам, археологам, этнографам и всем, кто интересуется историей Казахстана и Центральной Азии.

Главный редактор:

Б.А. Байтанаев,
член корреспондент Национальной
Академии наук Республики Казахстан,
доктор исторических наук

Ответственный редактор:

кандидат исторических наук
М.К. Хабдулина

Печатается по постановлению Ученого совета
Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК

ISBN 978-601-7312-28-2

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Кималь Акишевич Акишев прожил яркую и самобытную жизнь ученого-археолога. Он был одним из лучших представителей своей эпохи и, по сути, являлся основателем советской археологической школы Казахстана. В становлении Кималья Акишевича как ученого-археолога сыграли значительную роль четыре выдающиеся личности – Каныш Сатпаев, Алкей Маргулан, Александр Бернштам и Михаил Грязнов.

Нелегкой была биография будущего ученого. Еще в детские годы, потеряв родных и близких, он сполна испытал на себе эксперименты советской власти, какими явились на то время коллективизация и голод. Своим спасением он обязан дяде – Канышу Сатпаеву (в те годы – руководителю геологоразведочной партии), который не только заменил ему отца, но и привил любовь к науке, полевой жизни и экспедициям. Юный К. Акишев, как и многие его ровесники, мечтал стать геологом, но этим мечтам не суждено было сбыться. Война по-своему распорядилась судьбой юноши: в 44-ом после тяжелого ранения он был демобилизован и навсегда простился с геологией.

Настоящей «alma mater» стал для К. Акишева Казахский Государственный университет: здесь определился круг его научных интересов, здесь он получил путевку в археологическую науку. С первого же курса студент К. Акишев участвует в археологических экспедициях А. Маргулана: вместе они объездили Сарыарку, Южный и Западный Казахстан. К. Акишев был активным участником раскопок знаковых памятников эпохи бронзы в Центральном Казахстане. Азы полевой археологии в экспедициях А. Маргулана оставят в памяти еще молодого К. Акишева незабываемые впечатления и станут фундаментом его будущих научных работ.

Новые познания и впечатления получит К. Акишев на старших курсах университета, участвуя, начиная с 1949 года, в экспедициях А. Бернштама по Южному Казахстану. Знакомство с яркими памятниками городской культуры, такими, как Отрар, Туркестан, Сауран и др., определит в будущем и круг его научных интересов, и многолетние планы становления археологической науки Казахстана. Спустя двадцать лет К. Акишев организует и возглавит Южно-Казахстанскую комплексную археологическую экспедицию, которая и по сей день осуществляет свои исследования на памятниках Отрарского оазиса.

По окончании университета К.Акишев поступает в аспирантуру, его научным руководителем становится М.Грязнов. В Ленинград он отправляется с солидным научным багажом – результатами полевых работ, проведенных совместно с А. Маргуланом в ходе изучения памятников Сарыарки. И неслучайно кандидатская диссертация, блестяще защищенная в 1953 году К.А.Акишевым, называется «Эпоха бронзы Центрального Казахстана». Годы, проведенные в Ленинграде, знакомство с лучшими представителями этой научной школы, ее методами и трудами формируют К.Акишева как ученого и организатора археологических исследований.

С 1955 по 1989 гг. К. Акишев возглавляет казахстанскую археологию, которая за эти годы из скромного академического подразделения при Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР превратится в крупную научную школу. На ее базе в 1991 году будет открыт Институт археологии им. А. Маргулана.

Перу К.Акишева принадлежит около десяти монографий и свыше двухсот статей, написанных в разные годы и посвященных многоаспектным исследованиям по археологии Казахстана – от эпохи бронзы до позднего средневековья, венцом которых станет открытие и изучение на кургане Иссык «Золотого человека».

Предлагаемая монография подготовлена к изданию в преддверии девяностолетнего юбилея К.Акишева. Она была написана ученым незадолго до его кончины. Три ее первые главы, по сути, являются фрагментами текста докторской диссертацией, защищенной еще в советское время в форме доклада (декабрь 1987 года) в городе Москве. Завершена эта работа была уже в городе Астане, когда К.А.Акишев, переехав в новую столицу независимого Казахстана, возглавил лабораторию археологической реконструкции Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумелева. После смерти ученого на базе этой лаборатории университет создал Институт археологии, который носит его имя и успешно продолжает научные изыскания, начатые К.А.Акишевым на просторах Сарыарки.

При подготовке настоящего издания к печати мы максимально придерживались оригинала текста рукописи. Поэтому иллюстративный материал, терминологическая лексика, обороты речи оставлены так, как их подготовил в свое время сам К. Акишев.

Появлением этой книги мы поистине обязаны Марал Хабдулиной, продолжившей дело Кималя Акишева в Евразийском национальном университете, разделившей с ним последние годы его жизни и искренне любившей его не только как ученого, но и как человека.

*Б.А. Байтанаев,
генеральный директор
Института археологии
им. А.Х. Маргулана,
член-корреспондент НАН РК.*

ВВЕДЕНИЕ

В историографии Евразии одной из малоизученных проблем является экономика и общественный строй кочевых и полукочевых племен и народностей в древние эпохи. Данный тезис сохраняет силу и на современном уровне развития исторической науки, хотя первые попытки исследования социально-экономических отношений у кочевников, преимущественно у скифов европейских, зачастую весьма плодотворные, делались еще в 30-40-е годы XX века советскими историками и археологами (Равдоникас В.И. 1932; Толстов С.П. 1934; Смирнов А.П. 1934; Артамонов М.И. 1947, 1948). Акцент на скифское общество объясняется наличием солидного источниковедческого базиса – античного письменного и археологического.

Научные направления, намеченные в те годы, новые археологические материалы, накопленные с тех пор, новая интерпретация сведений древних авторов послужили основой дальнейших успехов в изучении отдельных аспектов скифской общественной системы или в целом всей проблемы (Граков Б.Н. 1947; он же 1971; Смирнов А.П. 1966; Тереножкин А.И. 1966; Хазанов А.М. 1975).

Но при этом, хотя результаты исследований скифского общества являются весьма обнадеживающими, многие выводы пока еще находятся на стадии гипотез, нуждающихся в дальнейших поисках и дополнительных доказательствах. Тем не менее, предлагаемые в работах скифологов направления в установлении уровня общественного развития скифов, для теоретических поисков представляются правильными. Скифский социально-экономический прогресс в значительной степени стимулировался влиянием высокоорганизованной Греции, в частности,

интенсивным воздействием городов-полисов (Граков Б.Н. 1971: 10-12; Артамонов М.И. 1947: 72-73). При этом, несомненно, что роль внешнего фактора тем активнее, чем совершеннее устройство самого воспринимающего общества. Именно таким было скифское общество, стоявшее на стадии раннеклассовой организации.

Обществу савроматов-сарматов в исследованиях повезло в меньшей степени. Социологические изыскания у них ведутся по линии изучения роли женщин в обществе, поисков пережитков матриархальных отношений. Для построения концепции о низком уровне социального устройства сарматов активно привлечены все доступные доказательства: легенда об амазонках, наличие каменных алтарей-жертвенников и оружия в женских захоронениях и др. (Граков Б.Н. 1947: 100-120; Смирнов К.Ф. 1964: 200-214).

Не вызывает сомнения сама необходимость проведения и продолжения работ в этом направлении. При этом не следует упускать из виду того, что реликты былых общественных отношений могут демонстрировать недоразвитость социальных институтов, но не они определяют сущность новых, развивающихся производственных отношений. Напротив, информация, извлекаемая из археологического источника (градация размеров насыпей сарматских курганов, богатство погребального инвентаря, сопутствующие захоронения), предоставляет возможность полагать, что сарматское общество по уровню социального развития стояло не намного ниже скифского.

Предложена также первая попытка социологической интерпретации материалов из раскопанных курганных могильников, (большинство которых оказались не разграбленными) эпохи раннего железа Тувы. По А.Д. Грачу, курганы сакско-скифского времени Тувы также как в Бесшатыре, принадлежали трем социальным прослойкам: царям, родовым дружинным аристократам и низшим социальным группам (Грач А.Д. 1980: 46-48).

В кургане Аржан – памятнике Тувы раннескифского времени, как полагает исследователь, были захоронены «царь» с «царицей» и 15 сопровождавших их «вельмож» (Грязнов М.П. 1980: 46-52).

В других регионах распространения локальных вариантов культур скифского и сакского типов – на восточном Памире, (Литвинский Б.А. 1972: 186-187, 194) в Центральном Казахстане (Кадырбаев М.К. 1967: 430) и южном Приаралье (Вишневская О.А. 1973: 129), где единичны царские курганы и они не раскапывались, социологические реконструкции не предпринимались. В этих регионах, вероятно, необходимы поиски иных критериев оценки уровня общественной развитости.

Недавно сделано, на наш взгляд удачное, монографическое обобщение накопленного опыта реконструкции социально-экономических отношений в древних обществах и остро поставлена проблема палеоэкономики и общественного строя, как одна из главных задач советской археологической науки (Массон В.М. 1976; Федоров-Давыдов Г.А. 1973).

Хотя успехи в изучении социального строя древних обществ очевидны, реконструкция социально-экономических отношений и этнополитических ситуаций в древних человеческих обществах сопряжена со многими объективными и субъективными трудностями.

Главными из них являются отсутствие или малочисленность основополагающих письменных источников, вольное и невольное осовременивание или, наоборот, принижение уровня древних социальных структур, как итог интерпретации извлеченной информации сквозь призму наших современных традиционных представлений о народностях и племенах - объектах изучения этнографической науки.

Несомненно, этнографический источник – маяк на пути исследования социальной структуры древних обществ. Однако, хотя едины объективные исторические закономерности развития человечества, но и неизбежно многообразие специфических черт древних обществ, складывающихся в различной среде у разных племен. В конечном счете эта специфика составляет индивидуальность конкретной социальной организации и отличает ее от всех иных обществ, близких или далеких по времени. Мировая история не знает двух совершенно одинаковых общественных организаций. Поэтому привлечение данных этнографии для доказательства уровня развития и определения форм общественных отношений у древних племен чревато ошибками.

Более конкретен археологический источник, в нем заложены большие возможности для реконструкции социальной структуры. Но здесь трудности другого порядка. Археологический источник нем, для извлечения информации, необходимой для социологических заключений, нужна разработка своей особой методики распознавания социальной развитости древнего общества, значительны трудовые усилия, которые вложены на сооружение того или иного привлекаемого памятника или группы памятников материальной и духовной культуры.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые в советской археологии разрабатывается проблема палеоэкономики и социального строя кочевых и полукочевых племен Средней Азии и Казахстана второй половины первого тысячелетия до нашей эры – первой половины первого тысячелетия нашей эры. На современном этапе

развития исторической науки теоретический уровень разработки не может быть выше стадии первого приближения к истине.

Актуальность темы заключается в слабой или вовсе неразработанности в историографии указанного региона таких кардинальных вопросов древней истории, как возникновение и развитие классов и государства и его экономического базиса – земледелия и скотоводства. В работе делается попытка на основе марксистско-ленинской методологии исследовать эти вопросы.

В разные годы отдельные аспекты проблемы излагались в наших монографиях и научных статьях.

ГЛАВА I

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

За весь период археологического изучения Семиречья (Южный Казахстан и Северная Киргизия) представление о хозяйстве, быте и культуре древних усуней основывалось исключительно на данных китайских династийных хроник и на материалах раскопанных подкурганых захоронений.

В Семиречье – на одной из основных территорий расселения этих племен – количество раскопанных древнеусуньских курганов ныне доходит примерно до двух тысяч. Значение большого археологического материала, полученного при вскрытии этих памятников, трудно переоценить. Но эти материалы в силу специального строго определенного набора погребального инвентаря, необходимого в могилах, дают лишь косвенные свидетельства об уровне развития экономической основы общества и о формах хозяйства. Поэтому выводы, основанные только на них, являются неполными и не выходят за пределы гипотетических рассуждений.

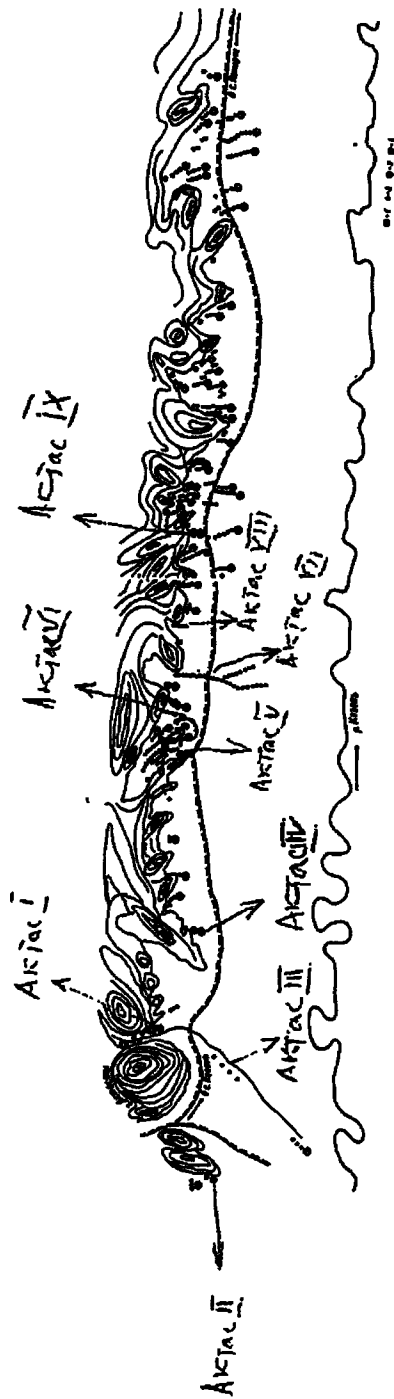
Сведения древнекитайских хроник значительно дополняются археологическими данными. Параллельное привлечение двух этих источников в исследованиях дает довольно полное представление об интересующих нас вопросах. В то же время сопоставление данных устанавливает противоречивость и неточность сведений письменных источников, допущенных при характеристике хозяйства и образа жизни усуней.

До 30-х годов XX в. при неизученности усуньских древностей исследователи, занимающиеся историей этих племен (В.В. Бартольд), находились под влиянием китайских письменных источников.

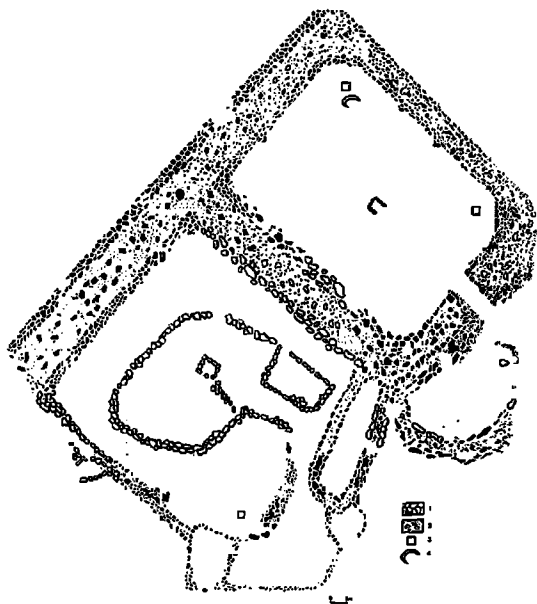
Хотя мы и ныне широко привлекаем сведения о древних усунях, имеющиеся в исторических сочинениях древнекитайских авторов, но в свете накопленных археологических данных является очевидным, что они не только неполны, но нередко противоречивы. Последнее, в первую очередь, относится к определению усуней как «чистых» кочевников, постоянно (круглогодично) кочующих вслед за скотом в поисках пастбища и водопоя. В этих же источниках и в трудах комментаторов их имеются указания, хотя и скудные, что часть из них знала оседлость и имела города и поселения. Однако эти сведения не принимались во внимание в трудах наших предшественников.

Это упущение послужило причиной того, что большие знатоки древней истории востока Н.А. Аристов и В.В. Бартольд пришли к мнению, «что отыскать в настоящее время следы построек такого кочевого народа, какими были усунь, совершенно бесполезно» (Бартольд В.В. 1963: 27). Археологические работы доказали поспешность этого вывода.

Впервые утверждения древних источников о чисто кочевническом направлении хозяйства и быта усуней были поставлены под сомнения М.В. Воеводским и М.П. Грязновым на основе находок в раскопанных захоронениях Северной Киргизии обугленных зерен, шелухи проса и каменной зернотерки (Воеводский М.В., Грязнов М.П. 1938: 178). Однако при всей правильности рассуждений они также оставались в области теоретических предположений, так как и среди этих находок не было предметов, прямо свидетельствующих о занятии усуней земледельческим производством. Каменные зернотерки, зерна и шелуха лишь указывают на употребление в пищу продуктов земледельческого труда, которые, кстати, могли быть получены у соседей путем торговли, но не могут служить доказательством развития земледельческого хозяйства у самих древних усуней. Зернотерки – это лишь орудие переработки готового продукта земледелия, они не являются орудием обработки земли или уборки посевов, как мотыга или серп. Поэтому лишь при находке мотыг и серпов или соломы злаковых (но не зерен) можно утверждать о развитии земледелия и возвращении посевов на месте. Новые данные, указывающие, по А.Н. Бернштаму, на развитие земледелия и оседлости у древних усуней Семиречья, были получены при раскопке поселения Луговое-холм, расположенного в долине р. Талас. Вывод А.Н. Бернштама о существовании оседлости и земледелия на территории Семиречья еще в первых вв. н.э. был основан также на находках каменных зернотерок и остатков глинобитных стен строений, обнаруженных в нижних слоях стратиграфического шурфа, заложенного на

1. Топография памятников устья Актас с пометками Акишева К.А.

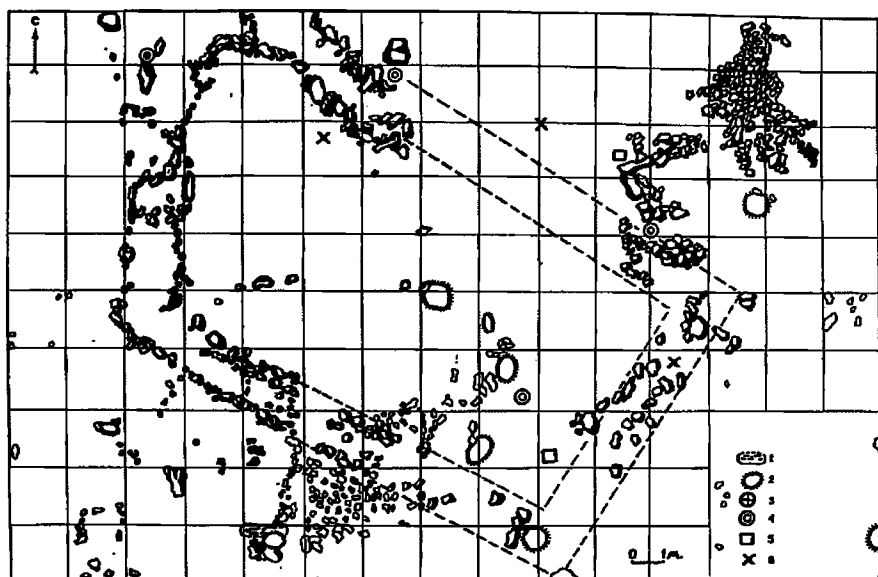

2. Поселение Аккас. План жилища

холме поселения (Бернштам А.Н. 1950: 71). Но как можно видеть, и среди находок А.Н. Бернштама нет предметов, которые могли бы указать на существование земледелия в среде самих усуней. Бездоказательный, хотя по существу верный вывод А.Н. Бернштам строил на таких же данных, которые в свое время считал неприемлемыми догадками в утверждениях М.В. Воеводского и М.П. Грязнова (Бернштам А.Н. 1941: 37).

На новых, но аналогичных материалах, полученных при раскопках курганов, основывал свои выводы о хозяйстве усуней и Г.А. Кушаев. Он рассматривает географическую среду и увеличение количества глиняных сосудов в одной могиле как основные критерии определения форм хозяйства и его эволюции (Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1963: 257).

Более широкие раскопочные работы, проведенные на территории Семиречья в последующие годы, дали археологические свидетельства, позволяющие рассматривать хозяйство усуней в динамике его почти тысячелетнего развития и дифференцированно для отдельных частей Семиречья, соответственно разным природно-климатическим услови-

3. Поселение Актаг 2. План жилища

ям. В горной стране Семиречье не могло быть изнурительных многодневных переходов с зимних на летние пастбища, как это имело место в степных и полупустынных районах, в таких, например, как Западный и Центральный Казахстан.

В истории развития хозяйственной деятельности человека в Средней Азии и Казахстане древнее Семиречье занимает особое место.

Географической средой Семиречья было обусловлено, что развитие хозяйства саков и усуней прошло по своеобразному пути. Своеобразие это состояло в том, что здесь, в отличие от районов «классического» земледельческого или кочевого скотоводческого хозяйства, скотоводство сочеталось с земледелием, а кочевничество – с полuosедлостью. Комплексность хозяйства, полукочевого и полuosедлый образ жизни у древних усуней доказывается появлением и распространением на территории Семиречья особых типов памятников: в усуньское время – зимовок-поселений, а позднее – укрепленных поселений, городов-убежищ с крепостными стенами, огораживающими большие

4. Поселение Актас. Реконструкция зимовки-поселения

площади пространства, свободные или почти свободные от построек (Бернштам А.Н., 1948: 90-91).

Такая архитектура памятников зародилась в результате приспособления строительного конструирования к своеобразию хозяйства и быта, одинаково отвечающего специфике скотоводства и земледелия, чередованию подвижности и оседлости (рис.1, 2).

На зимовке-поселении Актас-2 были сделаны находки, являющиеся первыми и прямыми свидетельствами существования земледелия у усуней (рис.3). Это орудия обработки земли – каменные мотыги и уборки урожая – бронзовый серп (обломок) (Акишев К.А. 1969: 44). При обследовании окрестностей зимовок-поселений были получены дополнительные данные о древнеусуньском земледелии. Это данные, позволяющие судить о существовании орошаемого земледелия у древних усуней. Около поселений (Актас I, II, IV, V), находящихся в ущельях южного склона хребта Кетменьтау, обнаружены остатки оросительных арыков и следы небольших обработанных участков площа-

дью от 60 до 150 кв. м. По-видимому, на таких участках выращивались злаковые, возможно, бахчевые культуры. Мы не имеем сведений о видах культивируемых растений, но бесспорной реальностью является существование обработанных и орошаемых полей.

Обработанные площади располагались на участках, максимально обогреваемых солнцем и удобных для самотечной подачи воды. Русло оросительных арыков трассировалось с учетом естественного склона местности с таким расчетом, чтобы исток находился выше отметки орошаемого участка, иначе был бы невозможен самотек воды по арыку (рис. 1).

Долина р. Кегень – не единственное место, где обнаружены следы усуньского земледелия. Оно было распространено гораздо шире. Следы подобной примитивной оросительной системы, кроме Кетъментау (Кегенская долина), открыты во время наших исследований почти во всех районах Семиречья: в ущельях и на склонах Джунгарского Алатау, Чулакских (Илийская долина) и Чу-Илийских гор (Чуйская долина), на северных склонах Киргизского Алатау (Таласская долина). Все это дает основание заключить, что древние усунь Семиречья обладали определенными знаниями в области земледелия, навыком и опытом сельскохозяйственного труда: выбор наиболее пригодной для обработки земли, учет солнечной активности в период вегетации, трассировка русел арыков для самотечной подачи воды в горных местностях.

Примечательно, что жители этих же районов – казахи – пользовались и пользуются ныне способом трассировки самотечных каналов, ничем не отличающимся от способа, выработанного тысячелетия назад их далекими предками – древними усунями.

Если каменные мотыги, обнаруженные на усуньских поселениях, могли употребляться не только для земледелия, но и для любой формы землеройного труда, то бронзовые серпы (наличие которых у усуней доказывается находкой обломка) применялись только для уборки злаковых культур. Поэтому можно считать вполне достоверным сам факт существования посевов колосовых культур у древних усуней.

Пока у нас недостаточно данных, позволяющих установить все виды засеваемых злаковых культур. Более или менее определенно можно говорить о существовании посевов проса и ячменя. Об этом свидетельствуют шелуха этих культур, прилипшая ко дну одного из сосудов, найденного в усуньской могиле в Северной Киргизии (Воеводский М.В., Грязнов М.П. 1938: 178).

Выше отмечалось, что остатки крупных ирригационных сооружений (каналы, плотины), которые свидетельствовали бы об использовании воды таких больших рек, как Талас, Или, Кегень, Чарын, долины которых являются основными районами расселения усуней, до сих пор не обнаружены. Вероятно, их не было, так как строительство таких сложных сооружений является необходимым при засушливом климате, да и связано с более высоким уровнем социально-экономического развития.

Небольшие горные речки, питающиеся родниковыми водами, по берегам которых расположены все известные ныне древнеусуньские зимовки-поселения, использовались для полива небольших участков, находящихся в горных ущельях (рис. 4). Но они были непригодны и не могли использоваться для орошения хлебных полей, по-видимому, расположенных на плодородных равнинах, лессовых землях долины рек (Бессонов А.И. 1925: 177-214), удаленных на 4-5 км от зимовок-поселений. Небольшой дебит воды в таких речках и сильная фильтрация в рыхлых отложениях горных местностей (Сергеева Е.И. 1925: 177-214) затрудняли полив орошаемых участков, находящихся на таком расстоянии.

В горных и предгорных районах Семиречья необходимости в развитии орошаемого земледелия и не было. По заключению специалистов, при посеве зерновых хлебов лессовые каштановые почвы Семиречья, пропитанные грунтовыми водами, не нуждаются в поливе, а излишний полив даже может быть лишь вреден (Бессонов А.И. 1925: 201). Поэтому можно предполагать, что развитие земледелия шло по другому пути. Оно развивалось как богарное «сухое» земледелие.

Развитию сухого земледелия в Семиречье способствовали климатические условия. Здесь, в отличие от остальных районов Туркестана, высок уровень выпадения атмосферных осадков, причем, максимум дождей выпадает весной и в начале лета (апрель, май, июнь), а минимум – в сентябре (Давыдов Л.К. 1925: 39-40). В условиях Семиречья именно эти периоды благоприятны как для начала посевных работ, так и для созревания хлеба и уборки урожая.

Судя по сведениям письменных источников, природные и климатические условия древнего Семиречья ничем не отличались от современных. Так, китайский историк Бань Гу (I в. н.э.) свидетельствует, что в стране Усунь земли травянистые, климат холодный и дождливый, а в горах много хвойного леса (Бичурин Н.Я. 1950b: 190), что полностью соответствует современной природе Семиречья.

Поэтому, установив сам факт существования земледелия у усуней по археологическим данным, мы вправе считать, что способ ведения

земледельческого хозяйства, приспособленный к местным климатическим условиям, практиковавшийся в XIX-XX вв. (Абрамов Н.А. 1867: 261; Аболин Р.И. 1929: 38-44) был известен еще древним семиреченским племенам.

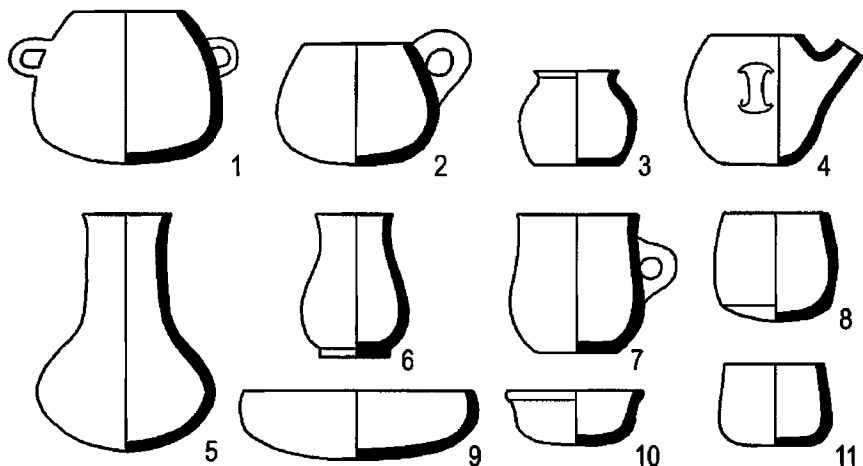
В своеобразных семиреченских условиях наиболее рациональной и даже возможной формой земледелия были посевы под богару. Так называемое богарное земледелие при высоком уровне выпадения осадков и естественной увлажненности почвы давало устойчивые урожаи. Можно предполагать, что под посевы обрабатывались небольшие площади земли, так как низкая производительность труда, связанная с примитивностью земледельческого орудия (мотыги), ограничивала возможности расширения посевных площадей.

Но все же каждая усуньская семья была обеспечена продуктами земледелия, главным образом, мукой и зерном, а растительная пища входила в постоянный рацион питания. Последнее убедительно доказывается находками каменных зернотерок, причем как на поселении, так и в захоронениях.

В помещениях зимовки-поселения Актас обнаружено одиннадцать целых зернотерок, а также пятнадцать обломков от них. Все они сильно изношены от долгого употребления, что доказывает применение их по прямому назначению.

Довольно часты находки зернотерок, реже мотыг, в усуньских погребениях Семиречья (Воеводский М.В., Грязнов М.П. 1938: 176; Акишев К.А., 1955: 13-14, 29; Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1963: 210, 254), что также важно для доказательства существования земледелия. Известно, что, по представлению древних племен, умерший должен был быть снабжен лишь теми предметами, которые употреблялись в быту для поддержания жизни и поэтому были необходимы для продолжения ее в каком-то ином мире. Если зернотерки считались орудием, необходимым для обеспечения умерших в якобы продолжающейся жизни, то отсюда можно сделать вывод, что они прочно вошли в быт и являлись одним из постоянных орудий, необходимых в реальной жизни. Поэтому, хотя каменные зернотерки, как уже отмечалось, являются орудиями переработки растительной продукции (зерно, съедобные корни), а зерно могло быть получено из соседних стран путем обмена и торговли, но широкое распространение их в быту является дополнительным свидетельством существования земледелия у древних усуней.

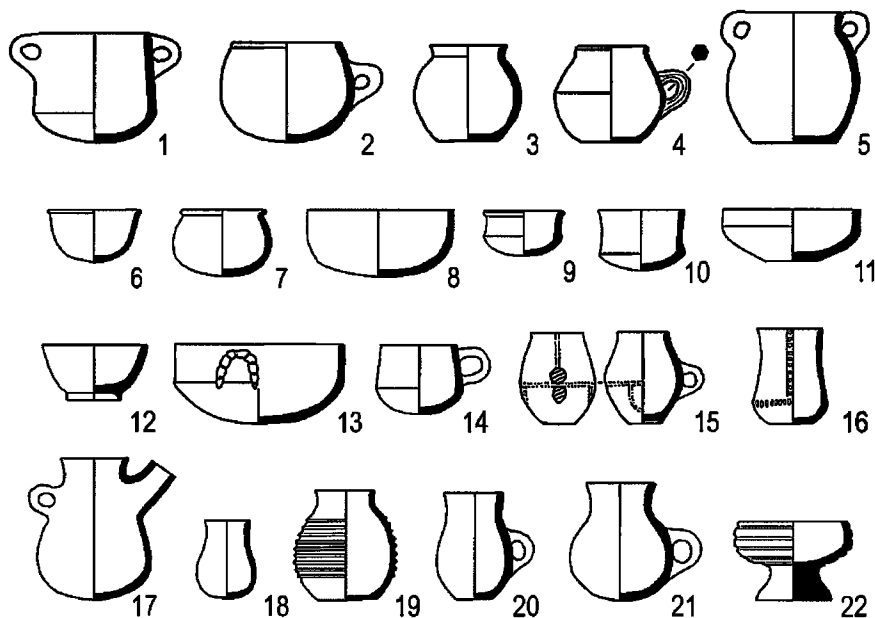
Вернемся снова к древнеусуньским захоронениям Семиречья. Кроме находок в них каменных зернотерок, о которых мы упоминали,

5. Керамический комплекс из погребальных памятников Семиречья III-I вв. до н.э.

1 - могильник Беккара - нет данных;	7 - могильник Декхан, курган 81 - d венчика - 14,5 см, d тулова - 15 см, h - 16,5 см;
2 - могильник Каратал, курган 1 - нет данных;	8 - могильник Сарыбулак, курган 7 - d венчика - 12,5 см, d тулова - 14,5 см, h - 13 см;
3 - могильник Кызылаус, курган 12 - d венчика - 10 см, d тулова - 13,5 см, h - 11;	9 - могильник Кызылаус 1 - d венчика - 21 см, d тулова - 27,5 см, h - 8 см;
4 - могильник Кызылаус, курган 8 - d венчика - 11 см, d тулова - 16 см, h - 15 см;	10 - могильник Сарыбулак, курган 8 - d венчика - 16 см, d тулова - нет данных, h - 6,5 см;
5 - могильник Капчагай 3, курган 18 - d венчика - 10,5 см, d тулова - 21 см, h - 28 см;	11 - могильник Сарыбулак 1, курган 8 - d венчика - 12 см, d тулова - 13 см, h - 9,5 см.
6 - могильник Утеген 1, курган 4 - d венчика - 9 см, d тулова - 12,5 см, h - 18,5 см;	

имеются другие данные, также отражающие бытовые и хозяйственные стороны жизни этих племен. Известно, что каждый народ вырабатывает соответствующие своему сложившемуся образу жизни форму жилища, предметы домашнего обихода, одежду и пищу. Кочевые народы, например, издревле изобрели и усовершенствовали разборное, легко транспортируемое жилище - юрту. Подвижный образ жизни привел к тому, что в быту использовались преимущественно кожаная и деревянная посуда, а легко бьющаяся глиняная изготавливалась в минимальном количестве. Судя по многочисленным археологическим материалам, найденные при раскопке памятников кочевых племен глиняные сосуды отличаются крайней ограниченностью типов и своеобразием форм (узкогорлость, шаровидность тулова и выпуклость дна) и малой емкостью. Эти же источники свидетельствуют, что оседлые племена, наоборот, из-

6. Керамический комплекс из погребальных памятников Семиречья I-VI вв. н.э.

1 - могильник Караша 2, курган 112 - нет данных;	12 - могильник Сарыторгай, курган 46 - d венчика - 15 см,
d тулова - нет данных, h - 7 см;
2 - могильник Актас 1, курган 6 - нет данных;	13 - могильник Узынбулак, курган 22 - d венчика - 25 см,
d тулова - нет данных, h - 11,5 см;
3 - могильник Кызыл Кайнар, курган 5 - d венчика - 11 см,
d тулова - 15 см, h - 14,5 см;	14 - могильник Караша 2, курган 10 - нет данных;
4 - могильник Актас 4, курган 61 - d венчика - 11 см,
d тулова - 16 см, h - 14 см;	15 - могильник Актас 2, курган 59 - d венчика - 7,5 см,
d тулова - 11,5 см, h - 13,5 см;
5 - могильник Актас 1, курган 31 - d венчика - 14,5 см,
d тулова - 19 см, h - 19,5 см;	16 - могильник Актас 1, курган 61 - d венчика - 9,5 см,
d тулова - 11 см, h - 14,5 см;
6 - могильник Актас 4, курган 6 - d венчика - 13,5 см,
d тулова - нет данных, h - 7,5 см;	17 - могильник Караша 2, курган 8 - d венчика - 10 см,
d тулова - 17 см, h - 21 см;
7 - могильник Актас 4, курган 61 - d венчика - 11 см,
d тулова - 12,5 см, h - 8,5 см;	18 - могильник Караша, курган 53 - нет данных;
8 - могильник Актас 4, курган 51 - d венчика - 19,5 см,
d тулова - нет данных, h - 8,5 см;	19 - могильник Унгур-гора 2, курган 4 - d венчика - 9 см,
d тулова - 14,5 см, h - 16,5 см;
9 - могильник Актас 4, курган 61 - d венчика - 17,5 см,
d тулова - 18,5 см, h - 11 см;	20 - могильник Кызылаус 1, курган 20 - d венчика - 9 см,
d тулова - 11 см, h - 15,5 см;
10 - могильник Караша 2, курган 45 - d венчика - 12,5 см,
d тулова - 13 см, h - 9 см;	21 - могильник Актас 1, курган 46 - d венчика - 8 см,
d тулова - 11,5 см, h - 16 см;
11 - могильник Актас 4, курган 41 - d венчика - 20,5 см,
d тулова - нет данных, h - 7,5 см;	22 - могильник Караша, курган 31 - d венчика - 16,
d тулова - 17 см, h - 12 см.

готовляли и употребляли большое количество глиняной посуды, причем разную по форме, размеру и назначению. Поэтому можно предполагать, что эти данные являются признаком, по которому можно отличить кочевническую культуру от земледельческой, а кочевой быт от оседлого и, наконец, скотоводческое от земледельческого хозяйства.

В этом аспекте значительный интерес представляет количество глиняных сосудов, найденных в могилах древних усуней. В большинстве могил, как правило, находятся один-два сосуда, поставленные с пищей (Бернштам А.Н. 1952; Акишев К.А. 1955; Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1963; Кибиров А. 1956; Он же. 1955; Максимова А.Г. 1959).

Однако имеется исключение из этого правила, когда в могилах вместе с захороненным поставлены от 8 до 17 сосудов. Разберем, в каких же захоронениях встречается такое количество посуды (рис. 5).

Так, в Аракольском могильнике в четырех раскопанных могилах было обнаружено всего 37 глиняных сосудов, причем во второй могиле кургана № 1 – 17 мисок и горшков (Воеводский М.В., Грязнов М.П., 1938: 174). По ряду довольно убедительных доводов эти могильники исследователями определены как относящиеся к захоронениям родоплеменной знати III в. до н.э. – I в. н.э. (Воеводский М.В., Грязнов М.П., 1938: 177-178).

Большое количество сосудов обнаружено также в могилах могильника Актас IX, здесь в одной могиле находилось 6-8 сосудов, пять сосудов найдено в могильнике Сары-Тогай (на Чарыне) (Агеева Е.Н. 1959: 80-85). Могильники датируются III-V вв. (рис. 6) Акишев К.А. 1967: 294).

Таким образом, увеличение количества глиняных сосудов характерно для двух категорий захоронений: родоплеменной знати и рядовых усуней. Но с той лишь разницей, что если в могилах первых много сосудов находилось уже на первом этапе появления древних усуней на политической арене, то у вторых – только в предтюрокское время. Отсюда можно заключить, что на раннем этапе усуньской истории оседлость была в большой степени присуща родовой и племенной знати и иной прослойке владетелей, чем остальной части беднейшего населения. На позднем этапе, в III-V вв., по-видимому, происходит более широкое оседание и развитие земледелия у усуней.

Таковы археологические материалы, которые могут быть мобилизованы по исследуемому вопросу. Они являются достоверным фактом, доказывающим существование и развитие земледелия в усуньском обществе.

Прямые указания о развитии оседлости и земледелия на территории Семиречья в древнеусуньское время имеются в письменных источниках.

Так, китайский историк Бань Гу сообщает, что придворная дама Фын, приставленная к китайской принцессе, выданной замуж за усуньского гуньмо, раздавала подарки усуньским «оседлым владельцам» (Бичурин Н.Я. 1950b: 88), жившим в самой столице Чигу или в её окрестностях. По этому небольшому, но важному сообщению определенно устанавливается, что какая-то часть древнеусуньского общества была оседла. Хотя этот же источник в другой части повествования утверждает, что усунь не занимаются ни земледелием, ни скотоводством, но оседлость, как известно, связана с земледелием. Другой вывод, к которому можно прийти, заключается в том, что оседлые земледельцы были владельцами (собственниками) не только скота, но и земельных участков и жилых строений.

Китайский историк XIX в. Хэ-Цю-Тао, ссылаясь на древние источники, сообщает, что древние усунь не устраивают полей, но «сеют деревья» (Кюннер Н.В. 1961: 74). Комментатор «Ханьшу» Янь Ши-Гу – историк VII в. н.э. – конкретизирует это сообщение, поясняя, что «сеют деревья» — значит «сажают деревья» (Кюннер Н.В. 1961: 74).

У нас нет никаких оснований не доверять этим сведениям древнекитайских источников. Ханьская империя, проводя традиционную великодержавную политику по отношению к северным и западным варварам, была более склонна подчеркивать их кочевническую отсталость, чем приписывать им нехарактерные для них деяния и образ жизни. Повидимому, у оседлой части усуней имело место и садоводство.

Мы располагаем и другими сведениями более определенного и конкретного характера по рассматриваемому вопросу. Это сообщение историка Суй Сун, прямо утверждающего, что хотя усунь следовали за водой и травой (кочевали), «все же имели города и предместья» (Кюннер Н.В. 1961: 78).

Приведенные факты, на наш взгляд, не оставляют сомнения в том, что у древних усуней были развиты оседлость и земледелие. Несомненно, влияние на раннее развитие земледелия у древних усуней оказывало соседство с ханьским Китаем. По данным династийных хроник, уже в I в. до н.э. Китай создавал вдоль своих западных границ военные поселения (Ханьшу. 1958). Тесный контакт и общение усуней с жителями этих поселений, занимавшихся земледельческим трудом, ускоряли развитие оседлости и земледелия в Семиречье.

Развитие земледелия в позднеусуньское время, установленное приведенными выше археологическими данными, подтверждаются новыми, ранее неизвестными сообщениями китайских источников об

7. Могильник Бегазы. Общий вид. Рисунок П. Агапова

усуньских владельцев, обрабатывающих землю (Чжоу Чжи Чжи и Лю-чжи. 1936: 74). Таковы те немногочисленные, но убедительные сведения, которыми располагает ныне археологическая и востоковедческая наука о существовании земледелия в Семиречье в древнеусуньское время.

Эти данные, таким образом, свидетельствуют, что оседлость и земледелие были развиты в среде древних усуней еще в первых веках до н.э., а более широко – на позднем этапе, в III-V вв. н.э. По этим же данным устанавливается, что получили развитие огородничество (?), богарное земледелие и садоводство.

Однако и в этот период в усуньском хозяйстве, хотя скотоводство было не единственной формой хозяйства, но и земледелие не стало играть равную скотоводству роль. На всех этапах развития хозяйства скотоводство преобладало над земледелием. Оно и при комплексности хозяйства оставалось одним из основных средств производства. В такой оценке значения скотоводства в жизни усуней Семиречья единодушны археологические и письменные источники. Но и при изучении этого направления хозяйства археологические источники являются наиболее объективными и беспристрастными информаторами в отличие от письменных, достоверность сведений которых полностью зависит от эрудиции и информированности, индивидуальных качеств автора, его идеологических воззрений и политических взглядов (Кюннер Н.В. 1961: 20).

В свое время мы уже отмечали противоречивость сведений древнекитайских хроник об оседлости у усуней. Здесь необходимо отметить, что данные о скотоводстве также отрывочны и довольно однобоко от-

8. Могильник Бегазы. Ограда 1. Фото 1949 г.

ражают реально существовавшую картину развития направления хозяйства. Китайские авторы дают общую характеристику усуньского хозяйства и быта предельно лаконично: перекочевывают с места на место в поисках корма и воды для скота. Эта формула традиционна и общая для большинства кочевых и скотоводческих иноземных по отношению к ханьскому Китаю племен, так называемых западных и северных «варваров». В приложении к усуньскому Семиречью она верна по существу, но не точна при конкретизации истории развития хозяйства сравнительно с другими районами Казахстана.

Известно, что в древности, при низком уровне развития производительных сил, фактор среды играл определяющую роль в зарождении той или иной формы хозяйства. Значение среды контрастно проявилось в период появления производящего хозяйства (полиметаллические эпохи), но особенно в эпоху освоения железа, которая на территории древнего Казахстана почти совпала с переходом к новой форме хозяйства – к кочевому скотоводству. С этого времени (IX-VIII вв. до н.э.) разные по природным условиям (преимущественно по рельефу и источникам воды) районы Казахстана развиваются специфичными путями. Соответственно в разной естественной среде возникают разные формы хозяйства, складываются своеобразные культуры и особые типы памятников (Археологическая карта Казахстана. 1960). Исторически определяются три зоны хозяйственного районирования: Центральный и Западный Казахстан, зона степи и полупустынь – районы экстенсивного кочевого скотоводства с круглогодичным содержанием скота на подножном корму, слабого разви-

9. Могильник Бегазы. Ограда 1. А.Х. Маргулан рассматривает систему кладки стены.
Фото 1949 г.

тия земледелия и оседлости (Маргулан А.Х. 1950). Южный Казахстан, зона лесовых равнин в долинах рек Сыр-Дарья, Талас, Келес и Арысь – район раннего зарождения оседлости и поливного земледелия, городской культуры и ирригационного строительства (Бернштам А.Н. 1951; Агеева Е.И., Пацевич Г.И. 1958; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. 1972). И, наконец, Семиречье и Восточный Казахстан, зоны горных систем Тянь-Шаня и Алтая – район комплексного хозяйства, сочетание полукочевого (яйлажного) скотоводства и богарного земледелия. Специфичность памятников, отражающих полукочевой-полуоседлый быт: зимовки-поселения, бесцитадельные города, города-убежища и города-ставки (Бернштам А.Н. 1948; Байпаков К.М. 1966).

Рассмотрим принципиальное различие между скотоводческими хозяйствами, существовавшими в рассматриваемое время в Центральном Казахстане и Семиречье. При этом правомерно привлечение этнографических параллелей, так как система ведения хозяйства казахов XVIII-XIX вв. ничем существенным не отличалась от практики хозяйственной деятельности древних скотоводческих племен. Пастбищно-кочевая система

или сезонное распределение пастбищ и водных источников, уже сложившаяся в момент перехода скотоводов к кочеванию в IX-VIII вв. до н.э. (без него вообще было бы невозможно кочевое скотоводство), практически оставалась неизменной в продолжение трех тысячелетий, вплоть до казахов недавнего прошлого. Вывод этот – не просто предположение, а основывается на исторической топографии памятников: поселений, зимовок и погребальных сооружений. Размещение их в продолжение всего этого огромного периода в одних и тех же местах свидетельствует, что еще на заре перехода к кочевничеству были уже определены наиболее благоприятные для скотоводства районы кочевания и они не менялись веками. При этом обязательным условием пригодности их для хозяйственного использования являлось наличие пастбищ, пригодных для сезонного чередования.

По топографии памятников наиболее точно устанавливаются места зимовок – места продолжительного оседлого стояния кочевника. Эти места жительства оставались постоянными сотни и тысячи лет, из поколения в поколение. Рядом с ними находились семейно-родовые могильники и кладбища, которые увеличивались вместе с бегом времени. Таким образом, возникали ныне известные археологам огромные некрополи, состоящие из разнотипных и разновременных памятников, и многослойные зимовки-поселения. Можно привести многочисленные примеры таких памятников. Однако достаточно привести лишь некоторые из них. В Центральном Казахстане это известный некрополь Бегазы, где сосредоточены ограды атасуского этапа андроновской культуры (XV – XI вв. до н.э.) и плиточные ограды дандыбай-бегазинского времени (IX – VIII вв. до н.э.), каменные и земляные курганы эпохи раннего железа (VII-IV вв. до н.э.), казахские каменные надгробные сооружения XVII-XVIII вв. и мазары XIX – начала XX вв. (рис. 7, 8, 9) (Маргулан А.Х. 1948: 13-19; Он же. 1979).

В Южном Казахстане Бурджарский (Борижарский) могильник, состоящий из тысячи земляных курганов, служил местом захоронения, начиная с VI по XII вв. н.э. (Агеева Е.И., Пацевич Г.И. 1955: 53-56). Особенно большое количество таких некрополей расположено в районах зимовок в Семиречье. Среди них такие, как Жуантобинский могильник (долина р. Или), содержащие захоронения сакского, усуньского и тюркского времени (VII в. до н.э. – VIII в. н.э.) (Археологическая карта Казахстана. 1960: 325; Максимова А.Г. 1960: 60-64; Она же. 1959: 79-85), грандиозные курганные поля могильников Карабулака и Кетменьтобе (Баруздин Ю.Д. 1957; Кожомбердиев И. 1963) и другие.

В той же связи следует еще раз вернуться к стратиграфии зимовки-поселения Актас II. Примечательность его в этом аспекте – многослойность: древнеусуньские культурные слои I-III и IV-VI вв. перекрывали следы стоянки XVIII века (датируется цинскими монетами) и остатки строительных конструкций казахских зимовок XIX-XX веков. Не случайно, по-видимому, и находки нескольких черепков, близких по орнаменту к эпохе бронзы.

Эти археологические материалы, таким образом, доказывают, что на территории Казахстана и Киргизии, во-первых, наибольшее количество памятников, как правило, располагается в местах зимовок, т.е. в местах максимальной оседлости кочевых племен. А во-вторых, пункты эти, некогда избранные как наиболее благоприятные для зимовок, не менялись в продолжении многих веков, что свидетельствует не столько о преемственности культуры, сколько о схожести типа хозяйства и образа жизни последовательно сменявших друг друга племен.

Не изменялась сколько-нибудь заметно окружающая среда, оставались почти неизменными форма хозяйства и образ жизни человеческого общества. Таким образом, на самом начальном этапе перехода к кочевничеству (IX-VIII вв. до н.э.) произошло распределение всей территории обитания племен на зимние, весенние, летние и осенние пастбища. Эти места сезонного обитания почти не менялись за весь почти трехтысячелетний период существования кочевого скотоводства на территории Казахстана. Представляется, что приведенные археологические примеры доказывают этот вывод. Поэтому можно определенно утверждать, что уже в сакское время, а тем более в усуньское, определялись постоянные места зимних пастбищ, места сезонной оседлости кочевников.

Но по археологическим данным не представляется возможным установить, существовали ли конкретно определенные места, пригодные для жительства людей и пастбы скота в другие сезоны года: осенью, весной, летом. Таких данных вообще нет. Все выводы и рассуждения по этому вопросу, существующие в археологической литературе, являются сугубо предположительными, полученными ретроспективным методом.

Однако, если иметь в виду относительную неизменяемость всей системы ведения кочевого скотоводческого хозяйства с древнего времени до наших дней, то выводы, полученные ретроспективным методом – от позднего к раннему, должны довольно правдиво отражать существовавшую в древности действительность. Кроме того, существенную помощь в решении этого вопроса оказывают данные других наук, как ботаника и гидрология. Поэтому мы обратимся к ним.

Кочевое скотоводство того типа, которое имело место в Центральном и Западном Казахстане, построено на большой амплитуде кочевания из южных районов на север и обратно. Такое меридианальное направление кочевого пути было выработано в результате многовекового опыта наблюдения за состоянием сезонного травостоя и водных источников в степных и полупустынных просторах этих районов.

Главным естественным фактором, определяющим специфичность типа хозяйства и постоянный маршрут перекочевков, является периодичность поедаемости скудной растительности, неравномерно распределенной на огромных пространствах Центрального и Западного Казахстана.

Исключительное значение для доказательства этого тезиса имеет характеристика покрова, извлеченная из материалов Особого комитета по исследованию союзных автономных республик, собранных в 20-е годы специалистами разных профилей. Так, по сведениям И.М. Крашенинникова, в центрально- и западноказахстанских степях устанавливается такая периодичность поедаемости трав по сезонам: зимой – ковыль, жусан, кияк, солянка, кокпек, биюргун, бетеге; весной – еркер, ковыль, ебелек, кияк, кокпек, бетеге; летом – еркер и ебелек и, наконец, осенью – жусан, солянка и кокпек (Крашенинников И.М. 1927: 43).

Периодичность поедаемости трав построена, прежде всего, на сезонной смене растительных форм, являющейся природной закономерностью общей для всех климатических зон суши. Но важное значение имели также особенности, характерные лишь для зоны сухих степей, в частности, депрессия в поедаемости, которую обнаруживают растения (ковыль, еркер и другие), составляющие главную массу корма. Другая форма растительности – полынь (жусан) всех видов, являющаяся также одним из основных растительных покровов степи, совершенно не пригодна для корма в течение весны и всего лета, но становится одним из основных кормов осенью и зимой, когда мороз разрушает накопленные в ней вредные вещества.

Вторым важным фактором, определяющим переход к кочевничеству, являются естественные запасы питьевой воды, ограниченные засушливостью климата, засоленностью грунтовых вод, рек, озер. Так, например, реки Сагыз, Уил, Эмба и их притоки (Западный Казахстан) имеют пресную воду всего 2-3 месяца, а в течение остального периода времени года – непригодную для питья воду (Крашенинников И.М. 1927: 45).

Эти факторы определили, что скотоводы с наступлением тепла были вынуждены кочевать на север, где имелись хорошие злаковые пастбища и обильная пресная вода, а с похолоданием – возвращаться на

зимовье в межгорные ущелья, в прибрежные заросли, в котловины песчаных барханов.

Меридианальное с юга на север и обратно направление кочевания дореволюционных казахов зарегистрировано всеми исследователями, изучавшими в разные годы хозяйство, быт и образ жизни этих кочевников Центрального и Западного Казахстана. Р. Карутц, в 1909 г. побывавший среди киргизов (казахов – К.А.) на Мангышлаке, отмечает, что они кочуют в полупустынных степях, расположенных в пределах от Каспийского до Аральского моря и от Красноводска на юге до р. Урал на севере (Карутц Р. 1810). Аналогичную картину наблюдал Ф. Фиельструп у казахского племени адай в Западном Казахстане. По его наблюдениям, с наступлением тепла все роды адай покидают места зимовок, расположенные к югу от р. Эмбы, и также кочуют на север к летним пастбищам (Фиельструп Ф.Ф. 1927: 79). Такое же направление перекочевков было характерно и для казахов Внутренней Орды, хотя, как отмечает В.В. Востров, у них протяженность кочевого маршрута составляла не более 200-250 км (Востров В.В. 1956: 16-21).

В таких же условиях, по такому же направлению кочевали казахи Центрального Казахстана. Отдельные роды и племена преодолевали пустыню Бетпак-Дала, проходили огромные расстояния из низовьев р. Сыр-Дарьи и с предгорьев Каратау до границы лесостепи (Востров В.В. 1956: 16-21).

Приведенные данные относятся к началу XX века, т.е. ко времени тех событий, когда Казахстан уже продолжительное время находился в составе России и развитие его экономики под воздействием последней претерпело существенные изменения. Однако имеющиеся в источниках факты доказывают, что формы хозяйства и направление перекочевков казахских скотоводческих племен сложились раньше, чем произошли те события, а упомянутые перемены не коснулись практики ведения кочевого скотоводства. В этом аспекте интерес для нас представляют сведения архивных источников о распределении пастбищ на зимние и летние, существовавшем между казахскими феодалами, их аулами и родами.

Так, источники свидетельствуют, что во второй четверти XIX века во Внутренней Орде зимовки казахов есаула Караулходжа Бабаджанова находились на юге около поста Кокоревского (восточное побережье Каспийского моря), а летние пастбища – на севере, в урочищах Джидели, Бекетай и Яманул. Аул другого феодала, старшины Куйбаса Бекбаева, места зимних стоянок имел также на юге, по побережью Каспия (между урочищами Кум-Суваг и Тар-Суваг), а летние – севернее, в местностях

Абиль-Игкень, Батыр-бай, Кендже, Аванас и др. Мы привели лишь два факта, но их значительно больше (Еренов А. 1961: 92-94).

В первой половине XVIII в. зимовки хана Аблая находились в горах Кокшетау, а летние – на севере, в долине р. Ишим (Еренов А. 1961: 90-91).

В начале XVI в. ставка (зимовка) казахского хана Бурундука была расположена около с. Сарайчик (северо-восточное побережье Каспия), летние же стоянки – в Приуральских степях (Чулошников А.П. 1924: 113).

По приведенным данным можно заключить, что сезонное распределение пастбищ и меридианальные маршруты кочевания существовали на территории Западного и Центрального Казахстана во все периоды развития скотоводческого хозяйства кочевых казахов. Но в письменных арабо-и персоязычных источниках имеются сведения по интересующему нас вопросу для более ранних периодов истории Казахстана, до сложения казахского народа. Они будут приведены ниже. А сейчас вернемся для сравнения к южным и восточным районам Казахстана в те же периоды.

В Семиречье и в Восточном Казахстане в отличие от Центрального и Западного наблюдается иная картина, хотя и здесь скотоводческое хозяйство основано на периодичности поедаемости трав. Семиречье отличается богатством растительного покрова и источников пресной воды. Флора его насчитывает около трех тысяч видов растений, что втрое превышает число видов в районах Средней России. Благодаря большому различию природных условий, густота стояния растений увеличивается по мере повышения местности над уровнем моря, характер растительности изменяется в самых широких пределах. Так, в низменной части, в прибалхашских песках характерными признаками флоры является преобладание кустарников и полукустарниковых форм и редкое стояние трав, а в горных районах, в зоне альпийских лугов наблюдается многообразие и исключительное богатство растительного покрова.

В Семиречье также не существует проблемы водообеспечения. Выше отмечался высокий уровень выпадения осадков. Много здесь больших и малых рек, горных озер, питающихся родниковыми и талыми ледниковыми водами. Эти водные источники в избытке обеспечивали пресной водой хозяйственные и бытовые нужды населения (Давыдов Л.К. 1925: 33-47). Нехватка корма и воды наблюдалась лишь в пустынях Прибалхашья, составляющих лишь небольшую часть территории Семиречья. Но и они использовались под пастбища зимой, когда потребность в воде низка и полностью удовлетворяется снежной и колодезной.

Поэтому в Семиречье, в такой природной среде и возникли своя форма скотоводческого хозяйства и иные направления кочевых маршрутов, отличные от Центрального и Западного Казахстана.

Правда, и здесь места зимовок и зимние пастбища располагались в песках Прибалхашья, в прибрежных зарослях долин рек Чу и Или, на южных склонах невысоких горных гряд. Так, И.В. Захарова, основываясь на материалах конца XIX - начала XX вв., сообщает, что семиреченские казахи снимались с зимовок в середине мая и перекочевывали на высокогорные летние пастбища, откуда спускались лишь в конце лета в предгорья, где многие из них имели небольшие посеы (Захарова И.В. 1956: 109, 115). В Семиречье излюбленные места зимних стоянок казахов-кочевников находились на северной окраине региона, поэтому перекочевки совершались с северных низменных районов на юг к летним горным пастбищам, а не с юга на север, как это имело место в Центральном и Западном Казахстане.

Такая система кочевания, сложившаяся соответственно различным вертикально расположенным зонам Семиречья (Ахмедова К.Б. 1962: 92; Захарова И.В. Указ. соч.: 109; Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1963: 264), получила название вертикальной системы кочевания.

Другой особенностью Семиречья является то, что посезонные пастбища здесь располагались на небольших расстояниях один от другого. Поэтому максимальная амплитуда кочевания достигает 150-200 км в степных районах, а минимальная - 50-100 м в горных местностях. При такой сравнительно небольшой удаленности пунктов перекочевки друг от друга семиреченские скотоводы тратили гораздо меньше времени на передвижение, проводя большую часть года на стоянках. Это и определило особые черты, сложившиеся в хозяйстве и в быту. Племенам Семиречья в большей степени был присущ полукочевой-полуоседлый быт и, как уже отмечалось, раннее приобщение к труду земледельца.

Полукочевой образ жизни, аналогичный семиреченскому, вели и казахи-кочевники Восточного Казахстана.

С.И. Руденко, занимавшийся в 20-х годах XX века изучением быта племен найман и керей, сообщает ценные сведения о характере хозяйства и форме жилищ этих племен. Особый интерес для нас представляют его данные о существовавших в то время порядках перекочевки. Так, найманы и керей, зимующие по побережьям рек Бухтарма и Черный Иртыш, покидают места зимовок в конце мая или в начале июня, а возвращаются обратно к октябрю месяцу. В продолжение всего этого срока кочевой жизни проходят не более 60-100 км в одну сторону. Причем

переходы до достижения летовки совершаются на небольшие расстояния – от 10 до 30 км, а остановки на стоянках продолжаются 5-10 дней. Более продолжительны стоянки на летних пастбищах: они длятся более 30 дней и приходятся в основном на июль месяц (Руденко С.И. 1930: 4-6). С.И. Руденко сообщает также, что найманы и керей имели в районе зимовок посевы хлеба и занимались сенокошением.

Таким образом, из приведенных данных становится очевидным, что у казахов Семиречья и Восточного Казахстана существовала одинаковая форма ведения скотоводческого хозяйства, в то же время оно существенно отличалось от кочевого скотоводства, практиковавшегося в степях и полупустынях Центрального и Западного Казахстана. Поэтому можно утверждать, что в этих районах скотоводческое хозяйство имело полукочевую–полуоседлую форму. Однако какую бы форму не имело скотоводство, кочевую или полукочевую, не только развитие, но и само существование его полностью зависело от наличия посезонно-распределительных пастбищ.

Выше были приведены факты, свидетельствующие о сложившейся пастбищно-кочевой системе, имевшей место у казахских племен в XVI – начале XX вв.

Но подобные сведения имеются в более ранних письменных источниках. Они доказывают, что чередование пастбищ по сезонам года существовало у племен Казахстана и в более отдаленные эпохи, чем XV-XVI вв.

В связи с тем, что для нашего исследования важно установление регламентации пастбищ у древних племен, приведем эти сведения в хронологической последовательности. Причем хронологическая непрерывность сообщений об этом, начиная с недавнего прошлого до изучаемого перехода, является доказательством существования сезонных пастбищ у саков, усуней, кангюй.

Среди письменных источников XV-XVI вв. ценные сведения по интересующему нас вопросу имеются в труде Фазлаллаха бен Рузбехана «Михман-намеи Бухара» (Ибрагимов С.К. 1960b: 141-157). В этом труде, являющемся, по мнению ираниста С.К. Ибрагимова единственным сочинением средневековых авторов, наиболее полно знакомящим с бытом и хозяйством казахов-кочевников, Рузбехан сообщает, что казахский улус имеет зимовки и летовки, которые располагаются на протяжении шестисот фарсангов.¹ Причем, зимовки их, по словам Рузбехана, находились по берегам реки Сейхун (Сыр-Дарья) в Каракумах, а летние пастбища – по окраинам Дашт-и-Кипчака, вплоть до реки Итиля (Волги)

1 Один фарсанг равен 6-7 км.

(Ибрагимов С.К. 1960b: 143-145). Эти сообщения Рузбехана, как видим, относятся ко всем казахским племенам.

Конкретные сведения, относящиеся к определенному родоплеменному объединению, имеются в работе другого автора XVI в. Так, Мухаммад Хайдар сообщает, что к концу лета казахи Казым-хана двинулись на зимовки и зимовали в долине реки Каратал (Семиречье), а в начале весны хотели вернуться в первоначальное местопребывание (Вельяминов-Зернов В.В. 1864; Волин С. 1960: 197), т.е. в районы летних пастбищ.

Сообщение источников, приводимых ниже, относится к прото-казахским племенам, вошедшим в состав этого народа. Историк XVI в. Рашид-ад-дин пишет, что Абдулжа-хан (Волин С. 1960: 190) был кочевник, и летнее пребывание его было в больших и высоких горах Ортак и Кузтак,² а зимовки – в Бурсуну, Какияне и Каракуме, находящихся недалеко от городов Талас и Кары-Сайрам. У Рашид-ад-дина имеются также сведения, относящиеся к территории Семиречья. Так, по его словам, племена чагатайского царевича Есенбуки зимовали у озера Иссык-Куль, а на летовки располагались в долине р. Талас (Рашид-ад-дин 1952: 780-781).

Наглядные примеры существования распределения пастбищ по сезонам и направления перекочевок на территории Казахстана содержатся в трудах средневековых авторов XIII в. Гильом Рубрук, проезжавший по территории Казахстана в 1253 году, пишет, что здесь каждый начальник знает границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимой, летом, весной и осенью. Они зимою, продолжает Рубрук, спускаются к югу, а летом поднимаются на север (Путешествие в восточные... 1957: 91).

Сведения другого автора XIII в. Ибн-ал-Асира относятся конкретно к тюркским кипчакским племенам. Они, как сообщает он, кочуют летом по соседству с волжскими булгарами, а зимой – около Баласагуна (Бартольд В.В. 1964: 290; Он же 1966: 53), т.е. в Западном Семиречье, в долинах рек Талас и Чу. Данные ибн-Асира совпадают с сообщением Абуль-Гази о том, что Батый при распределении земель определил границы владений Шайбани-хана, предписав ему летом кочевать на восточной стороне Яика, по рекам Ирғиз-Сувику, Ории-Илеку до горы Урал, а зимовать в Аракуме, Каракуме и по берегам реки Сыр-Дарьи, при устьях рек Чу и Сары-Су (Родословное древо тюрков. 1906: 60). Аналогичные сообщения о сезонном распределении пастбищ в направлениях перекочевок

2 Ортак, по-видимому, можно отождествить с горами Ортау (Ортак-Ортаг-Ортау), находящимися недалеко от ж/д ст. Агадырь.

у тюрко-монгольских племен в XIII в. можно найти в трудах Марко Поло (Книга Марко Поло. 1955: 88).

В письменных источниках более ранних эпох также имеются сведения о пастбищно-кочевой системе, имевшей место у кочевых тюркских и тюрко-язычных племен в IX-XII вв. Хотя они весьма скупы и более фрагментарны, чем приведенные, но все же их достаточно для положительного решения интересующего нас вопроса.

Так, известный автор XI в. Махмуд Кашгарский в словаре тюркских языков, содержащем много исторических и географических сведений, упоминает о местности Юн-арык в Семиречье и подчеркивает, что это название летовки поблизости от Баласугана (Волин С. 1960: 84). Автор X в. Кудамы ибн Джафар сообщает о местности Касрибас, находящейся в районе города Тараза, что это теплое место и начало (аул) карлукских племен (Волин С. 1960: 77).

Эти же сведения имеются в сочинении арабского географа IX века Абдаллаха ибн Хордадбега. Но сведения Хордадбега более ценны и, по-видимому, более точны, так как они содержатся в труде, написанном на сто лет раньше, чем книга Кудамы. Ибн Хордадбег конкретизирует, что Касрибас – это теплое место, где зимуют карлуки, и поблизости от него зимовки другого тюркского племени халаджей (Волин С. 1960: 74).

Итак, изложение в возможной хронологической последовательности сообщений письменных и литературных источников о системе ведения кочевого хозяйства на территории Казахстана и некоторых близлежащих районов мы довели до изучаемого периода, т.е. до конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.

Единственными источниками для этого периода, содержащими сведения по интересующему нас вопросу, являются китайские династийные хроники. Эти исторические сочинения основаны на донесениях очевидцев-послов, наместников, полководцев и путешественников, вступавших в непосредственный контакт с оседлыми и кочевыми племенами и государствами Западного края, поэтому они могут претендовать на точную передачу фактов, хотя по ним и нельзя представить полную картину хозяйственной жизни племен. Могут быть мобилизованы такие сведения.

В истории Танской династии («Таншу») есть указания, что у племен тюрков, обитавших на Южном Алтае во второй половине VI в., не было постоянного местопребывания, но каждый имел свой участок земли (Бичурин Н.Я. 1950а: 230). Очевидно, что под участком земли надо понимать пастбища, а коли тюркские племена не знали оседлости (не имели постоянного местопребывания), то перекочевывали, посезонно меняя пастбища.

Территориальные соседи тюрков – племена жуань-жуани Северной Монголии – при предводителе Гюйлухой зимой кочевали на южной стороне Песчаной степи, а с наступлением лета возвращались на северную (Бичурин Н.Я. 1950а: 185). Приведенные данные относятся к раннему периоду истории этих племен, к IV в. н.э.

Наиболее ценны для нас сообщения хроник о близлежащих соседях древних усуней – хунну и кангюй.

По сведениям китайских авторов, хунну и кангюй уже в III-II вв. до н.э. знали сезонное чередование пастбищ. Так, кочевники хунну, «смотря по временам года, переходят с места на место» (Бичурин Н.Я. 1950а: 58).

Более подробны сведения о кангюй, локализуемых по среднему течению Сыр-Дарьи и в долине р. Арыси. Владелец их, по сообщению источника, зимой в холодное, а летом в жаркое время живет не в одном месте, а в разных (Бичурин Н.Я. 1950b: 184). Причем от города Битянь (ставка владельца) до земли Леань, где находилось зимнее управление (стоянка) владельца, езда на лошади семь дней, а до подвластной территории, где правитель пребывал летом, 9104 ли (Кюннер Н.В. 1961: 174). Можно полагать, что Леань (Бернштам А.Н. 1950: 214) – место зимовки кангюйских племен – находилось в низовьях реки Сыр-Дарья и в горах Каратау, а летовки – севернее, в степях Северного и Центрального Казахстана.

Изложенным исчерпываются сведения китайских династийных хроник о системе ведения скотоводческого хозяйства кочевыми племенами в указанное время. В них нет данных, относящихся непосредственно к древним усуням. Но последние и племена хунну (сюнну) и кангюй (канцзюй), как свидетельствуют эти же письменные, а также археологические источники, находились на одинаковом уровне развития, как в социально-экономическом, так и в культурном отношении. Они были близки территориально и, возможно, этнически. Многовековые контакты их между собой и взаимовлияние, заключение брачных союзов, военные конфликты и взаимную миграцию отмечают все древнекитайские историки в своих трудах, посвященных взаимоотношениям усуней с хунну и с кангюй. Поэтому без опасения допустить ошибку, вышеприведенные сведения, касающиеся хунну и кангюй, можно отнести и к усуням. Очевидно, что посезонное распределение пастбищ было известно усуням еще в IV-III вв. до н.э., так же, как и другим кочевым племенам Западного края, сложение пастбищно-кочевой системы у которых подтверждено письменными источниками.

Развитому кочевому скотоводческому хозяйству характерно старое определенное соотношение видов домашних животных, прибавление в реальном стаде животных, пригодных к длительным передвижениям, к само-

добыванию корма в зимних условиях. Такими животными в стаде кочевых племен и народностей являются верблюды, лошади и овцы, что является фактом, известным из этнографии всех кочевых народов и не требующим дополнительных доказательств. Поэтому дополнительным источником по интересующему нас вопросу может быть информация, извлеченная при изучении остеологического материала. Так, анализ и статистика животных костных остатков, собранных при раскопке поселений и захоронений древ-

Таблица процентного содержания костных остатков

№№ п/п	Актас 2 (III – V вв.) ³		Луговое-холм (I-V вв.)
	Виды животных	В %	В %
1.	Лошадь	32,7	22,8
2.	Крупный рогатый скот	16,3	33,1
3.	Овцы	48,4	37,9
4.	Верблюд двугорбый	-	2,4
5.	Коза домашняя	0,7	0,4
6.	Осел домашний	-	0,4

них усуней, дают материал, позволяющий восстановить существовавший состав стада и установить соотношение видового скота животных в хозяйстве. В свою очередь, по видовому соотношению можно судить и о форме скотоводческого хозяйства, и об образе жизни племен. И, наконец, исходя из положения, что кочевое скотоводство немыслимо без пастбищно-кочевой системы, остеологические данные могут внести ясность и на существование этой системы в древнеусуньском хозяйстве.

Мы располагаем костными остатками с зимовки-поселения Актас 2 (Восточное Семиречье) и поселение Луговое-холм (Западное Семиречье), относящихся к усуньскому племенному объединению, локализуемому в разных частях Семиречья в один и тот же период. Обратимся к видовому определению фаунистических остатков из этих поселений.

3 Определение произведено в Институте зоологии АН КазССР Б. Кожамкуловой.

Результаты определения остеологического материала, полученного при раскопке зимовки-поселения Актас 2 и Луговое-холм, доказывают, что видовое соотношение в реальном составе стада у усуней характерно для хозяйства, основанного на полукочевом скотоводстве. Причем это соотношение несколько различно у восточно- и западносемиреченских усуней, что может быть подтверждено таблицами процентного содержания костных остатков каждого вида домашних животных⁴.

Остальные кости принадлежат диким животным: марал, архар, горный козел и другие.

При анализе показателей таблицы обращает внимание большой процент содержания крупного рогатого скота (33,1%) на поселении Луговое-холм, а овец (48,4%) и лошадей (32,7%) — на зимовке-поселении Актас. Такое соотношение видов домашних животных, плохо приспособленных к кочеванию и самодобыванию корма зимой (корова) и наоборот (лошадь, овца), очевидно, свидетельствуют, что западносемиреченским усуням была присуща большая оседлость, чем усуньским племенам восточных районов. Отличие в образе жизни этих двух усуньских групп населения может быть объяснено большей пригодностью равнинных земель долин рек Талас и Чу для оседлого земледелия и влиянием близлежащих древнеземледельческих центров Согда и Южного Казахстана на Западное Семиречье.

Таблица показывает также, что в составе стада усуней всего Семиречья были все виды домашних животных: овца, лошадь, корова, двугорбый верблюд, коза, осел. По археологическим данным представляется возможным установить породу и даже масть овец. В Семиреченских усуньских могильниках почти в каждой раскопанной могиле встречаются остатки заупокойной пищи - хвостовые позвонки овец. Они лежат в глиняной чаше или на деревянном блюде, иногда просто на земле и всегда на этих костях лежит железный нож (Акишев К.А. 1955: 3-32; Акишев К.А., Кушаев Г.А: 148-225; Бернштам А.Н. 1950: 58-71). Отсюда можно заключить, что от жертвенного животного покойнику отделялась лакомая часть – крестцовая (курдючная) часть овец. Другой факт. При раскопке Бесшатырского кургана, относящегося к V-IV вв. до н.э., были обнаружены обрывки кошмы и куски веревок, изготовленных из овечьей шерсти трех цветов: черной, белой и коричневой. По этим данным представляется возможным утверждать, что древние усунь разводили грубошерстную, мясо-сальную, возможно, курдючную породу овец. По-видимому,

4 Карчаровский В. Результаты определения костных остатков животных из раскопок Южно-Казахстанской экспедиции 1936-1938 гг. / Архив ИАЭ АН КазССР. Ф. Д. – (таблицы).

в стаде преобладали овцы трех мастей: черные, белые и рыжие. Хотя данные о масти овец относятся к позднесакскому периоду, но они могут быть привлечены и для усуньского времени, учитывая этнокультурную преемственность саков и усуней.

Китайские династийные хроники сообщают, что у усуней было широко развито коневодство. Так, например, богатые владельцы содержали до пяти тысяч голов лошадей, а войско великого и малых гуньмо состояли из 30-тысячной конницы. Порода усуньских лошадей очень ценилась, и ханьский двор охотно принимал их в дар. По сведениям этих источников, усуньские гуньми при женитьбе на китайских царевнах в качестве сговорных даров посылали по тысяче голов лошадей и лошаков (мулов) (Бичурин Н.Я. 1950b: 184). Отсюда мы узнаем, что в составе усуньского стада, кроме лошадей, были мулы. В горно-степных условиях, в которых жили древние усунь, мулы ценились как выносливые вьючные животные.

Семиреченские усунь умели разводить также высокопородных скаковых лошадей. Очевидно, они ценились китайцами за резвость и выносливость, так как усуньские лошади ими ставились после, как они называли, «потокровных небесных» лошадей Давани. Несомненно, только за такие высокие качества усуньские лошади китайцами были названы «западный предел» (Кюннер Н.В. 1961: 117).

Интересно отметить, что именно усуньские лошади до знакомства китайцев с даванскими получили название «небесных» (Кюннер Н.В. 1961) и лишь после получения последних (даваньских) были поставлены на второе место. Это сообщение, видимо, означает, что усуньские лошади по качествам были близки лошадям Давани, но все же отличались от них. Какими же были усуньские лошади? Попытаемся ответить на этот вопрос. Золотые пластинки (7 шт.) с изображением всадника, найденные в богатом захоронении усуньской женщины в Тенликском кургане, дают реальное представление о породе усуньских лошадей.

Судя по изображению, они были крупные, высокие в холке, с хорошо развитой мускулатурой тела и с массивной головой. Длинный хвост, по-видимому, частично заплетенный, почти стелится по земле. Грива или подстрижена, или также заплетена в косы, челка собрана и подвязана в вертикально стоящий пучок, возвышающийся надо лбом (Акишев К.А. 1978: 77). Изображение усуньской лошади на тенликских пластинках отличается почти от всех известных изображений всадников или лошадей Евразии конца I тысячелетия до н.э. – начала I тысячелетия н.э. Насколько можно судить, по экстерьеру и убранству верховые кони усуней отличались от

ассирийских лошадей IX-VII вв. до н.э., изображенных на охотничьих рельефах Ашурнасирапала и Ашурбанипала (Barnett R.D. 1960) так же, как и от мидийских и сирийских VI-V вв. до н.э., изображенных на рельефах из ападаны в Персеполе (Дьяконов М.М. 1961: 45, рис.8, 70; рис.12, 73; рис.13).

Не похожи они и на иранских лошадей, известных по изображениям сцен охоты сасанидских царей на серебряных блюдах III-IV вв. (Луконин В.Г. 1961: Табл. XI-XIX-XXI).

Вместе с тем, на некоторых из приведенных рельефов можно заметить частичные аналогии в деталях конского убора с усуньским изображением. Так, на сирийской лошади челка оформлена так же, как на усуньской, а на иранской времени Шапура II – грива.

Примечательно, что наибольшую схожесть изображение усуньской лошади имеет с изображением сакской лошади на персепольском рельефе VI-V вв. до н.э. (Дьяконов М.М. 1961: 78, Рис. 15). и с фигурой лошади, терзаемой хищником, на золотой пластинке из Петровской коллекции (Руденко С.И. 1962: Табл. VIII). Во всех трех случаях выразительна аналогичность убранства челки и гривы лошадей, близость экстерьера, трактовка нижней челюсти, передающая развитые жевательные мышцы. По-видимому, усуньские лошади породы «западный предел» были потомками сакских лошадей.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что в различных по природным условиям районах Казахстана еще в древности сложились разные формы скотоводческого хозяйства: в Центральном и Западном Казахстане — кочевая, а на юге и востоке Казахстана и в Киргизии – полукочевая, яйлажного типа.

Естественная сезонная сменяемость растительного покрова, разный режим водных источников явились причиной сложения рационального чередования пастбищ – сложение пастбищно-кочевой системы у племен, основой хозяйства которых было интенсивное и экстенсивное скотоводство.

По этой же причине, если кочевник хотел сохранить источник своего благополучия – скот, то должен был иметь место его зимнего содержания и конкретные, гарантированные места осеннего, весеннего и летнего выпаса. Амплитуда кочевания зависела от удаленности этих сезонных пастбищ друг от друга. В центральных и западных районах Казахстана она охватывала большие территории – от южных пустынь до границ лесостепи на севере. А в Семиречье и Восточном Казахстане сложилось так называемое вертикальное кочевание на небольшие расстояния – северных степей и пустынь в альпийские луга на юге.

Возникновение кочевого скотоводства как специфичной формы хозяйства невозможно без сложившейся системы сезонного чередования пастбищ, хотя бы в недоразвитых формах. Ибо беспорядочное (стихийное) передвижение за скотом по огромным просторам Великой степи в поисках корма и воды привело бы к неизбежной гибели людей и стада. Поэтому представляется возможным утверждать, что опыт сезонного распределения пастбищ был накоплен до перехода к кочевому образу жизни еще племенами андроновской культуры. Дальнейшая аккумуляция этих знаний и сложение их в систему чередования пастбищ по сезонам года (пастбищно-кочевая система) происходили вместе с развитием кочевого скотоводства у сакских и усуньских племен. Сложение пастбищно-кочевой системы предшествовало переходу к кочевому скотоводству.

Развитие скотоводческого хозяйства на территории древнего Казахстана проходило несколько этапов, пока не оформилось в сложившуюся форму кочевого скотоводства, дожившую до XIX – начала XX вв.

Предыстория номадизма и соответствующего ему скотоводческого хозяйства начинается со времени зарождения у древних казахстанских обитателей производящего хозяйства, т.е. domestikации диких животных. Пока известные находки самых древних костей домашних животных относятся к IV – III тыс. до н.э. С этого времени и до перехода к кочевой форме скотоводческое хозяйство в своем развитии, как свидетельствуют материалы археологических раскопок, прошло несколько периодов эволюции.

Первый этап – XVII – XV вв. – соответствует по существующей в советской исторической науке периодизации раннему периоду эпохи бронзы. Бытовавшая в это время на территории Казахстана форма скотоводческого хозяйства – оседлое придомное пастушеское, ограниченное поголовье домашних животных обеспечивалось естественным запасом корма, имеющимся на пастбищах, расположенных около поселения; в стаде преобладал крупный рогатый скот как наиболее продуктивный (Грязнов М.П. 1957:23). Однако содержание крупного рогатого скота, в частности, обеспечение его кормом, представляло значительные трудности, особенно в суровых зимних условиях. Стойловое содержание зимой предполагало заготовку хотя бы минимального количества корма. Таким образом, вероятно одновременно со скотоводством и возникновение сенокосения. Это, в свою очередь, стимулировало зарождение первобытного земледелия. Находки при раскопке поселений этого времени орудий обработки земли (каменные мотыги) и кошения сена или уборки посевов (бронзовые серпы) доказывают, что это действительно

так и было. Поэтому мы можем констатировать следующее: в условиях древнего Казахстана параллельно существовали две формы хозяйства - оседлое пастушеское скотоводство и первобытное земледелие. На следующем этапе эти две формы хозяйства получают дальнейшее развитие, но климатические особенности аридной зоны определили районирование всей обширной территории современного Казахстана на регионы, где преобладала одна из этих форм хозяйства.

Второй этап - XV - XI вв. - соответствует развитому периоду эпохи бронзы. Среди костных остатков, обнаруживаемых при раскопке поселений этого времени, увеличивается количество костей овцы и лошади, появляются кости верблюда, что свидетельствовало о росте удельного веса животных, способных к самодобыванию корма зимой и приспособленных к дальним переходам (факты из этнографии многих современных и кочевых в прошлом народов). На поселениях этого же времени известны наиболее ранние находки костяных псалиев, подтверждающих появление конской узды, а значит, и приручение лошади под верховую езду (Маргулан А.Х., Акишев К.А. и др. 1966:301, Прил. 3). Для развития хозяйства и прогресса культуры это имело огромное значение: человек получил возможность включить в сферу своей деятельности, особенно хозяйственной, не только близлежащие, но и более обширные и отдаленные земли. Освоение новых земель и рост поголовья стада находились во взаимной зависимости.

При раскопках подобных памятников в Западном Казахстане (поселение Тасты-Бутак) (Сорокин В.С. 1962:51-60) и в Северном Казахстане (поселение Чаглинка) (Оразбаев А.М. 1970: 129-146) в жилых помещениях впервые были обнаружены остатки колодцев. Эти находки свидетельствуют о том, что человек в этот период научился создавать искусственные источники воды. Если раньше он был полностью привязан к естественным водоемам, то теперь эта зависимость значительно уменьшилась. Это достижение, так же, как и приручение коня, имело огромное значение для большей подвижности племен, увеличения территории их расселения и освоения новых площадей под пастбища и земледелие.

И, наконец, еще один факт. Среди археологического материала, добытого при раскопке захоронений и поселений этого периода, увеличивается количество оружия: бронзовых наконечников стрел и копий, ножей и кинжалов. Очевидно, что рост подвижности и освоение новых земель приводили к частному столкновению племен и войнам. Только эта причина могла вызвать увеличение производства предметов воору-

жения, необходимых не только для защиты своих жилищ, имущества и отстаивания территории расселения, но и для нападения с целью захвата чужого имущества и земли.

Представляется, что перечисленных фактов вполне достаточно для того, чтобы прийти к выводу: в XIV - XI вв. придомное пастушеское скотоводство переросло в свою более высокую ступень, в так называемое яйлажное скотоводство. Для этой формы уже характерно распределение пастбищ на зимние и летние: около поселения скот выпасается лишь в зимнюю пору, а с наступлением тепла стадо в сопровождении пастухов - вооруженных мужчин - перегоняется на летние пастбища. Следовательно, общество уже в XIV - XI вв. стояло на пороге перехода к новой форме хозяйства, к кочевому скотоводству. Однако и на этом этапе хозяйство продолжало оставаться скотоводческо-земледельческим. Хотя преобладание скотоводства было очевидно, но продолжало прогрессировать и мотыжное земледелие. Так, в низовьях Сырдарьи с помощью аэрофотосъемки были обнаружены остатки обработанных полей и оросительных систем, относящихся к этапу периода (Итина М.А. 1977: 19-20, 30). Можно предположить, что в благоприятных природно-климатических условиях довольно рано появились зачатки орошаемого земледелия.

Итоги археологических поисковых и раскопочных работ доказывают, что где-то в пределах хронологических рамок XI - X вв. (поздний этап эпохи бронзы) происходят коренные изменения. Меняется внешний вид памятников, появляются новые, ранее неизвестные формы предметов быта и домашней утвари, статистика костных остатков показывает преобладание костей овцы и лошади - все это является верным признаком изменения материальной культуры в целом (Маргулан А.Х. 1979). Последнее возможно при переходе к новой форме хозяйства и при перемене жизни. Мы приходим к заключению, что это являлось следствием перехода общества к новой форме хозяйства, к кочевому скотоводству. Поэтому период XI - IX вв. был начальным этапом распространения номадизма на территории Казахстана. По-видимому, именно в это время было распространено круглогодичное кочевание, и окончательно складывалась система посезонной регламентации пастбищ и водных источников.

Второй этап охватывает примерно с XIV до XI вв. до н.э. В это время основой хозяйства является полукочевое (яйлажное) скотоводство. Пастбища уже распределяются на зимние, где находятся поселения, и на летние. В составе стада уменьшается количество крупного рогатого

скота, а возрастает численность овец и лошадей (Грязнов М.П. 1957: 23; Маргулан А.Х., Акишев К.А. и др. 1966: 301, Прил. 3).

Следующий, третий этап, ограниченный хронологическими рамками XI-IX вв. до н.э., – первый этап кочевого образа жизни. В этот период яйлажное скотоводство перерастает в кочевое. Представляется, что именно в какой-то короткий отрезок времени в этот период было распространено круглогодичное кочевание в поисках новых пастбищ и окончательно складывалась система посезонного распределения пастбищ и водных источников. В стаде же преобладают овцы и лошади – животные, наиболее приспособленные к дальним переходам и к тебеневочному добыванию корма в зимнее время (Маргулан А.Х., Акишев К.А. и др. 1966: 301-302).

В последующие столетия, начиная с IX - VIII вв. до н.э., в эпоху раннего железа, во всей степной и горно-степной части Казахстана кочевое и полукочевое скотоводство, основанное на сложившейся пастбищно-кочевой системе, было господствующей формой хозяйства, основой экономики. Однако в разных по природным условиям районах Казахстана формировались свои особенности в развитии хозяйства, как скотоводческого, так и земледельческого, в соотношении кочевничества и оседлости. Определяются три основных района хозяйственно-культурного типа (ХКТ) (Акишев К.А. 1972:31-46).

В сакский и усуньский период (VIII в. до н.э. – V в. н.э.) основой хозяйства являлось экстенсивное кочевое скотоводство в его классической форме, основанное на сложившейся пастбищно-кочевой системе. Однако в разных районах Казахстана соответственно географической среде возникают свои особенности в развитии скотоводства. Кочевое скотоводство Западного и Центрального Казахстана отличается от полукочевого скотоводческого хозяйства, распространенного в Южном и Восточном Казахстане, в Киргизии (Акишев К.А. 1972: 31-46).

Дальнейшее развитие кочевого скотоводства не привело к каким-то принципиальным изменениям в форме хозяйства, образе жизни и системе кочевания. Реальные изменения касались внутреннего перераспределения пастбищ и усовершенствования пастбищно-кочевой системы. Система ведения кочевого хозяйства за весь трехтысячелетний период своего существования не претерпела существенных изменений с момента перехода к кочеванию.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ САКСКОГО ОБЩЕСТВА

В первом тысячелетии до нашей эры на континенте Евразия выделилась колоссальная по протяженности область, в которой сосуществовали цивилизации совершенно разного характера и этнического состава. Вместе с тем все исторические процессы, происходившие в ней, были непрерывно сопряжены. В Великом поясе евразийских степей сложилась историко-культурная общность скотоводческих народов. На территории Казахстана данные племена известны под этнонимами: савроматы, саки, исседоны, аримаспы и пр.

Возникновение кочевого скотоводства и культур номадов было эпохальным событием в истории человечества. Ему предшествовали те важнейшие изменения в жизни племен Евразии, которые связываются с понятием «неолитическая революция». Появление производящих форм хозяйства, резкая интенсификация социального и неравномерного прогресса в древних обществах (раньше всего – в ближневосточном и юго-восточном азиатских регионах), зарождение цивилизаций древневосточного типа. В достаточно однородных экосистемах пустынного и степного пояса Евразии, населенных неолитическими племенами с присваивающими формами хозяйства, благодаря структурной интеграции технологических инноваций, пришедших из центров зарождения цивилизаций (усвоение их происходило на селективной основе), возникали так называемые культуры степной бронзы. Они были родственными и весьма схожими в основных признаках, что отражается в археологических комплексах. Пути их трансформации были достаточно единообразными и жестко детерминированными как экосистемными факторами, так и воздействиями историко-культурного порядка.

Поэтому те перспективы развития, которые были скрыты в сложившихся у них гетерогенных формах хозяйства (навыки земледелия, скотоводства, горного дела, металлургии, ремесла, охоты и собирательства) приобретали специфическую направленность, дававшую оптимальные варианты для производства в условиях аридной и экстрааридной зон. Кочевники в своем развитии прошли долгий путь от конца эпохи бронзы до этнографической современности. Уже на ранних этапах они формируют сложно-стратифицированные общества, в которых развитие политических структур достигает раннегосударственного уровня.

Возможности для социологических реконструкций представляют памятники сакской эпохи. Нами уже предпринималась попытка исследования социальной структуры сакского общества по данным могильника Бесшатыр. В этом могильнике за четыре года работы (1957, 1959-1961 гг.) было раскопано 18 курганов, по размерам четко подразделяющихся на большие (царские), средние и малые (Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1963: 26, 84-87) (рис. 10, 11).

Предполагалось, что резко выраженная градация параметров насыпи Бесшатырских курганов, монументальность и сложность деревянных усыпальниц могут быть связаны с имущественным и социальным неравенством членов сакского общества, связаны с поляризацией общества на богатых и бедных. Несомненно, захороненные под большими и малыми курганами Бесшатыра принадлежали к разным социальным категориям населения.

В настоящее время накоплены новые данные, подтверждающие ранее предложенные выводы, поэтому представляется необходимым рассмотреть старые и новые материалы в совокупности.

При определении социальной стратификации сакского общества юга Казахстана и Северной Киргизии, ввиду малочисленности сведений письменных источников по этому вопросу, мы оперируем исключительно показаниями археологического материала, в частности погребального обряда. Возможна мобилизация и оценка такой информации, как богатство и бедность погребального инвентаря, параметры технической усложненности надмогильного и могильного сооружения, количество человеческого труда, затраченного на их возведение, масштабы тризны и жертвоприношений.

В советской археологии применяются и совершенствуются методические приемы обработки такой информации с целью реконструкции древних социальных систем. Вероятно, что в эпоху разложения первобытнообщинного строя и в раннеклассовых обществах существовала прямая

от южных пределов Бетпак-Далы и Прибалхашья до предгорной и горной зоны Северного Тянь-Шаня. На этом пространстве общей площадью примерно 1200х300 км открыто более 65 могильников и местонахождений, в которых насчитывается около 350 царских курганов, относящихся к V - II вв. до н.э. (Акишев К.А. 1994:8).

В ходе сплошного обследования выполнены картографирование и инструментальная съемка планов как одиночных, так и групп курганов, а также курганных могильников, в составе которых имелись насыпи больших параметров. Обследованию и съемкам подверглись лишь те памятники, которые относились к категории элитарных, к так называемым царским курганам – типа кургана Иссык, могильников Бешатыр и Чиликты (высота 4 - 18 м, диаметр 40 - 130 м).

На обследованной территории нами выделено 6 микрорайонов, где сосредоточена большая часть обнаруженных курганных насыпей. Микрорайонам даны условные названия для удобства использования в практической археологической работе.

Алматинский микрорайон. Здесь зафиксировано 6 пунктов, в которых имеется 33 элитарных кургана. Лучшее из всех сохранился Бурундайский могильник, в котором имеется 10 царских курганов.

Иссыкский микрорайон. Компактно сохранились два могильника: Иссыкский и Тургенский, часть насыпей находится среди строений одноименных селений. В Чиликском имеется пять разрозненных курганов. Всего в трех могильниках зафиксировано 30 элитарных курганов. В разные годы в Иссыкском могильнике раскопано 20 малых и 3 царских кургана, в их числе знаменитый курган Иссык с погребением «Золотого человека».

Бериктасский микрорайон. В пяти могильниках (Бериктас I – IV и Актерекский) имеется пять царских курганов. Среди них особо выделяются два земляных кургана высотой 10 и 12 м, один из них с глубоким рвом вокруг насыпи. Насыпи курганов хорошо сохранились, не имеют следов ограбления. В Актерекском могильнике – три одиночных кургана.

Сырдарья-Таласский микрорайон. В десяти пунктах от Сыр-Дарьи до Таласа зарегистрировано 4 могильника, остальные представляют собой местонахождения разрозненных курганов. В них насчитывается 32 элитарных кургана. Раскопки проводились в могильниках Тагискен, Уйгарак и Боролдай. В первом из них открыты четырехугольной планировки мавзолеи, сложенные из сырцового кирпича, в Уйгараке самый большой курган имеет высоту до двух метров, курган Чирик-рабат – до 3,5 м.

11. Могильник Бесшатыр. Рабочий момент

Бесшатырский микрорайон. В семи могильниках и десяти местонахождениях зафиксировано 50 элитарных курганов. В известном могильнике Бесшатыр в 1959 – 1961 годах раскопано четыре царских кургана (рис. 11-15). Под насыпями обнаружены наземные бревенчатые погребальные камеры прекрасной сохранности площадью до 20 кв. м и высотой до 3 м (рис. 16-18). В двух курганах камеры оказались сожженными. В кургане Тенлик вскрыто богатое захоронение, среди предметов украшения, одежды, выполненных из листового золота, находился железный жезл, инкрустированный золотом.

Кегенский микрорайон. На территории площадью 120x20 км расположено 15 могильников и 10 местонахождений одиночных элитарных курганов. В них сосредоточено около 200 царских курганов. В окрестностях одного из могильников найден клад сакского золота, состоящий из предметов украшения, одежды (свыше 250 единиц), часть из них (32 предмета) выполнена в скифском зверином стиле. Редкой находкой для Центральной Азии является золотая пектораль в форме полулунницы с напаянными с лицевой стороны горельефными фигурками баранов и зерню.

12. Могильник Бесшатыр. Общий вид.

Огромное количество элитарных курганов на ограниченной территории юга Казахстана (особенно – в Семиречье), несомненно, феноменальное явление для Центральной Азии. Абсолютное большинство из 350-ти курганов было сооружено не более чем за 400 – 500 лет. Насыщенность синхронными и однотипными памятниками, вероятно, показатель довольно высокой плотности населения региона.

Вне сомнения, феноменальное количество и высокие параметры элитарных курганов были возможны при достаточно высоком уровне развития социума, его властных структур с вертикальным подчинением социальных категорий населения, при строго организованной военно-политической системе, массовой фанатичной приверженности религиозно-идеологическим догмам.

Небольшое количество больших курганов по сравнению с тысячами малых насыпей, бесспорно, свидетельствует о разделении общества на две группы: на привилегированное меньшинство и непривилегированное большинство. Уместно отметить, что начало такому социаль-

ному неравенству было положено еще в эпоху поздней бронзы в конце второй половины II тысячелетия до н.э. (Маргулан А.Х. 1979).

Меньшая общественная группа, как можно судить по пышности погребального обряда, располагала значительными социальными и имущественными преимуществами по сравнению с основной массой населения. Этими преимуществами могли быть не что иное, как господство и богатство меньшинства в обществе. А разделение общества на привилегированных и непривилегированных (Маркс К., Энгельс Ф. 1961а), т.е. на богатых и бедных – свидетельство существенного социального неравенства, первый шаг на пути к классовому образованию.

Несомненно, семиреченские саки-скотоводы уже в V-IV вв. до н.э. (к этому периоду относятся захоронения в Бесшатыре и Иссике) стояли на высокой ступени общественного прогресса. Экономические предпосылки к этому здесь были налицо.

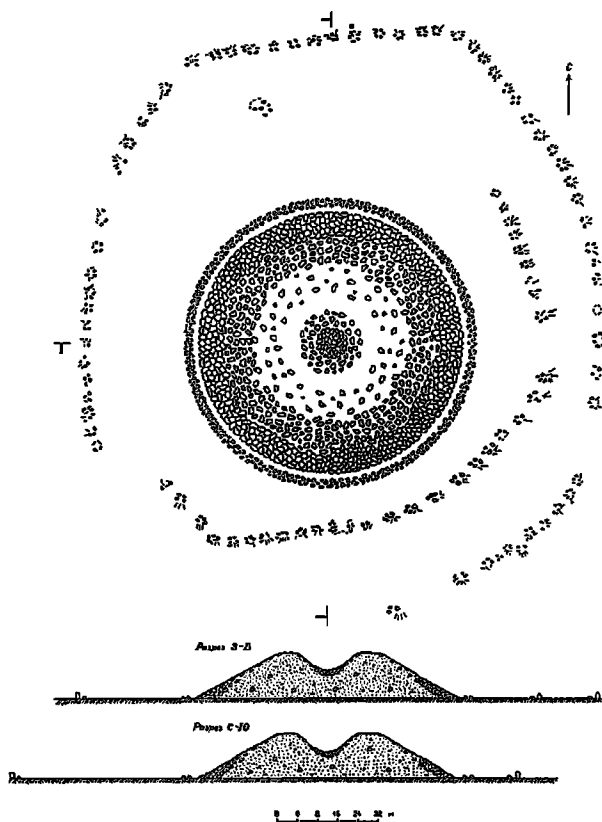
В VIII-VII вв. до н.э. в Семиречье, как и на всей территории древнего Казахстана, завершился переход к новым прогрессивным формам хозяйства: к освоению нового металла – железа и кочевому скотоводству. Эти экономические факторы являлись причинами дальнейшего ускоренного развития общества и его культуры.

Хотя у семиреченских саков продолжали широко применяться в хозяйстве и в быту изделия из бронзы, но появившиеся железные орудия труда были высокопроизводительными, а оружие более эффективным и прочным, чем бронзовые. Освоение сыродутного процесса плавки железной руды и изготовления железных изделий путемковки и литья способствовали прогрессу общественного производства.

Большие возможности для производства материальных благ давало и кочевое скотоводство – новая форма хозяйства. Оно развивалось высокими темпами, благодаря наличию неосвоенных свободных земель, пригодных под пастбища для все увеличивающегося поголовья стада.

В условиях аридного климата Казахстана и Средней Азии сакской эпохи от развитого скотоводства можно было быстрее и легче получить прибавочный продукт, чем от ирригационного земледелия. Строительство ирригационных сооружений и оросительной системы было связано с большими затратами материальных ценностей и человеческого труда, которыми, несомненно, не располагало сакское общество. Поэтому кочевое скотоводство именно в раннюю эпоху своего развития было прогрессивной формой хозяйства.

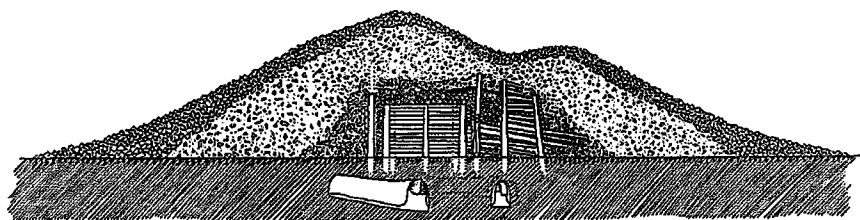
Способность к быстрому воспроизводству и легкая отчуждаемость скота привели к интенсивному накоплению богатства у отдельных скотоводческих семей и лиц и к обнищанию большинства населения, к раннему развитию

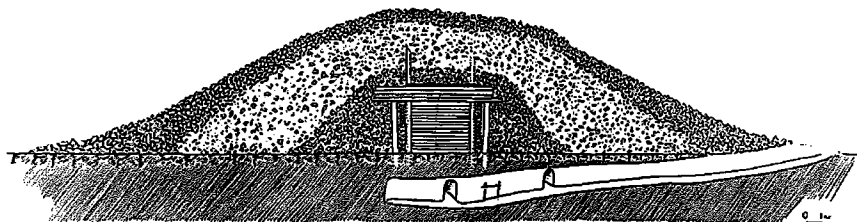
13. Могильник Бесшатыр. План и разрез «Большого» кургана

имущественного неравенства, к социальному расслоению сакского общества, в целом ускорили процесс поляризации общества на богатое меньшинство и бедное большинство.

Подтверждением этого тезиса могут служить исторические факты, относящиеся к этапу сакской истории. В среде сако-усуньской этнокультурной общности в III-II вв. до н.э. имелись лица, как сообщают древние династийные хроники, владеющие уже четырьмя-пятью тысячами голов лошадей (Бичурин Н.Я. 1953: 190). Если допустить, что такое количество в несколько раз преувеличено, то и оставшаяся часть была огромным богатством даже в эпоху развитого средневековья.

разрез с 3 на В

разрез с СЗ на ЮВ

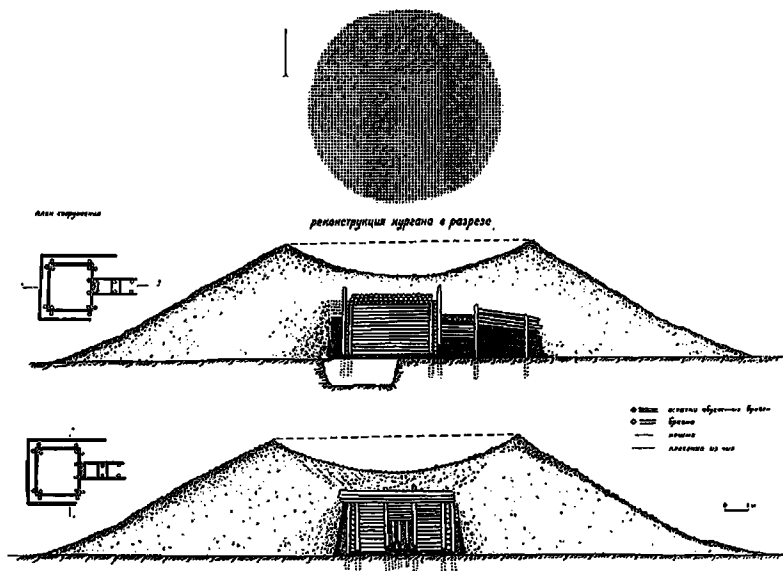
14. Могильник Бесшатыр. Курган 6. Разрез насыпи и катакомбы

У них же, у усуней известен факт закрепления за усуньским правителем (гуньмо) под именем Цылими земельных владений (Бичурин Н.Я. 1950b: 197), что, надо полагать, было связано с тем же сосредоточением в одних руках большого количества скота и необходимостью иметь достаточные для их прокорма пастбищные угодья.

Можно полагать, что эти формы усуньской частной собственности зародились и развивались еще у саков, хотя и прямыми свидетельствами-указаниями письменных источников об имущественном и социальном неравенстве у них мы не располагаем.

Поэтому социологическая информация, извлеченная из археологического источника, носит интерпретационный характер. Но в сакской археологии нет иного пути для изучения общественного строя.

Единственное и то глухое сообщение античного автора V в. до н.э. Ктесия о погребальном обряде азиатских скифов – саков, о сооружении над прахом царицы Зарины грандиозной трехгранной пирамиды (Диодор 1980; Пьянков И.В. 1975), может быть интерпретировано как устойчивая этнокультурная традиция увековечения памяти верховных

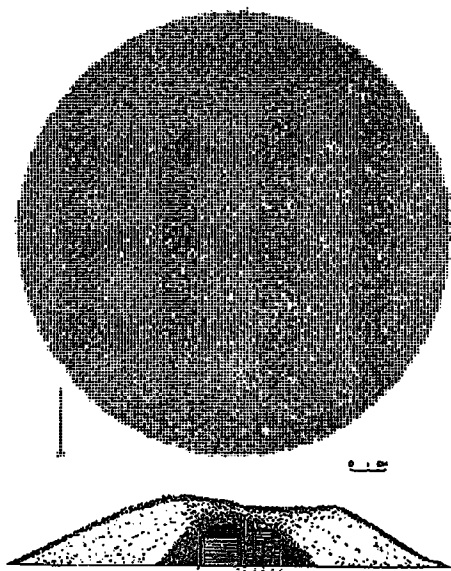

15. Могильник Бешатыр. План и разрез кургана № 8

правителей общества – царей сооружением царских курганов – монументальных культовых памятников.

Существование такой традиции находит археологическое подтверждение. В VII-V вв. на степных просторах Казахстана и Средней Азии появляются огромные каменные и земляные насыпи курганов типа Бешатыра, Исыка и Чиликты, а в ареале земледельческо-скотоводческих саков – сложные по архитектурному решению сырцовые мавзолеи Тагискена (Толстов С.П., Итина М.А. 1966). Раскопки их доказали, что они являются усыпальницами лиц, относящихся к высшему рангу общества, размеры курганных насыпей устанавливались в соответствии с принадлежностью к тому или иному социальному рангу. Ниже мы пытаемся доказать этот тезис.

Но прежде приведем ряд исторических фактов: сведения письменных источников, этнографические данные об обычаях строгой градации параметров погребальных сооружений в зависимости от социального ранга погребенного, бытовавших у народов Центральной Азии, Африки и Океании.

16. Могильник Бесшатыр. План и разрез кургана № 1

В Китае эпохи Хань (III в. до н.э.), в государстве с развитыми классовыми отношениями была узаконена строгая зависимость размеров насыпи надмогильного памятника от положения, которое занимал захороненный при жизни на социальной иерархической лестнице, ранг определял пышность погребального обряда.

По свидетельству историка Ян-Шу-да, по ханьским законам курганную насыпь высотой 12,8 м могли иметь только члены императорской фамилии. Высшая знать могла сооружать курган высотой до 12,8 м, а простые сановники – не более 4,8 м (Терехова Н.Н. 1959: 44; Крюков М.В., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. 1978: 251-252).

Для реконструктивных построений ценны также сведения о социально-экономических взаимоотношениях у современных племен, еще вчера стоявших на ступенях развития, близких к нашей исследуемой эпохе.

В необозримой Океании, на Марианских островах, так называемой Микронезии, у далеких предков племени Чаморро в I в. н.э., по свидетельству чешского исследователя М. Стингла, «...по размеру ланги (саркофага) можно было судить об общественном положении умершего. Чем

больше пирамида, тем выше положение занимал человек...» (Stingl M. 1976: 247).

При реконструкции структуры древних общественных систем необходим учет фактора экологической среды. Ибо развитие социальной системы (в том числе и параметры погребальных сооружений) находилось в прямой зависимости от состояния экологической обстановки, материальной обеспеченности, высокого или низкого жизненного уровня общества. Ухудшение экологической среды приводит к упадку социального прогресса.

По данным С.А. Арутюнова, И.И. Крупник, М.А. Членова такая связь четко прослеживается в истории эскимосов периода «Китовых аллей» (Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. 1982: 151-152, 158-160).

Правомерность подобной интерпретационной оценки сакских курганов подтверждается находками при раскопке (царских) больших материальных ценностей в погребальных камерах, богатством одеяния и оружия, как это имело место в Иссыкском кургане, в других (рядовых) – отсутствием таковых.

Вернемся к археологическому источнику и его анализу. Ныне уже знаменитый Бесшатырский могильник, оставленный саками в V в. до н.э., представляет научный интерес не только как памятник культуры и древней архитектуры. Размеры насыпей, большие бревенчатые погребальные камеры курганов Бесшатыра – неоспоримые артефакты по исследуемой проблеме (рис. 13, 17).

В одной из наших работ уже отмечалось, что захороненные под насыпями бесшатырских курганов принадлежали к трем социальным слоям. Так, большие курганы интерпретируются как могилы сакских царей – верховных военачальников: средние – как могилы аристократии и знати, мелкие – как могилы дружинников и рядовых общинников (Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1963: 86; История Казахской ССР. 1977).

Доминирование огромных насыпей царских курганов над многочисленными малыми соответствовало господству знати над массой простолюдин и рабов (Пьянков И.В. 1975b: 89). Грандиозность курганных насыпей – это тоже инсигнии власти, утверждающие былое величие в обществе погребенных царей (рис. 12, 19).

Приводимые ниже подсчеты (таблица №1) дают представление о параметрах больших, средних и малых сакских курганов могильников Бесшатыр (История Казахской ССР. 1977: 27-72), Иссык (Акишев К.А. 1978), Кызлаус (Акишев К.А. 1959: 204-214) и Уйгарак (Вишневская О.А. 1973).

Таблица I

<i>Наименование кургана</i>	<i>Высота (м)</i>	<i>Диаметр основания (D1) м.</i>	<i>Диаметр вершины (D2) м.</i>
1	2	3	4
Большие курганы (Бесшатыр и Иссык)			
Большой	17	104	32
Третий	11,5	75	20
Второй	9,5	68	18
Шестой	8	52	16
Первый	8	52	16
Четвертый	7	48	14
Курган Иссык	6	60	12
Средние курганы			
Бесшатыр			
Пятый	6	45	15
Седьмой	6	45	15
Восьмой	5	33	10
Девятый	5	38	12
№14	5	26	8
№13	5	26	8
№12	3,8	30	10
Уйгарак			
№1	2	40	
№2	1,35	27	
№33	1,95	31	
№61	1,6	22	
Малые курганы			
Бесшатыр			
№25	1	8,5	
№15	0,8	6,8	
№30	0,7	7	
№23	0,5	7	
Кзылауз			
№12	1	10	
№9	0,8	8	
№14	0,6	8	
№1	0,3	6	
Уйгарак			
№44	0,55	12	
№52	0,45	15	
№66	0,6	18	
№74	0,7	10	

Насыпи всех царских и средних курганов восточного Семиречья по изначальному архитектурному замыслу возводились с плоской вершиной и прямыми боковыми скатами, т.е. имели форму усеченного конуса. Поэтому насыпи всех их имеют три измерения: H_1 и H_2 . Вычисление объема насыпи царских курганов производится по формуле: $V = \frac{1}{3}\pi R(2/1 + H_1 + H_2 + 2/2)$. По этой формуле подсчет объема насыпи в кубометрах Большого Бесшатырского кургана складывается из следующих цифровых выкладок: $V = \frac{1}{3} \times 3,14 \times 17(52 \times 52 + 52 \times 16 + 16 \times 16)$, что составляет 67,5 тыс.м³.

Таким образом, объем насыпи Большого Бесшатырского кургана составляет порядка 67,5 тыс.м³. Кроме того, вокруг насыпи расположены каменный вал (вероятно, некогда обводная стена) и 94 кольцевых оград, на сооружение которых было доставлено с окрестных гор свыше 650 многотонных менгиров и валунов (рис. 19 - 21).

Поражает воображение предлагаемый объем человеческого труда, затраченный на транспортировку указанного количества камня и щебня, каменных плит и валунов и на возведение насыпи и других дополняющих сооружений этого царского памятника.

Как показали наши раскопки, под каждой насыпью царских курганов Бесшатыра находились большие погребальные камеры из трехметровых бревен тянь-шаньской ели (рис.17). На возведение камеры в Третьем Бесшатырском кургане было использовано свыше 300 таких бревен. На заготовку и перевозку их требовалась затрата человеческой энергии.

Экспериментальные расчеты затраты человеко-дней на возведение насыпей таких курганов, известные по археологической литературе, являются весьма приближенными (Грязнов М.П. 1950: 68; Кузьмина Е.Е. 1977: 90). Но все же, применяя подобную методику, можно установить, что на строительство только насыпи Большого Бесшатырского кургана было затрачено свыше 20 тысяч человеко-дней. При этом нами не учитывался труд, затраченный на заготовку и перевозку 650 каменных плит и 300 бревен, а также тысячи кубических метров камня для вала (рис. 19-21). Вероятно, если учесть этот труд, кроме того, человеко-дни, затраченные на возведение самой бревенчатой усыпальницы, ритуальных каменных сооружений вокруг насыпи, то приведенное количество человеко-дней возрастает до 40-45 тысяч (Грязнов М.П. 1978: 10; он же. 1980: 46).

Все малые курганы имели насыпи в форме шарового сегмента, поэтому их объем устанавливался по формуле: $V = H^2 (-H/3)$.

Таблица II

Наименование кургана	Объем насыпи (тыс. м ³)	Дополнительные сооружения	Затрата труда (тысяча человеко-дней)
1	2	3	4
Царские курганы			
Большой	67,5	Каменный вал, 94 оград	46-45
Третий	22,0	Каменный вал, 40 оград	10-12
Второй	15,5	Каменный вал, 12 оград	8
Шестой	8,5	Каменная стена, 14 оград	5-6
Первый	8,5	-	3-4
Четвертый	6,5	-	2-3
Курган Иссык	8,5	-	3-4
Средние курганы			
Бесшатыр			
Пятый	5,0	-	1,7-2
Сельмой	5,0	-	1,7-2
Восьмой	2,0	-	0,7-1
Девятый	3,2	-	1-1,5
№14	1,2	-	0,4-0,5
№13	1,2	-	0,4-0,5
№11	1,1	-	0,3-0,4
№12	1,3	-	0,4-0,5
Уйгарак			
№1	2,4	-	0,8-0,9
№2	0,74	-	0,24-0,3
№33	1,77	-	0,6-0,7
№61	0,84	-	0,3-0,4
Малые курганы			
Бесшатыр			
№25	14,2	-	4,7
№15	6,3	-	2,1
№30	5,0	-	1,6
№23	2,7	-	0,9
Кзылауз			
№12	14,6	-	4,8
№9	7,5	-	2,5
№14	4,2	-	1,4
№1	0,8	-	0,2
Уйгарак			
№44	5,5	-	1,8
№52	4,6	-	1,5
№66	8,8	-	2,9
№74	7,3	-	2,4

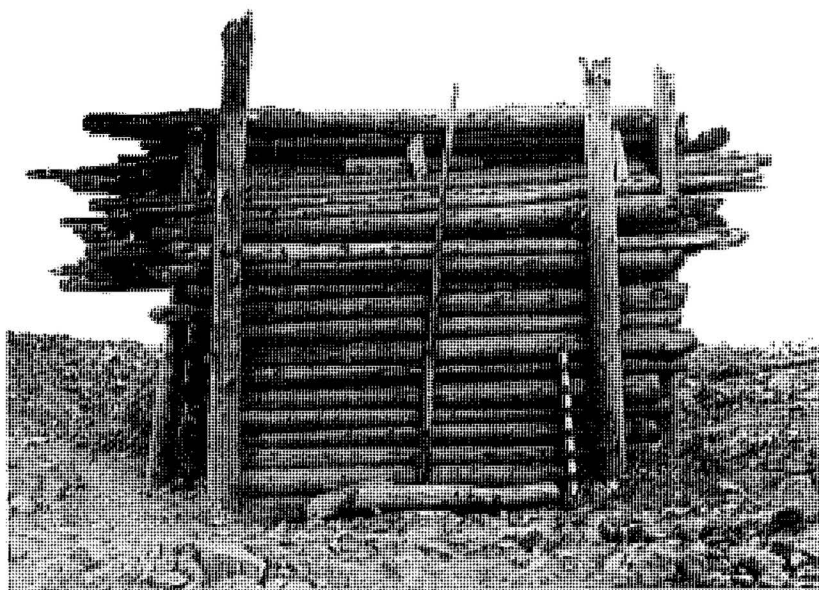
17. Могильник Бесшатыр. Курган 1. Расчистка деревянной погребальной камеры

Сугубо приближенные подсчеты затраты человеческого труда, израсходованного на возведение больших, средних и малых курганов в тех же могильниках представлены в таблице II.

Несомненно, существовавшая резкая градация параметров насыпей и количества труда, затраченного на их сооружение, является причинным следствием развитости социальной иерархии в сакском обществе.

Сложное, многоуровневое устройство сакского социума иллюстрируют данные планиграфической организации культовых памятников. Т.е. закодированные в них космологические и иерархические смыслы допускают, что пространственная структура элитных могильников - условный опознавательный знак (символ) существовавшей сословной структуры общества.

Археологические и иерархические символы непосредственно связаны с космологическими представлениями конкретных этносов. Поэтому дешифровка и интерпретация их возможны через бытовавшие у древних представления об окружающей природной и общественной

18. Могильник Бешатыр. Курган 1. Погребальная камера, вид с запада.

среде и сложившиеся у них знания, полученные при космогонических наблюдениях

Знаковые системы, понятные и принятые древним обществом и получившие широкое распространение, были следующие: *круг* - символ солнца, луны, бесконечности; *сферическая насыпь* - небесный свод, мировая гора; *крестообразная каменная выкладка* - стороны света; *четыреугольник* - стороны света. Разновидности этих символов: *курган внутри каменного кольца* - небесный свод, солнце, луна; *крестовидная выкладка внутри круга* - солнце, луна и стороны света; *насыпь со множеством каменных колец или менгирных оград по периметру* - солнце, луна, звезды; наконец, обособленный, отдельно стоящий обломок скалы, окруженный большим каменным кольцом с крестовой выкладкой внутри, - мировая гора, солнце, луна и стороны света. Последний символ имел обобщающее значение и содержал смысловую нагрузку планетарного миросозерцания.

Археологические ориентиры (символы), основанные на космологических представлениях, в приложении к социальной среде содержат уже

иной семантический смысл: солнце, луна и звезды по масштабам - синонимы большого и малого, а большое и малое сопоставимо с высшим и низшим. Высшим сословием в обществе были вождь (царь), жрец, за ними - знать, воины, а низшим - народ, невольники, рабы. В соответствии с такой иерархической градацией располагались на пространстве могильника погребальные конструкции, соблюдалось ранговое местоположение, параметры и усложненность надмогильных сооружений и т.д.

При всем многообразии планировки погребальных памятников в пространственной организации элитных могильников, начиная с эпохи поздней бронзы, выделяются два доминирующих классификационных типа.

Первый - центрическая пространственная организация культовых памятников. «Царский» курган занимает господствующее (центральное) положение, вокруг него группируются остальные в соответствии с общественным рангом погребенных. В эпоху развитой и поздней бронзы - это могильники типа Аксу-Аюлы, Бугулы и Былкылдак (рис.22: 1, 2) (Маргулан А.Х., Акишев К.А. и др. 1966: 74, рис.12; 105, рис. 35; 165, рис.77). В скифо-сакское время (VIII-IV вв. до н.э.) - памятники типа курганных могильников Бешатыр и Иссык (рис. 22: 3,4) (Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1963: 26; Акишев К.А. 1978: 10).

Второй - линейный тип организации могильного пространства - «царский» курган во главе цепочки, остальные по рангу, южнее или севернее его. В эпоху поздней бронзы - это могильники типа Сангру (рис. 23:3) (Маргулан А.Х. 1979: 113, рис. 80). В скифо-сакское время - насыпные курганы типа Кичи-ача в Кыргызстане (Табалдиев К.Ш. 1996: 177, рис. 1), Кызылауз (Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1963: 92, рис. 73). В хунно-усуньский период (II в. до н.э. - V в. н.э.) - могильники типа Актас и Болексаз, расположенные в долине реки Кегень в юго-восточном Казахстане (рис. 23: 1, 2).

Археологические ориентиры, приведенные выше, содержат кодовую информацию о структуре организации древних социумов. В топографии кургана на могильном поле отражен прижизненный статус погребенного в нем человека. В планиграфии сакрального пространства воспроизведена модель социальной действительности прошлого.

Комплекс находок в кургане Иссык дал дополнительные важные материалы, проливающие свет на уровень социального строя саков Семиречья (Акишев К.А. 1978: 55-60).

При социологической интерпретации находок, сделанных при раскопке Бешатырских курганов, для подтверждения делаемых выводов не хватало погребального инвентаря как индикатора богатства. Иссыкские открытия восполнили этот пробел. Суммарно

19. Могильник Бесшатыр. «Большой» курган

Бесшатырские, Иссыкские находки в целом воспроизводят пышный погребальный обряд лица, принадлежавшего к высшему рангу сакского общества (рис. 24-28).

«Иссыкский вождь» был захоронен в парадной или церемониальной одежде (рис. 24). На нем были тонкая, видимо, шелковая рубашка, короткий камзол, узкие брюки из красной замши и высокие бескаблучные сапоги. Поверх камзола - тяжелый наборный пояс из литых блях в виде фантастического оленя и лосиных голов. На голове вождя был высокий конический с тремя лопастями колпак - кулах (рис. 29). Именно в таких колпаках изображены на рельефе лестницы в Персеполе знатные саки - тиграхауда (буквально - в островерхих шапках). На шее - трехвитковая трубчатая гривна с наконечниками в виде головы тигра. На пальцах правой руки два перстня: один с зеркальным щитком, другой - с профильным изображением человека в радиальном венце (рис. 30). У левого плеча погребенного лежали символический жезл в виде древка с золотым наконечником и обвитая золотой лентой плеть. Справа на портупее в деревянных, покрытых красной краской ножнах

20. Могильник Бесшатыр. «Большой» курган. Вертикальные стелы. Общий вид

находился меч рубящего действия - оружие конного боя, слева в ножнах с накладками в виде лося и лошади железный кинжал (рис. 31-32). Навершие его в виде двух голов грифона обтянуто листовым золотом, а лезвие инкрустировано золотыми пластинами с изображениями различных зверей. Типы оружия позволяют датировать курган Иссык сакским временем - V-IV или IV-III вв. до н.э.

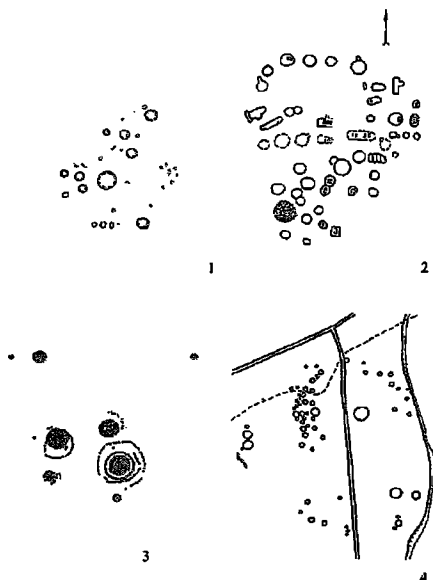
Сохранность памятника позволила выполнить достаточно достоверную реконструкцию одежду вождя и ее убранство (рис. 24). Камзол был сплошь обшит золотыми бляшками в виде трилистников и голов тигра, что создавало имитацию защитной катафракты. Бляшки вырезаны из золотой фольги и пришиты или приклеены на красную замшу как аппликации. Ритмическое их чередование на красном фоне камзола и голенищ сапог образовало ажурный узор. Головной убор был украшен бляшками в виде барсов, тигров, скульптурами рогатых и крылатых коней, птицы, архара (на вершине кулаха), пластинами в виде горы с «древом жизни», стреловидными, в виде крыльев птицы и т.д. (рис. 33-34).

21. Могильник Бесшатыр. «Большой» курган. Вертикальные стелы. Фрагмент

Это была одежда, которую носили в дни торжественных приемов, массовых собраний и парадных смотров. Для повседневной носки она слишком роскошна и неудобна, а существование специальной погребальной одежды маловероятно. Несомненно, пышность и богатство золотой одежды иссыкского сака были предназначены не только на внешний эффект, а больше имели социальное содержание, преследовали политико-пропагандистские цели. Главное назначение одежды было в возвеличивании личности царя, возведении его в ранг солнцеподобного бога.

Иссыкский вождь, можно предполагать, в представлениях саков, после смерти переходил к обожествленным праотцам. Возможно, провести отождествление его образа при жизни с богом, похожим на Митру или Йиму. Митра фигурирует как судья в царстве мертвых, а Йима (этот бог чрезвычайно похож на солярного Сиявуша) после смерти становится царем загробного царства. Вероятно, что сакский вождь, обожествленный при жизни, посмертно также отождествляется с этими богами, а его религии означали инвеституру на том свете.

22. Центрическая организация культовых памятников.

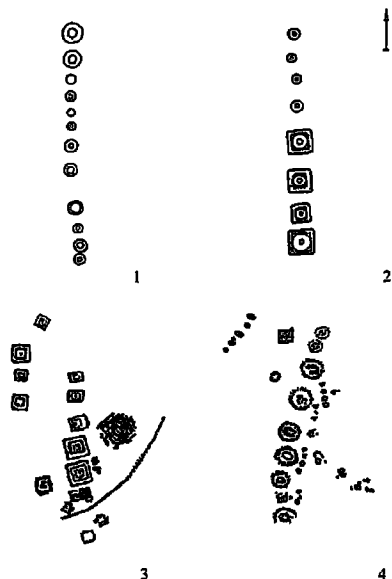
1 – Аксу-Аюлы	3 – Бесшатыр
2 – Былкылдак	4 – Иссык

Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов, имеющих, на предметах украшения головного убора, подтверждает это положение.

Иссыкский головной убор – это высокий (до 65 см) прямостоящий конический колпак с нащечными лопастями, или наушниками, и полукруглым языком, прикрывающим шею. В композиции его орнаментов была запечатлена картина организованного космоса: три сферы, сквозь которые прорастает солнечное Мировое дерево; 4 угла, или стороны света, с «локопалами», а в центре диаграммы – образ четырех солнечных коней (ипостаси Митры или других солнечных богов, например Ашвинов) (Акишев К.А. 1978: 40-41).

В такой же шапке, но со свернутыми наподобие бараньих рогов нащечниками (?) изображен вождь саков-тиграхауда (*saka-tigrahaūda*) Скунха. Его фигура замыкает вереницу покоренных Ахеменидом царей (Артамонов М.И. 1973: рис. 3-5).

Иссыкский головной убор являл сакральную модель космоса, организованного мифологического пространства и времени. На нем в сжатой,

23. Линейная организация культовых памятников.

1 – Болексаз

2 – Актаз 5

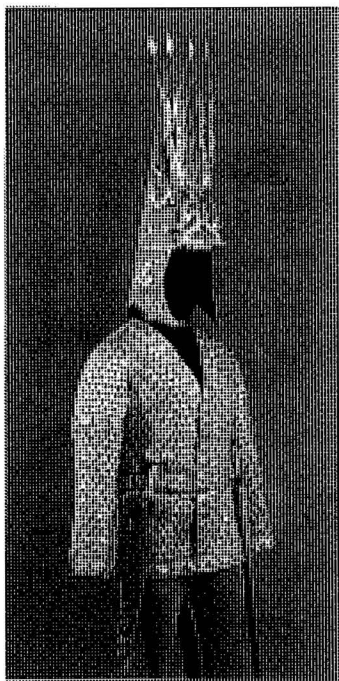
3 – Сангу 1

4 – Кичи-Ача

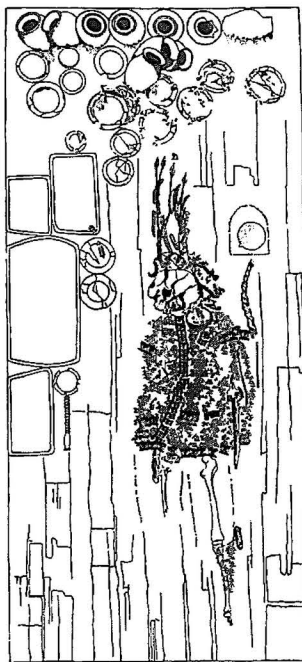
но емкой форме отражена концепция мироздания – стержень идеологии саков Семиречья, оставивших курган «Иссык». Это был племенной символ веры. Возложение головного убора на вождя, поднимавшего его до уровня божества, прокламировало его божественное избрание. Все изображения на шалке: крылья, звери – инкарнации богов, растительные и геометрические орнаменты – служат пропаганде племенной идеологии.

Иссыкские материалы доказывают, что они стали этапом развития теократической концепции власти и культа племенного вождя стадии военной демократии и сложения союзов племен. Значения «сако-юечжийских» корон были сходными, как сходны были символы, которыми они украшались. Они отражали три традиционные формулы теократии: 1) владыка народов волею божьей; 2) подобный богу; бог-«медиатор»; 3) властелин четырех сторон света.

Для мифологического мышления ассоциация социокосм (государство или, ранее, союз племен) и макрокосм была естественной. В идеологии племен и государства вождь или царь провозглашался центром

24. Курган Иссык. Реконструкция парадного костюма сакского вождя.
Автор Акишев К.А.

25. Курган Иссык. План дна могильной ямы.

мира и образом народа, а его корона, соответственно, обладала функцией этнического индикатора, как тамга, герб, эмблема. Соответственно развитию государственного аппарата развивалась иерархия инвестируемых символов – различных частиц той божественной сущности, которой была главная корона царя.

Сакские военные головные уборы с развитием государственной теократической идеологии приобретают пышные сакральные атрибуты, отражающие роль сакских царей в государстве. Иссыкский кулах – бесспорное свидетельство существования у саков идеологии, освещающей власть.

К сожалению, до нас не дошла полностью сакская титулатура должностных лиц. Но захороненных под насыпями Бесшатырских и Иссыкских курганов возможно называть сакскими царями. При этом ошибка в большой степени может быть в форме титула, в меньшей – в его содержании.

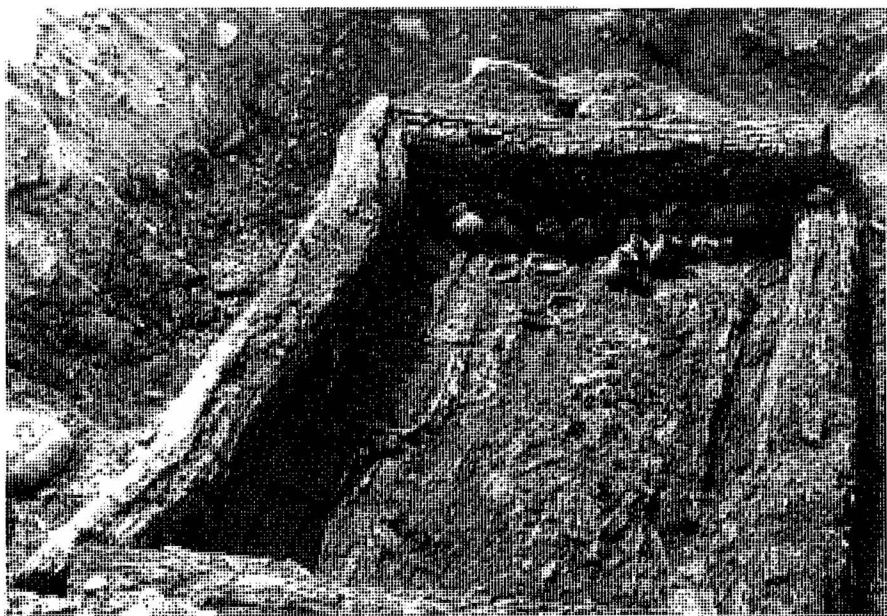
Доступная мобилизация скурых сведений античных авторов о стратификации общества азиатских скифов – единственная возможность реконструкции существовавшей социальной титулатуры. Сакские иерархические титулы (хотя они по содержанию, вероятно, в какой-то степени несут традиции античного мира) – свидетели начавшейся и возрастающей поляризации общества. В нем на одном полюсе дислоцировались царь и царица (по античной традиции), «первые» и «знатные» люди, всадники – конные воины, на противоположном – зависимые люди, рабы, служанки, пешие воины (Пьянков И.В. 1975b: 85-89).

Суммируя всю мобилизованную информацию, мы имеем основания утверждать, что саки своих царей облачали в золотое одеяние, помещали в монументальные погребальные камеры, а над ними сооружали наземный памятник – огромный курган. Обряд погребения других членов общества все более упрощался по мере понижения на ступенях иерархической лестницы.

В дифференциации обряда в зависимости от социального положения играл роль культ мертвых предков, особенно царей – сильных покровителей. Однако в ритуалах возвеличивания личности мертвого царя имела и политическая подоплека – сугубо земные корыстные интересы его преемников. Они использовали ритуалы погребального обряда как религиозно-идеологическое воздействие на массы с целью обосновать незыблемость династии сакских царей.

Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов, имеющих на предметах украшения головного убора, подтверждают это положение. В образе крылатых и рогатых коней на налобной части головного убора иссыкского воина заложена сложная символика, воплощены многие черты религиозного мировоззрения саков (Акишев А.К. 1984: 7-53). Причем в них прежние представления переплетаются с новыми формами верований. Разберем семантическую нагрузку каждой части конских протом. Изображение оленя, козла и архара – древних родовых тотемов – родоначальников в иссыкское время не что иное, как пережиток. В это время чаще изображали их символ – оленьи или козлиные рога.

В религиозных представлениях многих индоиранских племен конь был символом солнца, солнечного божества. Так, саки-массагеты самому быстрому из богов – солнцу жертвовали самое быстрое из животных – лошадь (Геродот 1972: 79). В Ригведе и Авесте образ коня полисемантичен, в его образе представлен целый пантеон древних богов: Митра, Фарн, Сиявуш, Веретагна и другие. Несомненно, в этот пантеон входил и Ахура Мазда.

26. Курган Иссык. Могильная яма после расчистки

На иссыкском головном уборе конь изображен с большими козлиными рогами, что, вероятно, символизировало слияние образов солнечного божества и родового тотема. Близкая по символу находка известна на Пазырыкских курганах Алтая (Руденко С.И. 1953: 214, 219). Здесь на голову лошади была надета войлочная маска с оленьими рогами, что может быть объяснено так же, как в иссыкском случае, синкретизмом образов.

Кроме того, иссыкский конь изображен и с крыльями. Воспроизведение крылатых существ чуждо для сакской среды, но очень широко распространено в Передней Азии. В частности, в Ахеменидском Иране персонифицированный высший бог неба Ахура Мазда, в свою очередь, восходящий к бестелесному божеству Ассирии – Ашшуру, изображался в виде крылатой фигуры в солнечном диске. Вероятно, саки от образа Ахура Мазды заимствовали крылья и своего солярного бога изображали в образе крылатого коня с козлиными рогами. В полиморфной фигуре этого сакского божества слились черты бога солнца Митры, бога неба Ахура Мазды и родового тотема.

27. Курган Иссык. Сосуды под западной стенкой могильной ямы

Несомненно, протомы коней Иссыка имели двойную семантическую нагрузку: символ солнечного божества и царский знак. А в целом иссыкский царь в таком сверкающем головном уборе, в ослепительной одежде представлялся реальным Ахурой Маздой или Митрой, его персону олицетворяла земного и небесного владыку, светского царя и верховного жреца.

Значение иссыкских находок для рассматриваемой проблемы возрастает в связи с находкой памятника письменности – серебряной чашки с надписью (рис. 35).

Этот эпиграфический памятник в данный момент является наиболее ранним для территории Средней Азии и Казахстана, что повышает его историческую и лингвистическую ценность.

Возможность привлечения надписи для социологических реконструкций находится в прямой зависимости от решения круга важных вопросов: идентификации иссыкских графем с алфавитным письмом, происхождения и этнокультурной атрибуции, дешифровки надписи.

Первый из этих вопросов специалистами решен положительно, ряд доказательств свидетельствует об алфавитном характере письменности

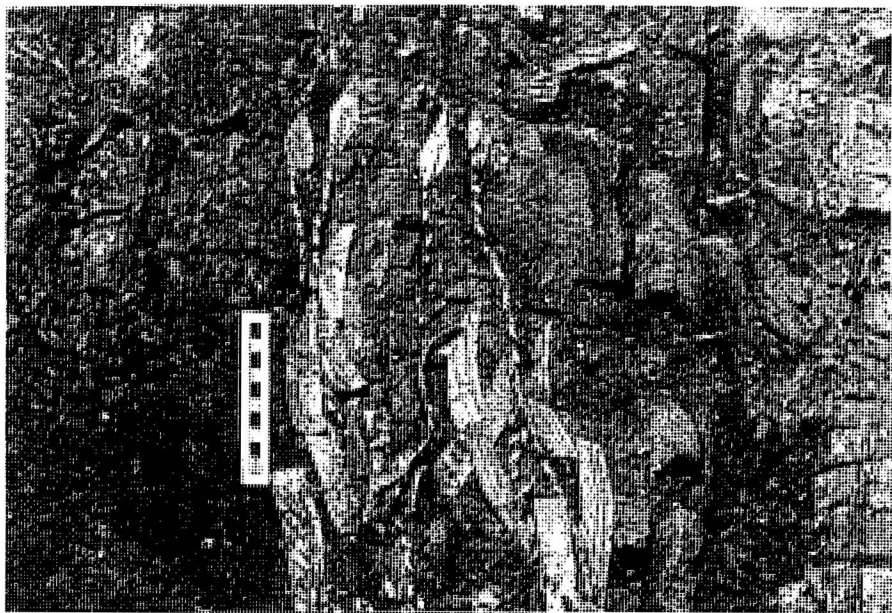

28. Курган Иссык. Погребение после расчистки

(Лившиц В.А. 1976: 165-166, прим.14). Значительно сложнее два последних вопроса, особенно дешифровка. В отношении этнокультурной принадлежности пока существует единственный вывод гипотетического уровня об атрибуции неизвестной иссыкской письменности с сакской средой (Лившиц В.А. 1980: 5; Акишев К.А. 1978: 59).

Привязка иссыкского письма к сакской среде – вывод может быть сугубо временный, но пока единственно возможный в том смысле, что он неизвестен мировой лингвистической науке. Ныне этот вывод обоснован двумя причинами: отсутствием иссыкской лингвы среди известных науке письменностей народов мира и развитым уровнем мифологии и идеологии, в целом философии мировоззрения саков, характерной для высокоразвитого общества (Акишев А.К. 1984).

Факт существования письменности в любом обществе свидетельствует о высоком уровне развития социально-экономической организации. Таким органом могла быть форма общественного устройства типа государственного образования. Одной из причин, способствовавших появлению государства, было все растущее усложнение внутренней жизни

29. Курган Иссык. Головной убор после расчистки

ни и внешней политики общества. Возникнув, государство стремилось регулировать (решить) эти проблемы. Одним из инструментов в руках государства, используемых для этого, было письмо (Массон В.М. 1967). Оно служило для регулирования взаимоотношений государства и граждан, чиновников и подчиненных, для определения прав и обязанностей граждан, ответственности их перед обществом; для учета государственных доходов и расходов; для регулирования внешних межгосударственных связей и сношений и др. Таким образом, процессы возникновения государства и письма были тесно взаимосвязаны. Вероятно, письменность появляется через какой-то непродолжительный период после зарождения и функционирования государства. Поэтому теоретически вполне правомерен вывод по принципу взаимовстречаемости: государство, письмо, т.е. при доказанном факте известности письма о существовании государства, при доказательстве государственного устройства общества о бытовании алфавитной письменности.

Однако в конкретном иссыкском случае не может не учитываться одно обстоятельство, хотя вышеизложенный период в принципе верен и для об-

30. Курган Иссык. Золотой перстень

щества семиреченских саков. Обстоятельство это заключается в том, что необходимы дополнительные доказательства для утверждения, что иссыкское письмо было изобретением самих саков и достаточно широко употреблялось ими же. Иссыкский случай, хотя и чрезвычайно важный факт, но пока единственный. Выводы, делаемые только на основе его, легко могут быть поставлены под сомнение. Иссыкская серебряная чаша может быть трофеем. В своих рассуждениях мы не должны исключать и такой исход, хотя, как уже говорилось выше, пока он маловероятен по причине неизвестности.

Дополнительными доказательствами сакского происхождения надписи могут быть новые находки памятников письменности этого же времени, находки памятников письменности в коллекциях более поздней культуры, но генетически связанной с сакской, признание мировой наукой иссыкского письма как письменности, выполненной новым неизвестным науке алфавитом. Наконец, возможно, что для решения вопроса будут получены данные из содержания самой иссыкской надписи, конечно, если они будут прочитаны, а вариант чтения будет признан (принят) специалистами лингвистами.

31. Курган Исык. Бляха-накладка в виде лежащего оленя

В настоящее время больше данных, свидетельствующих в пользу собственно сакского происхождения исыкской надписи, чем подтверждающих обратный вывод. Такими свидетельствами являются еще две эпиграфические находки в Семиречье (Акишев К.А. 1978: 56, 58). Одна из них – это надпись (?) на дне миниатюрного каменного сосуда (по-видимому, ритуального значения), найденного в кургане могильника Каратома, раскопанного в 1968 году. Она состоит из четырех знаков и словоразделителя. Повторение знаков в тексте и наличие знака-разделителя дают основание предполагать, что мы имеем дело с письмом. Эта надпись (?), по археологическим данным, относится к IV-III вв. до н.э.

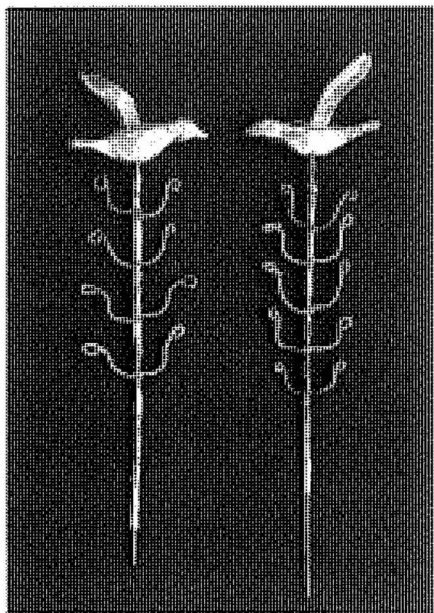
Вторая находка – необработанный трехгранный камень, на всех естественных плоскостях которого имеется около трех десятков знаков (Акишев К.А. 1978: 58-59). Здесь отмечается закономерность, присущая алфавитному письму, повторение одних и тех же знаков в одной и разных строках. Однако распознавание знаков затрудняется их нечеткостью многочисленными естественными трещинами, плохим

32. Курган Иссык. Бляха-накладка на ножнах кинжала

почерком писца, что может быть объяснено несовершенством техники выполнения письма, твердостью материала, на который наносились знаки, или малограмотностью писца. Камень был обнаружен в 1963 году в могильнике Актас в насыпи кургана, датируемого предтюркским временем IV-VI вв.

Обобщая данные о всех находках, мы не можем не обратить внимания на такой примечательный факт, как происхождение их с одного локального субрегиона, каким является восточное Семиречье. Причем не менее важно отметить хронологическую последовательность находок в продолжении целого тысячелетия. Если все эти находки – памятники письменности, то возможен вывод о продолжительном употреблении алфавитного письма в Средней Азии, в частности в древнем Семиречье, еще до появления согдийского. Существенно обратить внимание и на такое обстоятельство находок, как обнаружение их в захоронениях представителей и знати (Иссык), и простолюдин (Актас и Каратома), что может свидетельствовать о значительном распространении письма в обществе. А

33. Курган Исык. Оформление кулаха. Скульптурки птиц

выполнение письма на сугубо бытовых предметах – о широком употреблении его в практике жизни.

Письмо из иератического (жреческого) все более превращалось в дематическое, народное, обиходное.

В свете изложенного представляется возможным утверждать о существовании и многовековом использовании алфавитного письма саками и усунями Семиречья.

Группа известных специалистов по языкам народов мира (И.М. Дьяконов, В.А. Лившиц, С.Г. Кляшторный) имели возможность изучить оригинал надписи на исыкской чаше и пришли к заключению, что «весьма возможно, что надпись на чаше написана неизвестным ранее алфавитом, арамейское происхождение которого не исключено» (Акишев К.А. 1978:60).

Таким образом, мнение специалистов-языковедов не оставляет сомнения в том, что саки владели алфавитным письмом.

Резюмируя всю приведенную информацию, извлеченную из археологического и эпиграфического источников (градация пара-

метров насыпей, наличие больших материальных ценностей, количество человеко-дней, затраченных на сооружение, письменность и др.), мы склонны считать, что саки Семиречья по уровню социальной структуры находились на стадии сложения раннеклассового общества, производственные отношения в которых регламентировались и регулировались органами государственного управления.

ГЛАВА III

ГОСУДАРСТВО УСУНЬ

Процесс сложения классовых отношений и государственного образования, начавшийся в сакском обществе, активно продолжался на рубеже и в первые века нового времени после установления политического господства в регионе племенем – гегемоном, именуемым ханьскими источниками «У-сунь». Последние явились тем ядром, вокруг которого произошла консолидация саков, юечжи и других индоиранских племен. Этноним Усунь покрыл всю старую родоплеменную номенклатуру, хотя династийные хроники еще какое-то время продолжали отмечать, но уже в составе древних усуней племена сэ (саки) и юечжи. Этнонимы уйшун-уйсун, дошедшие до наших дней, восходят к древнему этнониму и доказывают значительную роль усуней в истории края. Политическая организация, созданная усунями, является первым государственным образованием на территории Проказахстана.

При изучении социально-экономических отношений в древних обществах могут быть мобилизованы данные двух родов источников: сведения нарративных источников и археологический материал.

Выше отмечалось, что общественный строй кочевых племен Казахстана – вопрос, не разработанный в науке. Такое положение может быть объяснено рядом причин. Одной из них является малочисленность письменных источников о племенах изучаемого периода. Причем и имеющиеся источники (ахеменидские и древнекитайские) содержат сведения преимущественно по политической истории, а о хозяйстве и быте повествуют очень скупо и еще более скудно – об общественных отношениях и религиозных воззрениях. Но все же даже и эти скудные свидетельства источников недостаточно активизированы в историко-археологических работах.

Во-вторых, может быть объяснено специфичностью археологического источника, предоставляющего в распоряжение исследующего немые остатки материальной культуры. Исследователь именно при попытке изучения социальной структуры древних обществ воочию испытывает мертвость археологического материала, предельно глухо передающего отзвуки былых взаимоотношений людей. К тому же этот источник зачастую фрагментарен. Трудности очевидны. Но все же метод комплексного использования двух видов источников – письменных и археологических – единственный способ решения вопроса.

Бесспорно, что при этом невозможно обойтись без общеметодологических положений учения исторического материализма об объективных закономерностях смены общественно-экономических формаций, в частности о зарождении и развитии классов и государства. В дальнейшем на этих источниках будут построены наши выводы о производственных отношениях в древнеусуньском обществе.

В кочевых обществах, к которым относятся саки и древние усуньи, в силу быстрого накопления богатств (скот и предметы роскоши) (Маркс К., Энгельс Ф. 1961b: 115) в частных руках в результате легкой отчуждаемости основного богатства и скота, разделение на антагонистические классы, и значит, зарождение государственных образований происходит довольно рано.

Как мы попытаемся показать, особенно наглядно этот тезис доказывается фактами древней истории Семиречья, на опережающее (другие районы Казахстана) социально-экономическое развитие которого ускоряющее воздействие оказывали внешние факторы. Усуньское Семиречье находилось в сфере влияния великодержавной политики Ханьской империи.

Однако при всех исторических перипетиях кочевые государственные образования (хунну, усуней, кангюй, каганаты тюргешей, карлуков и тюрков), возникшие в обществе, базирующемся на экстенсивном скотоводстве, долго остаются в недоразвитой форме, только приблизившейся к уровню развития рабовладельческих или феодальных государств земледельческого Востока.¹

1 Здесь мы должны оговориться, что изучение кочевых государств через призму признаков классических государств (Афины, Рим, Китай) имеет свои отрицательные стороны, в частности, этим объясняется, что при изучении кочевых государств исследовались реликтовые патриархально-родовые органы и на этой основе делались выводы о позднем возникновении, примитивности и отсталости государства кочевых народов.

Объясняется это тем, что в кочевых государствах во все периоды их существования, начиная с усуней и кангуй и включая Казахское ханство, устойчиво сохраняются патриархально-родовые пережитки. Причем они событуют с новыми социальными институтами не столько в роли естественно сохранившихся реликтов, а как искусственное приспособление, поставленное на службу нового органа, стоящего над обществом. Вчерашние родовые институты, являющиеся опорой когда-то незыблемых, патриархально-родовых отношений, теперь волею угнетающих слоев служат орудием эксплуатации вчерашнего свободного общинника. Однако продолжительное сохранение этих реликтовых организмов в кочевых государствах не является их особенностью, их «привилегией», подобное положение фиксируется в большинстве зрелых классовых обществ Востока и Запада (Качановский Ю.В. 1971: 120).

Здесь мы говорим о том этапе кочевого государства, когда оно находилось на стадии развитой формы (тюрки, кыпчаки, кочевые узбеки, казахи, монголы), ибо в период зарождения и ранних этапов все древние государства всех стран без исключения развивались, частью преобразуя, частью вытесняя постепенно и полностью органы первобытнообщинного строя (Маркс К., Энгельс Ф. 1961b: 111).

Ф. Энгельс в своем историческом анализе и экономических обоснованиях смены общественных форм, впервые исследованных Л. Морганом, доказывает, что государство, возникнув в недрах еще здравствующего родового строя, при своем развитии продолжительное время питается соками родовой общины. Новые зародившиеся социальные группы предельно долго стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока столкновение классов не приведет к взрыву старого родового общества. Но, однако, и этот, до взрыва, период развития общественных отношений уже был ранним этапом развития государства, ибо прочность родового строя была лишь призраком, так как возникшие органы молодого государства бурно развивались внутри тесной родовой скорлупы (Маркс К., Энгельс Ф. 1961b: 111).

В ряде историко-археологических работ, где рассматриваются вопросы общественных отношений кочевых племен Казахстана и Киргизии, допускаются, на мой взгляд, существенные ошибки. Не касаясь существа самих ошибок (оно будет понятно при чтении нижеизложенного), здесь остановимся на порождающих их причинах.

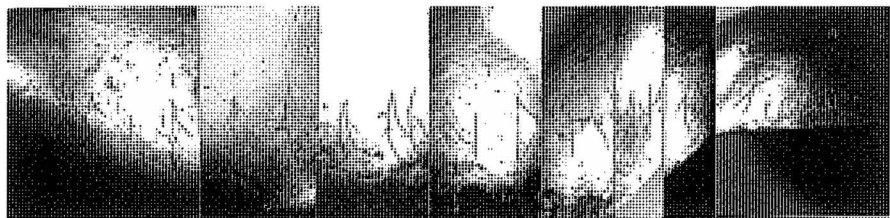
Одна из них и, пожалуй, основная – априорный подход к изучению социально-экономической истории и культуры кочевых скотоводческих племен. Подход тенденциозный, с заранее предreshенной точкой

34. Кургan Иссик. Золотая бляха. Тигр на зубцах гор

зрения, что если общество кочевое, то значит оно отсталое, все базисные надстройки в нем должны возникнуть поздно, а возникнув, они должны быть примитивными. Такая предвзятость приводила не только к тому, что выпячивались социальные анахронизмы, но и вообще тормозила изучение социально-экономических вопросов древних кочевых обществ или направляла исследования по неверному пути. В качестве примера из истории древнего Казахстана и Киргизии можно привести поздно начавшееся разложение первобытнообщинного строя, позднее возникновение государства, «извечность» патриархально-феодалных отношений и др.

Широко распространена точка зрения, что человеческое общество на этих территориях в древности в своем развитии прошло всего две общественно-экономические формации: первобытнообщинный строй и феодализм. Причем разложение патриархально-родовых отношений и сложение классовых занимает огромный период, охватывающий полторы тысячелетия (с XII-X вв. до н.э. – VI-VII вв. н.э.) (История Казахской ССР. 1957: 25, 29; История Киргизской ССР. 1956: 53-56; История Казахской

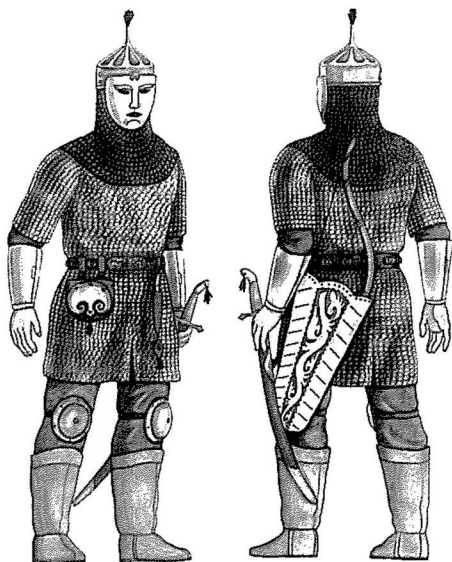
35. Курган Иссык. Надпись на малой серебряной чаше. Развертка

ССР. 1977: 293-309; История Киргизской ССР. 1984). Однако, как можно проследить по этим коллективным трудам, и за этот исторический отрезок времени так и не происходит окончательного разложения первобытнообщинного строя и сложения феодальных производственных отношений. Они причудливо переплетаются в некий социальный симбиоз под названием «патриархально-феодальных отношений». Последние, возникнув в VI-VII вв., господствуют в обществе свыше одного тысячелетия, до проникновения капиталистических отношений в Казахстан и Киргизию в конце XIX в.

Впрочем, согласно этим же источникам, продолжительность существования феодальных отношений может быть увеличена примерно до двух тысяч лет, так как не отрицается зарождение классов в древнеусуньском обществе еще в первые века до н.э. Этими зародившимися классами не могли быть рабы и рабовладельцы, ибо по существующей концепции такие страны, как Казахстан и Киргизия, миновали рабовладельческую формацию. Поэтому остается единственное, что феодальные отношения зародились уже в древнеусуньское время.

Вывод о развитии классовых отношений на территории юга Казахстана на рубеже нашей эры не вызывает возражения. Более того, выше мы приводим сумму фактов, свидетельствующих о поляризации общества на бедных и богатых у казахстанских саков. Ниже делается попытка обосновать тезис о классовой структуре усуньского общества сведениями письменных источников и новыми археологическими данными. Но прежде необходимо остановиться еще на одном вопросе. Это вопрос о возникновении государства.

По существующей версии первым государственным образованием на территории Казахстана является каганат, созданный западными тюрками в конце VI века. Западно-тюркский каганат, бесспорно, (Гумилев Л.Н. 1967: 63-64) — государство раннефеодального типа. Но нельзя согла-

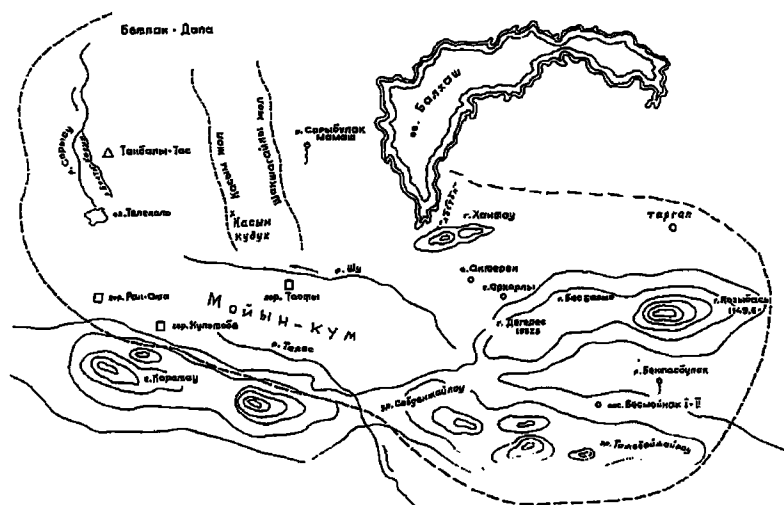
36. Кыпчакский воин. Реконструкция Акишева К.А.

ситься с тем, что оно было первым на территории Казахстана, в особенности в Семиречье. Никакими особенностями исторического развития древнего Казахстана, спецификой кочевого скотоводства нельзя объяснить причину столь медленного, длительностью пять-шесть веков возникновения государства после зарождения классовых отношений еще на рубеже нашей эры.

Представляется несомненной уязвимость существующей периодизации древней истории Казахстана и ошибочность указанных теоретических концепций. Выше указывалась основная причина, приведшая к такому положению.

Одной из причин является также упрощено-схематическое понимание всего исторического процесса развития экономики, общественных отношений и культуры на территории Казахстана в древний и раннесредневековый периоды. При исследовании этих вопросов не учитываются различия природно-климатических условий этой огромной страны. Казахстан рассматривается как один экономический район с кочевым скотоводческим направлением хозяйства. Между тем, уже в конце

**Схематическая карта
этнической территории и памятников Казахского государства
XV – XVI вв.**

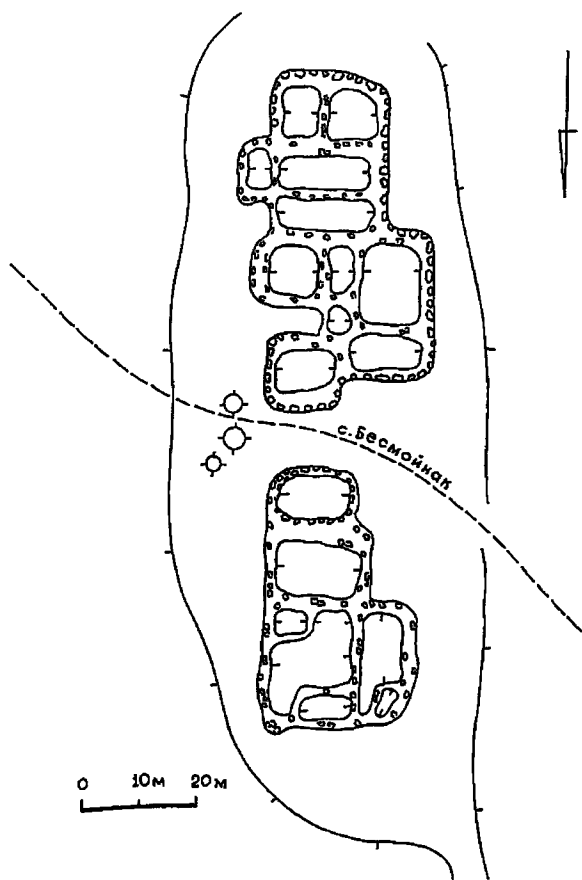

37. Карта. Этническая территория и памятники Казахского государства XV-XVI вв.

эпохи бронзы, в эпоху раннего железа – вся территория Проказахстана, как мы уже отмечали, делилась на три субрегиона со специализированными формами хозяйства.

Так, на территории Семиречья соответственно особенностям географической среды возникла своя форма хозяйства, где сочетались кочевое скотоводство и богарное земледелие, бытовал полукочевой-полуоседлый образ жизни. Древние усунь имели зимовки-поселения с капитальными каменными или саманными жилищами. В этот период существовала устойчивая пастбищно-кочевая система, развивались частная собственность и накопление богатства, происходило сложение социальной организации раннего государственного типа.

Интенсивное социально-экономическое развитие в сако-усуньское время объяснялось тем, что именно в этот ранний период развития кочевое скотоводство было новой, резко прогрессивной формой хозяйства. Именно на этом этапе в среде скотоводческих племен впервые зарождаются товарно-денежные отношения, частная собственность на скот и предметы роскоши, происходит накопление богатств в частных руках.

38. Поселения-резиденции. Бесмойяк I-II.

У скотоводческих племен имущественная дифференциация и классовое расслоение развиваются быстрее по темпам, чем у земледельческих племен Средней Азии этого же периода. У земледельцев низкий уровень развития экономики, общественной организации и техники в то время исключал проведение сложных ирригационных сооружений, необходимых для развития орошаемого земледелия в масштабах, достаточных для получения излишков продукции и накопления богатств.

Не представляется объективным и изучение истории и культуры древнего и средневекового Казахстана по аналогии с уровнем развития и положением общества протоказахстанских и казахских кочевых племен XVIII-XIX вв. после исторических катаклизмов монгольского нашествия, джунгарской агрессии, феодальных усобиц, переселенческой политики царизма. Известно, что монгольское иго и феодальные междоусобицы периода Золотой и Белой орды полностью подорвали производительные силы общества, на сотни лет задержали консолидацию тюркоязычных племен и прервали начавшийся процесс развития самобытных государств этих народностей. Ныне трудно представить, какой степени завершенности достигли бы государственные образования тюркских и тюркоязычных племен, если бы они не были разрушены бесчисленными войнами.

Но этапы развития государства прослеживаются четко, если началом развития считать каганат алтайских тюрков, а промежуточными ступенями – каганаты тюркешей в Семиречье, уйгуров в Восточном Туркестане, енисейских кыргызов, карлуков в Семиречье и венцом – Караханидское ханство.

У истока возникновения государства этих племен находилось государство древних усуней, являющееся первым государственным образованием на территории Проказахстана. Возникновение древнеусуньского государства определили факторы внутреннего и внешнего характера. Причем оба эти фактора были теснейшим образом взаимосвязаны, а взаимодействия друг с другом ускоряли социально-экономическое развитие семиреченских усуней. Хотя несомненно, что государство усуней – продукт внутреннего развития экономики самого общества и тесный политический контакт с высокоразвитой империей Хань. Последняя нередко искусственно ускоряла развитие общественных отношений у скотоводческих племен, обитавших на северной и западной границах империи, особенно у таких племен, как усунь, находившихся с ней в союзнических отношениях. Мы оставляем в стороне, как не относящееся к исследуемому вопросу, великодержавные цели имперской политики. Ханьский двор ничего не делал бескорыстно. В связи с этим уместно привести заключение историка XIX века Хэ Цю Тао, анализировавшего взаимоотношения Хань с усунями. Он приходит к выводу, что усунь никогда не имела выгод, наоборот, «связь с ним была делом жизни для Срединного царства» (Кюннер Н.В. 1961: 176-177).

Предпосылки образования государства Усунь определились в начале первого тысячелетия до н.э., когда впервые появилась родоплеменная

знать, хотя еще немногочисленная, но уже, бесспорно, привилегированная часть родового общества. Безмолвный археологический материал финального этапа эпохи бронзы здесь представляет в наше распоряжение буквально кричащие факты происшедших изменений. Именно в это время однообразную картину родовых кладбищ нарушают возвышающиеся над большинством остальных большие плиточные ограды Бегазы и Сангру и каменные стены погребальных сооружений Дандыбая и Аксу-Аюлы в Центральном Казахстане, сырцовые мавзолеи раннего Тагискена в Южном Приаралье, курганы-ограды типа Сарыколь, ныне известные в Восточном, Северном и Центральном Казахстане (Акишев К.А. 1972: 32). Таких памятников немного по сравнению с мелкими насыпными курганами и каменными оградками, составляющими большинство на древних кладбищах, но знаменательно само появление их одновременно во всех районах распространения культуры поздней бронзы Казахстана. Отсюда можно сделать вывод о том, что памятники такого типа сооружались над могилой не каждого, а лишь некоторых членов рода, составляющих небольшую часть общества.

Далее, судя по размерам и их конструкции, а также по количеству находимого при раскопках погребального инвентаря, это были люди, признанные родовым коллективом как заслужившие пользоваться привилегиями среди равных, люди особо чтимые, занимавшие обособленное положение в обществе. Все члены рода уже не пользовались такими почестями. Появление таких людей означало крушение святынь родового общества, принципа равенства и равноправия в коллективе. Таким образом, процесс разложения первобытнообщинного строя, начавшийся уже в последней четверти II тысячелетия до н.э., со времени выделения первых патриархальных семей, устанавливаемого по появлению на общем кладбище обособленных многомогильных семейных усыпальниц, в начале I тысячелетия до н.э. находился на стадии развития.

Как можно установить по распространению новых типов памятников, повсеместно эта стадия развития процесса разложения началась в пределах одного исторического отрезка времени на всей территории Казахстана.

Еще более контрастные факты дает археологический материал следующей эпохи – эпохи раннего железа, конкретнее, археология сакского мира.

Памятники кочевых саков широко известны, поэтому мы ограничимся упоминанием таких культовых сооружений, как Пазырыкские

вития в единственно возможном после такого разделения направлении, по пути возникновения классовых отношений.

Сакская эпоха для указанных районов Казахстана – это конечный период процесса разложения первобытнообщинного строя, ибо разделение общества на привилегированных и непривилегированных означало не что иное, как разрыв связей, являлось первой попыткой образования классов и государства (Маркс К., Энгельс Ф. 1961b: 113).

Таким образом, древнее казахстанское общество уже в позднесакское время (V-IV вв. до н.э.) находилось на стадии раннеклассовых отношений. Однако дальнейшее развитие общественных отношений во многих районах Проказахстана до сих пор остается тайной по причине отсутствия сведений письменных источников и малочисленности археологического материала. Лишь на примере Семиречья представляется возможным проследить дальнейшие пути развивающегося государственного устройства.

Мы уже отмечали, что в зарождении и развитии классов и государственности у семиреченских усуней решающую роль сыграли два фактора: причины внутреннего экономического развития и внешние – ускоряющее воздействие Ханьской империи.

Древние династийные хроники, сведения которых по политической истории и хозяйству усуней мы приводили неоднократно, содержат также фактические материалы, не оставляющие сомнения, на наш взгляд, в существовании у усуней частной собственности на скот и землю. Однако, насколько можно судить, степень развития этих двух видов собственности не была одинакова. Если частная собственность на скот и предметы роскоши имела развитую форму, то земельная собственность находилась на стадии становления, принимая форму монополии крупными скотовладельцами определенных земельных участков как «исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли» (Маркс К. 1955a: 165), т.е. она носила форму владения.

Одним из признаков возникшей собственности, какую бы она форме не носила – родовой, общинной или частной, является отметка ее особыми знаками, по которым безошибочно можно было бы определить принадлежность собственности.

По археологическим данным, первое появление таких знаков на территории Казахстана наблюдается еще в эпоху поздней бронзы, на сосудах бегазы-дандыбаевской культуры (Грязнов М.П. 1952: 137, 159-160; Маргулан А.Х. 1979: 119, 143, 152, 155). Примечательно, что время появления их совпадает со временем сооружения больших по парамет-

рам и сложных по конструкции надмогильных устройств, о которых мы уже упоминали. Значительно чаще они встречаются на предметах скифо-сакского и сармато-усуньского времени (Полторацкая В.Н. 1962; Драчук В.С. 1970: 134-147).

Большое распространение знаки получают позднее, особенно в районах земледельческой культуры, где массовое производство глиняной посуды принимало торгово-ремесленный характер (Кой-Крылган-Кала. 1967: 223-226, 347). На территории близлежащих к этим районам племен, с иной скотоводческо-земледельческой формой хозяйства, они также встречаются нередко (Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. 1968).

При интерпретации знаков, относящихся к разным хронологическим периодам, мнения исследователей в целом совпадают, не выходя за пределы гипотезы: клеймо мастера – знак собственности. При раскопке усадьбы №4 на раннесредневековом городище Тешик-кала были найдены глиняные комья с оттисками разных печатей. С.П. Толстов считает, что ими опечатывались хранилища с запасами зерна, являющегося частной собственностью членов большесемейной общины (Толстов С.П. 1948: 151). Многочисленные тамгообразные знаки-метки на средневековой керамике Средней Азии трактуются также как знаки личной (частной) собственности (Пещерева Е.М. 1959: 109-116). Идентично рассматриваются знаки на предметах из курганов Шибе и Туэкте эпохи раннего железа в Горном Алтае (Полторацкая В.Н. 1962: 87).

Иную трактовку так называемым сарматским знакам дает В.С. Драчук. Он считает, что все они были родовыми и племенными тамгами, но все же делает оговорку, что от того, с какой целью и на каком предмете ставились знаки, зависело, исполняли ли они роль знака собственности или магическую (Драчук В.С. 1970: 146).

Как бы ни было предопределено первоначальное функциональное назначение таких знаков: клеймо мастера, изготовившего этот сосуд или какое-либо иное, но представляется очевидным, что сам факт изобретения особых знаков мог быть связан с социально-экономическими причинами. Эволюция функционального назначения знаков с момента их появления прошли ряд стадий: а) знак-показатель индивидуального мастерства изготовителя; б) знак-отметка (тамга) принадлежности данной вещи конкретному роду, определить владельца; в) знак частной собственности.

Но при таком толковании знаков на керамических сосудах можно было бы ожидать, что на средневековой посуде ремесленного производ-

40. Крепость Кырык-Кыз. Внешний вид стены.

ства они будут встречаться в большом количестве и сюжеты их будут предельно разнообразными, так как в это время каждый сосуд является собственностью конкретного владельца. Как известно, археологический материал не отмечает такого явления. Последнее объясняется общей закономерностью развития социально-экономических отношений в любом обществе. Все новое в нем имеет тенденцию к бурному проявлению лишь в момент зарождения и на ранних этапах развития. Знаки собственности на сосудах, по-видимому, появились именно в этот период. Возникающий и возникший институт частной собственности завоевывает себе прочное положение среди коллективной собственности. А в обществе, где взаимоотношения строились на правах частной собственности, т.е. в развитом классовом, производство имело ремесленный характер и большая часть продукции предназначалась на продажу. Идея узаконить собственность зародилась и у кочевых племен. Причем возможно, что очень рано, так как частная собственность на стада появляется уже на заре перехода к кочевому скотоводству (Маркс К., Энгельс Ф. 1961b: 54).

41. Крепость Кырык-Кыз. Вход в крепость

Если возникновение собственности на скот в VIII-VII вв. до н.э. может считаться теоретическим предположением, то для VI-IV вв. до н.э. могут быть мобилизованы немногочисленные, но характерные археологические данные. Дело в том, что примерно одновременно с появлением особых знаков на глиняной посуде появляются знаки-метки и на домашних животных, в частности на верховых конях. Так, на ушах трупов лошадей, сохранившихся благодаря курганной мерзлоте в Пазырыкских курганах, имелись метки, назначение которых может быть истолковано лишь как знак владельца. С.И. Руденко считает, что пазырыкские кони с различными метками на ушах были из разных табунов и принадлежали разным владельцам (Руденко С.И. 1953: 147-148).

Таврение лошадей появляется позднее, чем в VI-IV вв. до н.э., так как на трупах пазырыкских коней не обнаружено никаких выжженных тамг. Зато в VI-VIII вв. древнекитайские письменные источники отмечают широкое распространение таврения лошадей у тюркских и монголоязычных племен западного края, возможно, в том числе и у усуней (Зуев Ю.А. 1960: 121-124).

Знаки-метки на теле домашних животных, тем более возникшие позднее таврения лошадей, неверно связывать лишь с родовой собственностью (Зуев Ю.А. 1960: 96-97). Отметка домашних животных родовой тамгой не означала, что внутри рода, тем более в раннем средневековье, не произошло имущественное разделение. Скот, отмеченный тамгой одного типа, считался принадлежащим одному роду лишь по отношению ко всему племени, но по существу такая «родовая» собственность складывалась из множества более мелкой, принадлежавшей частным лицам. Есть все основания полагать, что так называемая родовая собственность, господство которой в кочевых обществах зачастую доводится до позднего средневековья, стало фикцией в I тысячелетии до н.э.

По нашему мнению, еще одним доказательством раннего появления частной собственности являются металлические, каменные и глиняные печати. Находки их известны, начиная с эпохи неолита (Малая и Передняя Азия, Ближний Восток). В Средней Азии и Казахстане они известны с позднесакского времени. Рассмотрение всех находок – не наша задача, для нас важно выяснить назначение этих печатей. Однако, как можно проследить по литературе, функциональное назначение их до сих пор остается спорным (Шелов Д.Б. 1965: 230). Так, большинство из Танаисских печатей найдены в культурных слоях стоянок, поселений, городищ, что привело к выводу о том, что все танаисские штампы не были предметами индивидуального пользования, а условия находок их свидетельствуют о ритуальном их назначении (Шелов Д.Б. 1965: 233).

В Закавказье находки сосудов с оттисками печатей урартского периода (первая треть I тысячелетия до н.э.) многочисленны. Анализу подвергнут семантический аспект разнообразных изобразительных сюжетов на них без учета социальных функций символов-знаков, меток и оттисков печатей.

Как уже отмечалось, по-иному трактуется назначение печатей, оттиски с которых были найдены при раскопке раннесредневекового городища Тешик-Кала (Ходжаш С.И. 1976: 63-68; Он же 1981: 85-89; Мартиросян А.А. 1981: 80-84).

Аналогичный вывод делается на основе изучения печатей из городища Кой-Крылган-Кала, предполагая, что ими запечатывались хумы, в которых хранились запасы. Такой вывод основывается на доводах-находках большого количества обломков плит из необожженной глины с оттисками печатей в комнате, где находились хумы (Толстов С.И. 1948: 151; Кой-Крылган-Кала 1967: 218). Представляется, что подобное объяснение характера использования печатей ближе к истине. Печати так же,

как и тамги, и знаки-метки, являются археологическим свидетельством происшедшей имущественной дифференциации.

Изобретение печатей, по-видимому, означает, что развитие частной собственности достигло более высокой ступени по сравнению с периодом появления тамги и знаков-меток. На каком бы предмете не оставались оттиски печатей, но уже само нанесенное изображение было всем понятным знаком принадлежности данной вещи субъекту-владельцу, т.е. лицу, поставившему печать.

Вывод этот подтверждается другой археологической находкой, не оставляющей сомнения в том, что печати были в индивидуальном пользовании. Особенно она важна тем, что глиняная печать была найдена на территории Семиречья в могиле усуня (Максимова А.Г. 1970: 127, Рис. 5). Причем также важно подчеркнуть, что она была обнаружена в погребении, ничем не отличающемся от сотни других, раскопанных в разные годы, что дает основание для определения этой могилы как захоронения не знати или чиновника, а простого общинника.

Впрочем, находка усуньской печати не является неожиданностью. По сведениям древних хроник известно, что некоторые усуньские военачальники и чиновники проханьской ориентации за особо важные заслуги соответственно своим чинам награждались Ханьской империей золотыми и медными печатями (Бичурин Н.Я. 1950b: 198). Причем замена золотой печати медной означала лишение доверия, немилость, унижение и умаление достоинства.

По находке глиняной печати теперь можно заключить, что в древнеусуньском обществе владельцами печатей был более широкий круг людей, чем знать и чиновники. Несомненно, у последних печати являлись символом власти должностных лиц при дворе великого гуньмо (Кюннер Н.В. 1961: 93). А примитивные каменные и глиняные печати, как мы пытались показать выше, применялись для разграничения движимой собственности разных владельцев.

Таким образом, процарапанные знаки на тулове сосудов, знаки-метки на ушах лошадей, тамги и таврения лошадей и, наконец, оттиски печатей индивидуального пользования отражают, по нашему мнению, разные этапы развития собственности: от родовой общинной до частновладельческой. Такой вывод основан на анализе пока еще немногочисленных, но веских данных, полученных при раскопке памятников материальной культуры племен. Однако могут быть мобилизованы и другие источники по интересующему вопросу — это сообщения письменных источников. Исторические факты из жизни населения Семиречья, приводимые авторами древних хро-

42. Могильник Кызыл-Ата. Разбор каменной насыпи.

ник, на наш взгляд, не оставляют сомнения в том, что в обществе усуней не только существовала частная собственность на движимое имущество (скот, предметы роскоши, орудия труда), но и что она достигла уже развитых форм.

Древнекитайские источники, написанные еще во II-I вв. до н.э., сообщают о резком имущественном неравенстве, произошедшем в усуньском обществе.

Отец китайской истории Сыма Цянь в своих «Исторических записках» («Шицзи») впервые приводит сведения, что у усуней «богатые люди имеют от четырех до пяти тысяч голов» лошадей (Кюнер Н.В. 1961: 90). Другой источник – «Цяньханьшу», составленный в I в. н.э., повторяет этот факт в несколько иной редакции: «богатые содержат их от 4000 до 5000 голов» (Бичурин Н.Я. 1950b: 160). Н.В. Кюнер заново перевел главу 123 «Шицзи», в которой содержится приведенное сведение, уточнив перевод Н.Я. Бичурина и восстановив по оригиналу пропущенные места. В его переводе интересующий нас отрывок звучит так: «В Усунь много лошадей. Их самые богатые имеют четыре-пять тысяч голов лошадей» (Бичурин Н.Я. 1950b: 190).

Из этого небольшого, но ценного сообщения можно сделать ряд важных выводов. Во-первых, бесспорен сам факт существования частной собственности на лошадей в усуньском обществе. Причем в собственности находились огромные табуны, что могло произойти лишь в обществе, где частная собственность достигла развитых форм, а социальная дифференциация – классового этапа.

Во-вторых, хотя об этом прямо не указывается, но, по-видимому, также бесспорно, что в обществе имелись бедные люди, так как логически степень богатства может быть определена лишь при сравнении с чьей-то бедностью. В-третьих, вероятно, не случайно акцентируется внимание на слове «самые» и далее... богатые люди. Мы вправе допустить, что среди усуней были просто богатые, имевшие в собственности меньше лошадей, чем указанное количество. И, наконец, очевидно, что основным критерием при определении степени богатства было количество имеющихся в хозяйстве лошадей. Здесь уместно отметить, что не только в древности, как усуньское время, но и в более поздние эпохи владение таким количеством лошадей считалось мерилом большого богатства (Кюннер Н.В. 1961: 120). Поэтому китайские очевидцы обратили внимание на такой поразивший их факт, как сосредоточение в одних руках тысячи голов лошадей.

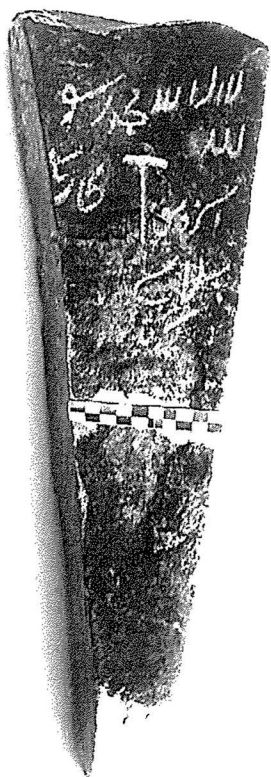
Однако, лошади были, конечно, не единственным видом домашних животных, находившихся в частной собственности у древних усуней. По костным остаткам, обнаруженным при раскопке поселения Луговое-холм и зимовки-поселения Актас, а также в захоронениях, установлено, что в составе стада усуней преобладали овцы, но имелись коровы, мулы и козы. Несомненно, что и эти животные находились в собственности крупных и мелких владельцев. В нашем распоряжении нет данных, позволяющих установить, какое количество этих видов домашних животных находилось в частной собственности. Но, опираясь на этнографию многих скотоводческих народов в прошлом (казахи, киргизы, монголы, туркмены, башкиры), можно ориентировочно определить, например, поголовье овец, находившееся в собственности у «самого богатого» усуня, оно должно было в несколько раз превышать количество имевшихся лошадей. Так, соотношение этих видов скота у гузов X в., как мы уже указывали, составляло, по данным ибн-Фадлана, 1:10 (Ковалевский А.П. 1956: 130).

Приведенные исторические примеры из социально-экономической жизни древних усуней, таким образом, подтверждают известный тезис Маркса, что кочевые племена и народы первые (значит, раньше, чем зем-

ледельческие) развивают у себя обмен и форму денег (Маркс К., Энгельс Ф. 1961b: 160), следовательно, и отношение собственности. Однако широкое развитие отношений собственности у кочевых народов, в том числе и у усуней, не может служить показателем более высокого прогресса их культуры и экономики по сравнению с земледельческими племенами. Дело здесь, как известно, в различии, как по своему происхождению, так и по своей социальной форме двух основных видов общественного богатства – продукт труда и продукт природы, кстати, известных во всех докапиталистических формациях. Оба вида богатства составляют то, что принято называть движимым и недвижимым имуществом. К первому из них относятся скот, продукты ремесла и жилища, а ко второму – земля. Продукты труда – движимое имущество – рано становилось объектом частной собственности и могло быть отчуждено в обмене, становясь товарным богатством. Поэтому кочевые племена, основой хозяйства которых было скотоводство, а подвижный образ жизни их приводил в постоянное соприкосновение с другими народами, первыми развивают у себя отношения собственности и накопление богатства в виде движимого имущества. Накопление богатства внутри любого конкретного общества, как можно проследить по фактам древней истории большинства современных народов, не происходило равномерно среди всех семей, всего населения, всего общества. С неизбежной закономерностью происходили имущественная дифференциация, накопление богатства в руках узкого круга лиц и обнищание большинства населения, постепенная поляризация общества и возникновение классов. Именно такой процесс происходил в обществе древних усуней Семиречья.

Земля же, как продукт природы и как недвижимое богатство, состояла из естественных условий производства: она во всех докапиталистических формациях была объектом пользования и владения, так как была неотчуждаема. В отличие от продукта труда ей была чужда товарная форма, она очень поздно, только при капиталистическом способе производства стала объектом купли и продажи, объектом частной собственности (Маркс К. 1955b: 789).

Поэтому во всех докапиталистических общественных формациях земля, как средство производства, не становится предметом собственности, предметом стоимостных возмездных отношений. Она, начиная с момента перехода варварских племен к производящему хозяйству, у всех народов — и земледельческих, и скотоводческих – оставалась объектом частного или коллективного владения, объектом наследственного пользования землей, принадлежащей всему обществу.

43. Могильник Кызыл-сай.
Кайрак с надписью.

Однако хотя во всех докапиталистических формациях поземельные отношения выступали в форме пользования и владения, но основные формы присвоения земли, структура землевладения были разными. Так, основу первобытнообщинного строя составляли общинное владение землей и общинная собственность на продукты, рабовладельческого общества – частное владение государственной землей и частная собственность на продукты труда и на раба и, наконец, основу феодального общества составляли иерархическое землевладение, прикрепление производства к земле и частная собственность на продукты труда (Колганов М.В. 1962: 12, 118-121).

После такого небольшого методологического экскурса вернемся к теме нашего исследования и попытаемся рассмотреть поземельные отношения в древнеусунском обществе. Выше уже указывалось, что частная собственность на скот у усуней достигла господствующей формы. Приведенные факты, как мы полагаем, служат несомненным доказательством. Скотоводческие частнособственнические отношения, господствовавшие в усунском обществе, проясняют, в свою очередь, вопрос поземельных отношений.

Если у усуней существовала частная собственность на домашний скот как на продукт труда (Колганов М.В. 1962: 99), то не могло быть общинного владения землей как единственной формы древнеусунских поземельных отношений, как основы общественного строя, ибо общинно-коллективная собственность на продукты труда, в том числе и на скот, возможна только при общинном землевладении. Частная собственность же на продукты труда (скот) возможна лишь при частном или иерархическом владении землей. Однако при переходных, недоразвитых формах

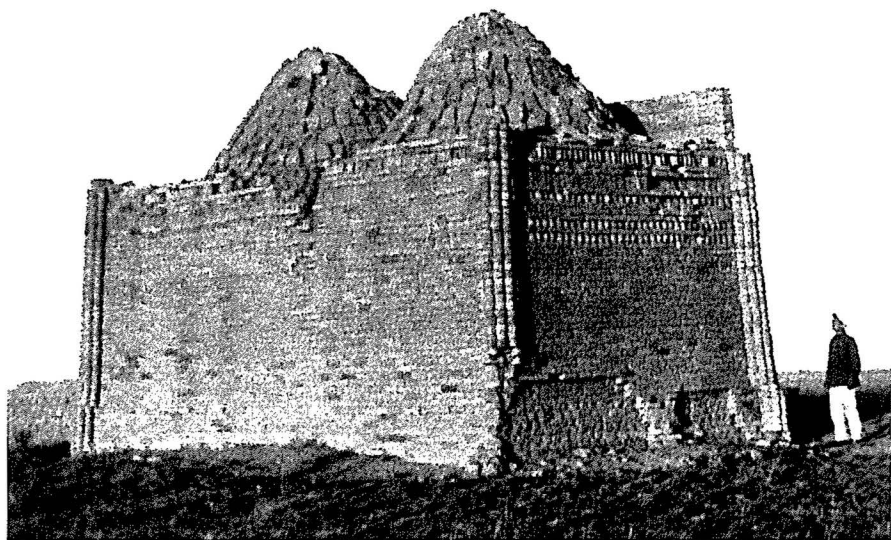
общественной организации неизбежно сохранение реликтовых форм поземельных отношений. Но не они определяют сущность социальной структуры данного общества, не они составляют его основу. Поэтому, не ставя задачу изучения этих пережиточных явлений в социально-экономической жизни усуней, попытаемся выяснить новые взаимоотношения между членами усуньского общества, сложившиеся на основе использования земли как средства производства.

Так, какое же место принадлежало земле и скоту в производстве материальных благ в таких специфических обществах, как полукочевые-полуоседлые усунь? У древних усуней было два основных средства производства: земля и скот. Но при этом у них так же, как во всех человеческих обществах в одинаковой степени, кочевое скотоводческое ли оно или оседлое земледельческое, земля – как продукт природы – является главным средством производства. А скот по отношению к земле можно рассматривать как продукт земли, ибо само существование скотоводства немыслимо вне земли. Не будет ошибки, если скажем, что все продукты земли. Во все времена и у всех народов главным средством производства была земля; поземельные отношения были определяющими в сложении производственных отношений.

Однако коль скот является и средством производства, то в обществе кочевников-скотоводов отношения между людьми, устанавливающиеся в процессе производства, складываются и по форме владения скотом, в том числе и отношения зависимости и подчинения, эксплуатации и угнетения, в исторической перспективе антагонистические отношения. В таких обществах поземельные отношения выступают завуалировано, через продукт труда и земли, как отношения по скоту. Поэтому скот как средство производства, как непосредственно отчуждаемый продукт труда был и средством эксплуатации в классовых обществах.

Таким образом, древнеусуньские поземельные отношения могли иметь форму наследственного владения. Известный принцип: земля, где прах моих предков или где мое зимнее жилище – моя земля (Тизенгаузен В.Г. 1941: 197), был известен еще в древности, со времени распределения земли на посезонные пастбища. Это было фактическим закреплением земли в монопольное и наследственное владение.

Историческая топография зимовок-поселений и семейных кладбищ около них, изученная нами в долине реки Кегень, в ущельях южного склона Заилийского Алатау, дает информацию об усуньском землевладении. На южных склонах хребта Кетьментау на протяжении 10 км насчитывается свыше двух десятков больших и малых ущелий, в каждом из которых

44. Мавзолей Жаныбек-хана на р. Сарысу. Фото 1950 г.

расположены указанные памятники. Всего нами зафиксировано семнадцать зимников типа раскопанного Актас-2. Большинство из них по одиночке расположены в отдельных ущельях гор, около каждого из них цепочка курганов из 10-15 насыпей (рис. 1). Вне сомнения, что земля, пастбища в том или ином ущелье были собственностью семьи, которой принадлежало поселение. Иногда зимовки-поселения и курганные кладбища располагаются в одном большом ущелье (Акишев К.А. 1969: 30). В таком случае, по-видимому, имеет место дислокация группы семей. Но так как у каждой из них кладбища были отдельными, то можно полагать, в таких случаях мы наблюдаем пример объединения семей, разных по своему происхождению. Вероятнее всего, это были не кровнородственные (у них были бы общие кладбища в виде больших цепочек курганов), а территориальные производственные общины, объединенные хозяйственными нуждами. Такая картина размещения памятников наблюдается у усуней III-V вв. н.э. В более ранние периоды характерны длинные цепочки, состоящие из многих десятков курганов, являющиеся как их принято считать, некрополями целого рода или большой кровнородственной семейной общины.

Резюмируя информацию, извлеченную из исторической топографии усуньских памятников, можно сделать два важных вывода. Во-первых, у усуней в III-V вв. произошло закрепление земель, пригодных для зимовок, за частными владельцами и за общинами. Во-вторых, распадалась семейные общины, объединенные по признаку общего происхождения, и происходило территориальное подразделение населения по принципу хозяйственных интересов.

Таким образом, фактический материал еще раз подтверждает вывод Ф. Энгельса по поводу поземельных отношений: «Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была земля, на которой стоял дом» (Маркс К., Энгельс Ф. 1961а: 332).

Развитие монопольного частного землевладения находит подтверждение в сведениях письменных источников. Значительный интерес представляет сообщение Бань-Гу, приводимое в «Цяньханьшу». Приведем его полностью в переводе Н.В. Кюнера: «В то время великий гуными Цылими твердо (держал) власть и все лин-хоу (вассальные князья – К.А.) из боязни подчинялись ему. Он объявил, чтобы население, пасты лошадей и скот, не входило на пастбища» (Кюнер Н.В. 1961: 92). Есть много попыток объяснения приведенного отрывка (Шахматов В.Ф. 1964: 24-26). Я считаю, что это достоверный факт обнародованного закрепления земли как монопольного владения одного лица, в данном случае Цылими. Примечательно и далеко не случайно, что обнародование произошло именно в то время, когда он как гуными «твердо держал власть» в своих руках.

Такая интерпретация подтверждается комментаторами сочинения Бань-Гу. Так, Янь-Ши-Гу (VII в.) говорит, что «не входило на пастбище» надо понимать «как на пастбище гуными», а Сюй Сун (XIX в.) и Хэ Цю-тао (XIX в.) склонны объяснять еще более решительно: «не входить на пастбище» и даже «вход на пастбище облагать налогом» (Кюнер Н.В. 1961: 92, Примечание 177). Вероятно, уже в I в. до н.э. в древнеусуньском обществе начался процесс частного землевладения. Как и у многих народов, начало новым поземельным отношениям было положено правящей верхушкой. Лучшие пастбища (вероятно, не только пастбища, так как усуни занимались и земледелием) переходили в «монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными, сферами их личной воли» (Маркс К. 1955b: 165).

Конечно, может возникнуть вполне резонное сомнение, удалось ли Цылими реально осуществить свою волю, ведь объявить, еще не

45. К.А. Акишев за работой над археологическими материалами

значит узаконить в реальной жизни. Мы не сомневаемся в том, что ему удалось получить в монопольное распоряжение нужные пастбища, ибо усуньские лин-хоу – крупные собственники больших стад скота, также претендующие на лучшие пастбища, как повествует источник в приведенном отрывке: все были подчинены Цылими и не могли послушаться его воли.

Земельные площади, закрепленные за отдельными владельцами, были регламентированы размером хозяйства, количеством имеющегося скота. Правовой обычай – неписаный закон, бытовавший во всех кочевых обществах: кто владел скотом, тот владел и землей, отражал реальную действительность, существующую у усуней. Исходя из этого принципа, представляется возможным установить примерные размеры

движимого имущества – богатых скотовладельцев. Самые богатые из них, как мы уже приводили выше, ссылаясь на источник, имели четыре-пять тысяч лошадей. Для прокормления одной головы скота в зимнее время требуется примерно 8-10 га естественного пастбища среднего качества (Потапов Л.П. 1955). На основе этих данных нетрудно установить, что для прокормления указанного поголовья лошадей требуется примерно 30-50 тысяч гектаров естественных пастбищ. Таким образом, самые богатые усуньские скотовладельцы были и владельцами обширных и лучших земель. По-видимому, в частном владении находились только зимние пастбища, как наиболее необходимые для сохранения и умножения основного богатства – поголовья скота. Находящиеся здесь зимние постройки и могилы предков фактически закрепили эти земельные участки за конкретными лицами в наследственное владение.

Мобилизованные нами письменные и археологические источники, на наш взгляд, доказывают, что в древнеусуньском обществе еще во II-I вв. до н.э. произошли резкая имущественная дифференциация и накопление богатства в виде движимого имущества в отдельных руках, преимущественно правителей, должностных чинов и родовой аристократии. Частная собственность на скот, орудия труда и предметы быта, имевшая место в сакское время, получила широкое развитие и стала основой общества. В то же время поземельные отношения имели форму частного владения землей, являющейся собственностью государства. Социальная структура общества уже в этот период была основана на классовых отношениях, хотя процесс образования классов еще полностью не закончился.

В дальнейшем, в III-V вв., продолжалось накопление движимого имущества в руках правящего класса, поляризация общества, усиленно развиваясь, шла к завершению, более четко определились грани разделения общества на два лагеря: богатых и бедных, господствующих и зависимых, угнетателей и угнетенных. Хотя социальная дифференциация продолжалась, на полюсах общества противостояли два класса: на одной стороне – родовая знать – рабовладельцы и новая феодализирующая аристократия, на другой – зависимые мелкие производители, рабы-данники (рабы-полукрепостные) и домашние рабы. Наряду с частновладельческими поземельными отношениями возникло и развивалось иерархическое владение. Таким образом, у древних усуней социально-экономические отношения на всех этапах развития носили формы, характерные для переходных этапов прогресса классового общества. За весь многовековой период развития, вплоть до вхождения в состав го-

46. Акишев К.А., Нурмухамбетов Б., Бейсенов А.З. на могильнике Бесшатыр. 1997 г.

сударства тюрков Ашина, оно не достигло законченных форм ни рабовладельческой, ни, тем более, феодальной формации. В то же время это было по существу уже классовое общество (Массон В.М. 1979).

Причины такого своеобразного развития были совершенно конкретными. И дело здесь не только в том, что прогресс общества базировался на кочевом скотоводстве, мы приводили факты развивающихся поземельных отношений. Причина заключается в многоукладности экономики, в полукочевом-полуоседлом усуньском обществе было два основных средства производства: скот и земля. Раннее накопление богатства, преимущественно в виде скота, привело к раннему развитию частной собственности на движимое имущество, к раннему развитию товарного обмена, а значит, и к раннему зарождению классовых отношений. По этой же причине, в силу специфичности кочевого общества (стойкость и консервативность родовых связей), общественные отношения развивались как частнособственнические отношения крупных и мелких скотовладельцев. Развитие и разложение родового строя не дошло до образования сельской общины

Таблица 1:

№№ пп	По Бичурину	По Кюнеру	Комментарии
1	2	3	4
1.	Сян-да-лу	Министр да-лу	1. Сян: взаимный... министр, управлять. Да: большой, великий, крупный. Лу: жалование, оклад, карьера... жалование чиновников. Да-лу – не имя собственное, а титул (См. Хэ-Цю-Тао. Шофан-бэй-чэн. 30 цзюань, с 2.). В целом титул «сян-да-лу» - великий министр, получающий жалование: первый государственный министр, лучше «Министр да-лу»
2.	Цзо-да-лу	...	Цзо: левый, плохой, помощник... Иероглифы «Цзо-да-лу» передают понятие чиновник (правитель) левых (северных) земель. Лучше: левый да-лу
3.	Ю-да-лу		3. Ю: правая сторона, правый, помогать... Ю-да-лу – чиновник (правитель) правых (южных) земель. Лучше: правый да-лу
4.	Хэу (маркиз)	Хоу (князь)	4. Хоу: феодал, князь, маркиз
5.	Хэу	Хоу	- // -
6.	Хэу	Хоу	- // -
7.	Да-гян	...	7. Гянь-гянь-цзянь: наблюдать... инспектор, чиновник, свнух (древнекит.) Да-цзянь – старший чиновник, главный инспектор
8.	Левый гян	Левый предводитель	8. Левый (северных земель) инспектор
9.	Правый гян	Правый предводитель	9. Правый (южных земель) инспектор

10.	Левый ду-юй	Левый ду-юй	10. Ду: все, всегда... столица, крупный город, крупный район, крупная область. Юй (диалект) – вэй: лейтенант, обер-офицер... успокоить. Ду-юй – ду-вэй – правитель провинции, в целом правитель левой (северной) провинции, края
11.	Правый ду-юй	Правый ду-юй	11. Правитель правой (южной) провинции, края
12.	Левый ду-гань	Левый да-цзянь	12. См. 7 и 8 по Бичурину: тархан
13.	Правый да-нягань	Правый да-цзянь	- // -
14.	Да-ли	Да-ли	14. Ли: мелкий чиновник, служащий, делопроизводитель, писец. Да-ли – главный делопроизводитель (писец), возможно, наместник внешних земель
15.	Левый ше-чжун-да-ли	Левый ше-чжун да-ли	15.Шэ: постоянный двор, дом, общежитие... Чжун: центр, внутри, внутренний, быть в центре Ше-чжун-да-ли – главный делопроизводитель внутреннего двора. Цзо-ше-чжун-да-ли – левый главный делопроизводитель внутреннего двора.
16.	Правый ше-чжун-да-ли	Правый ше-чжун-да-ли	16.Ю-же-чжун-да-ли – правый главный делопроизводитель внутреннего двора
17.	Ки-гюнь	Цицзюнь	17.Ци: ехать верхом, кавалерист, конница. Цзюнь – Цзянь (?): государь, князь, глава, правитель. Цицзюнь – глава конницы. Цицзянь – командующий конницей. ²

² В комментариях мы пользовались переводами китаиста М. Ерзина и консультацией М.В. Крюкова.

Таблица 2:

Имена гуьми	Дополнительные сведения	Время правления
1. Наньдоуми	Имел небольшое владение между Цилянцем и Луньхуаном. Убит да-юечжи.	III-II вв. до н.э.
2. Лиецзяоми	Сын Наньдоуми. Имел десять сыновей, средний – Далу.	II в до н.э.
3. Цэньцзоу (Цзюй Сюйми)	Внук Лиецзяоми. Имел сына Ними (от хуннской жены).	II в. до н.э.
4. Вэн-Гуйми (Фэй-ван)	Сын Далу. Имел трех сыновей: Юань-Гуйми, Ваньянь, Дале, Уцзюту (от хуннской жены) и двух дочерей: Диши и Сугуан.	80-64 гг. до н.э.
5. Ними (Куан-ван)	Имел сыновей: Чими, Сичэншоу (от хуннской жены)	64-51 гг. до н.э.
6. Уцзюту	Узурпатор. Убил Ними.	51-49 гг. до н.э.
7. Юань-Гуйми	Великий гуьми. При нем произошло разделение государства.	51-49 гг. до н.э.
7а. Уцзюту	Малый гуьми.	
8. Синми	Сын Юань-Гуйми – Старший гуьми.	49-55 гг. до н.э.
8а. Уцзюту	Малый гуьми.	
9. Цылими	Сын Синми. Великий гуьми. Убит в 14 году старейшиной Учжилином по заданию малого гуьми.	
9а. Фули	Сын Уцзюту – Малый гуьми.	45-14 гг. до н.э.
9б. Аньжи	Сын Фули – Малый гуьми.	
9в. Мочжэньцзян	Брат Аньжи – Малый гуьми.	
10. Ичжими	Дядя Цылими – Великий гуьми.	Конец I в. до н.э. – I в. н.э.
10а. Аньлюми	Сын Аньжи – Малый гуьми.	

как хозяйственной ячейки, определяющей сущность всего общества, сущность феодальных отношений. Поэтому возникшие классовые отношения неизбежно принимали характер рабовладельческих отношений (Колганов М.В. 1962: 124). Однако в таком обществе, как древнеусуньское, использование рабского труда в производстве имело также свои особые формы. Эти особенности в свою очередь привели к тому, что не только труд раба стал основой производства, а рабовладение так и не дозрело до развитой формы соответствующей социально-экономической формации.

Рассмотрим аспекты усуньского рабовладения. Одним из основных источников рабства у них, как и у многих народов, были военнопленные. Древние письменные источники приводят лишь один, ставший им известным, факт, когда в I в. до н.э. усунь при гуньми Вэн Гуйми (Фэй-ван), внезапно напав на хунну (сюнну), захватили 40000 человек в плен (Бичурин Н.Я. 1950а: 82; Кюннер Н.В. 1961: 82) и увели их с собой при возвращении. Как известно, война в древности была одним из распространенных средств обогащения, присвоения чужого движимого имущества, захвата территории и рабов. Поэтому, вероятно, недостатка в военнопленных не было. Кроме того, не должны исключаться другие способы приобретения рабов, как обращение в раба должника, покупка, захват и экспроприация своих соседей. Последний метод приобретения рабочей силы был весьма ограничен, так как в таких обществах, как усунь, где были стойки и сильны патриархально-родовые реликты, обращение в рабство свободного мелкого производителя привело бы к столкновению со всем обществом.

Рабство у древних усуней, впрочем, не только у них, но и в других древних и раннесредневековых кочевых государствах (хунну, кангюй, тюрки, тюркеш, карлуки), имело свои специфические черты.

Формами рабовладения были домашние рабы, использующиеся как слуги, обслуживающие господина и членов его семьи; рабы-ремесленники, изготавливающие по заданию хозяина нужную ему продукцию; рабы-скотоводы или земледельцы, ведущие его же хозяйство; и, наконец, возможно, рабы, имевшие свое хозяйство. Последние по своему экономическому положению приближаются к крепостным, но в отличие от них лишены каких-либо социальных гарантий. Они только лишь пользователи движимого и недвижимого имущества, но сами же, как и все их хозяйство, и имущество, составляют собственность господина.

В связи с такими формами древнеусуньского рабовладения несомненный интерес для нашего исследования представляет социальное содержание, заключенное в древнетюркском термине «*qul*». Мы считаем, что понятие «*qul*» и «раб» (в классическом понимании) не равнозначны. Под «*qul*» имелись в виду рабы, ведущие самостоятельное хозяйство и, прежде всего, занимавшиеся земледелием и ремесленничеством (Толстов С.П. 1948: 261-262; Гумилев Л.Н. 1967: 54-55). По своему социально-экономическому положению древнетюркские «*qul*» близки римскому рабу – пекулий.

В государстве древних усуней эксплуатацией рабов занимались, прежде всего, крупные собственники, но использовали труд раба в сво-

ем хозяйстве и мелкие скотоводы и землевладельцы, хотя в поземельном отношении к рабам они выступают как владельцы, эксплуататоры, присваивающие чужой труд.

В усуньском государстве, по нашему мнению, рабы являлись одним из основных непосредственных производителей материальных благ, они были неотъемлемой частью производительных сил общества, а рабовладельческие отношения – одной из основных общественных и производительных отношений. Но как мы стремились показать, часть рабов, насчитывающихся в государстве усуней, составляли, если допустимо употребление такого определения, класс полурабов-полукрепостных. Рабы, не имеющие прав, полная собственность господина, и рабы, имеющие свое хозяйство. В этой двойственности и противоречивости рабовладение не достигло зрелой фазы, не переросло в формацию. В нем с начала возникновения были заключены элементы феодальных отношений, в частности прикрепление работника производства к земле.

Надо полагать, что у усуней рабы были не единственными непосредственными производителями. Крупными скотовладельцами, землевладельцами и рабовладельцами присваивался труд и мелких свободных производителей. Последние попадали в подчинение и экономическую зависимость к ним, арендуя землю, в том числе пастбища, получая скот для обзаведения или восстановления хозяйства и т.д. Все большее обогащение одних неизбежно приводило к обеднению других, мелких владельцев. Присвоение крупными владельцами прибавочного продукта, получаемого при эксплуатации рабов и зависимых мелких производителей, было основой накопления движимого имущества. Как мы уже знаем, концентрация богатства у частных лиц, по данным письменных источников, достигла огромных размеров.

С расширением хозяйства, естественным ростом стада связано также постепенное расширение земельных угодий, так как рост поголовья стада требовал дополнительных пастбищ, а рост потребностей в продуктах земледелия – увеличения посевных площадей. Одним из источников приобретения новых земель был захват и освоение ничейных и бросовых земель. Но, по-видимому, в усуньское время таких земель, тем более пригодных для хозяйственного использования, почти не было или было мало. Топография размещения поселений и могильников на всей территории современного Семиречья убедительно доказывает, что все пригодные (соответственно уровню развития того времени) для хозяйственной эксплуатации земли были закреплены и освоены, в первую очередь, зимние пастбища. Поэтому, хотя и не исключается первый путь,

47. К.А. Акишев на раскопках могильника Бесшатыр. 1960 г.

основными источниками расширения земельных владений были: расширение этнической территории как результат войн, узурпации земли у мелких владельцев, присоединение пастбищ, принадлежавших хозяйствам, попавшим в экономическую зависимость, добровольная передача себя и своего хозяйства во власть крупных землевладельцев и др.

В предтюркское время в древнеусуньском обществе, наряду с продолжавшимся накоплением движимого имущества, особенно в виде скота, в руках эксплуатирующего меньшинства происходила постепенная концентрация у них земельного богатства.

Приведенные выше формы древнеусуньских поземельных отношений не были еще феодальными, их нужно рассматривать как предысторию феодальных отношений, как первые зародыши феодализма. Все они характерны для переходного периода общества на пути к феодальному способу производства. Однако при всех оговорках при оценке древнеусуньского общества накануне поглощения его тюркским каганатом, в нем было значительно больше признаков рабовладельческих отношений, чем феодальных.

Анализ археологического материала дает возможность установить социальные категории населения, образующие усуньское общество, их социальное положение в нем, роль в общественном производстве. Дело в том, что вся огромная масса ныне раскопанных на территории Семиречья курганов (около одной тысячи) четко делится на три типа. Первый из них – большие земляные курганы диаметром 50-80 м и 8-10-12 м высотой. Под насыпью их обычно бывает две-три могилы, содержащие мужские и женские погребения. По погребальному инвентарю, обнаруженному в них (даже при ограблении), можно судить, представителями какого слоя общества при жизни были захороненные. В кургане Тенлик (Восточное Семиречье), как уже приводилось, в одной из могил некогда была захоронена знатная женщина. Ее дорогая одежда (возможно, из китайского шелка) была украшена золотыми художественными бляхами и бляшками, на ушах – золотые серьги с зернью. В могилу положена железная, искусно обтянутая золотом булава – знак принадлежности к знати. Здесь же рядом с ней были поставлены туалетные принадлежности (бронзовое зеркало и деревянная шкатулка, орнаментированная полосками листового золота) (Акишев К.А. 1978: 121-123, Рис. 41-43). Богатые захоронения под большими курганами раскопаны и в Западном Семиречье – это Каракольские и Буранинские могильники. В них в могилах также обнаружены золотые фигурные бляшки, нашивные бляхи с изображением сатира явно греко-бактрийского происхождения, остатки китайских лаковых изделий, предметы украшения, выполненные в зверином стиле, оружие, глиняная и деревянная посуда (Воеводский М.В., Грязнов М.П. 1938: 177-179). Подкурганые захоронения знати выделяются также сложностью конструкции погребального сооружения, как это наблюдается в могильнике Соколовка (Бернштам А.Н. 1952: 50-52, Рис. 22).

Второй и третий тип курганов размерами резко отличается от первого, а между собой – в такой же степени найденным при раскопке инвентарем. Размеры курганов второго типа, для примера приведем данные

могильника Каратома (река Чарын), варьируют в пределах 15-20 м диаметром и до 1 м высотой. Под насыпью их одна-две могилы, иногда в одной могиле – два костяка. Инвентарь: три-четыре глиняных и деревянных сосуда, мелкие бронзовые, иногда золотые украшения (серьги, перстни, булавки, браслеты), бронзовые ременные подвески, выполненные в стиле «скифского» искусства, оружие – железные кинжалы и мечи, трехгранные и плоские наконечники стрел. Такие курганы группируются в могильники, состоящие до сотни насыпей.

И, наконец, третий тип курганов представляет собой большинство раскопанных. Это небольшие насыпи в 5-10 м диаметром и 30-50 см высотой. Погребальный инвентарь предельно однообразен и беден: один-два сосуда, примитивные железные ножички и булавки, изредка бронзовые серьги и бусы. Определяющим признаком их является полное отсутствие оружия.

Социально-экономическая трактовка разными исследователями градации усуньских курганов совпадает по своей сущности. Все они подразделяют их по параметрам на два типа и рассматривают как захоронения представителей разных слоев населения общества, где складываются классовые отношения (Воеводский М.В., Грязнов М.П. 1938: 178; Бернштам А.Н. 1950: 67-68). Из такой общей оценки выделяется точка зрения С.П. Толстова, высказанная им еще в 40-х годах. Он делит усуньские курганы также на два типа, но связывает их с двумя конкретными социальными слоями: со свободными гражданами, разделенными на богатых и бедных, и с многочисленными рабами усуней (Толстов С.П. 1948: 262-263).

Мы считаем, что приведенный археологический материал подтверждает выводы о социальной структуре усуньского общества, его классовом составе. В больших курганах были захоронены представители эксплуатирующего класса – крупные собственники движимого имущества, рабовладельцы и землевладельцы и их жены или наложницы. В мелких (третий тип) – рабы и зависимые мелкие производители, класс угнетенных и эксплуатируемых. В курганах второго типа – лично свободные рядовые общинники, ведущие самостоятельное хозяйство и использующие труд рабов. Они в обществе занимали особое положение. По отношению к рабам они примыкали к эксплуатирующему классу, но в то же время сами находились в зависимости у владельцев земли – государства, общины или частного лица. Они же, владея оружием, составляли основной контингент усуньского войска.

Древнеусуньское общество, таким образом, являлось классовым обществом. В нем сочетались сохранившиеся пережиточные явления

родового строя с рабовладением и зарождающимися феодальными отношениями. Дальнейшая тенденция социального развития в том или ином направлении весьма проблематична. Категоричный ответ спорен, но все же предпочтительнее, что рабовладельческие тенденции преобладали. В своем месте мы указывали, что многие формы социально-экономических институтов были наиболее характерны для переходного периода. Эти затруднения, однако, не меняют вывода (для нас более важного) о классовой сущности общества.

Из древних источников можно извлечь хотя и весьма глухие, но существенные сообщения о зарождении антагонистических отношений, классовой борьбе угнетенных слоев населения. Здесь мы снова обратимся к упомянутым уже «Шицзи» и «Цяньханьшу» и к сочинениям комментаторов.

Древнеусуньское общество, судя по этим сообщениям, не раз потрясали народные волнения, усобицы между великими и малыми гуньми, между ними и линь-хоу, борьба между группами прокитайской и прохуннской ориентацией. Эта борьба принимала различные формы: открытый бунт, убийство гуньми, дворцовые перевороты, откочевки и т.д. Так, например, источники сообщают, что в 50-х годах I в. до н.э. гуньми Ними (Куан-Ван) сильно притеснял народ («будучи зол и порочен»), поэтому «потерял доверие народа, что явилось причиной беспокойства и горя усунь» (Бичурин Н.Я. 1950b: 195; Кюнер Н.В. 1961: 86). В 40-30-х годах народ «снова взбунтовался» и бежал, недовольный тем, что великим гуньми стал неугодный им Юань-гуйми, родившийся от китайской царевны и, желая иметь на престоле Уцзюту – сына хуннской царевны (Кюнер Н.В. 1961: 89, 91. Примечание 167). В этом сведении, кроме интересующей нас проблемы, мы усматриваем борьбу и протест усуней против китайского вмешательства в престолонаследие и явные симпатии к родственникам по языку и происхождению хунну. В 30-20-х годах происходят недовольства и волнения, в результате которых малый гуньми Аньжи был убит «поддавшимися ему людьми», «жителями (го-минь)», а «все лин-хоу произвели большой мятеж» (Бичурин Н.Я. 1950b: 197; Кюнер Н.В. 1961: 91. Примечание 175). Можно было бы продолжить перечисление сообщениями об откочевках (Кюнер Н.В. 1961: 91. Примечание 91), династийной борьбе – убийствах гуньми (Бичурин Н.Я. 1950b: 197; Кюнер Н.В. 1961: 92), но полагаю, приведенные факты убедительно реконструируют бурную политическую жизнь в древнеусуньском обществе.

Итак, мы подходим к концу своего изложения. Выше, привлекая к анализу археологический материал и имеющиеся сообщения доступных

письменных источников, были рассмотрены развитие экономической основы и общественных отношений, классовый состав и возникшие классовые противоречия в древнеусуньском обществе. Мы также имели возможность убедиться, что в этом обществе основная, беднейшая часть населения – народ – была лишена оружия. Этот факт немаловажен; вместо вооруженного народа появились войска-дружины великого и малого гуньми и лин-хоу. Происходил распад родовых сельских общин, а вместо них возникали территориальные хозяйственные общины. Еще саки знали алфавитное письмо, есть основание полагать, что усунь – их потомки не утратили это крупное культурное достижение.

Таким образом, налицо были все предпосылки для появления особого органа, призванного укрепить и обеспечить права господствующего класса на дальнейшее обогащение и эксплуатацию. Мы убеждаемся, что такой орган появился. Это было Усуньское государство.

В возникновении древнеусуньского государства, напомним еще раз, главная роль принадлежала двум факторам. Во-первых, экономический прогресс внутри самого общества, где развитие производительных сил базировалось на сочетании двух форм хозяйства – скотоводства и земледелия. История многих стран показывает, что ни один народ, хозяйство которого основывалось преимущественно лишь на скотоводстве, так же, как и на одном земледелии, не достигал общего прогресса, а оставался на уровне родового общества. Только сочетание и одновременное развитие в хозяйстве скотоводства и земледелия приводит к мощному подъему производительных сил и изменению социальной структуры общества. Земледелие дает скотоводству прочную кормовую базу, не зависимую от превратностей погоды и состояния естественного травостоя, а скотоводство – тягловую силу, мясо-молочную пищу, животное сырье.

Комплексное двухукладное хозяйство усуней было основой всего общего прогресса общества, в том числе и раннего возникновения государства.

Во-вторых, катализирующее воздействие развитой Ханьской империи, с которой государство Усунь находилось в близком соседстве и в союзнических отношениях.

Государство Усунь было реальной исторической действительностью. Для подтверждения могут быть мобилизованы дополнительные сведения письменных источников. Во многих из них, где речь идет об усунях, употребляются термины «Усунь-го» - Усуньское государство и «синь-го» - кочевое государство и редко – «бу-цзу» - племя, племенной

союз. Мы не можем объяснить этот факт случайностью, неосведомленностью ханьских чиновников или тем, что они не могли отличить племенной союз от государственного устройства. Употребление термина «синь-го» по отношению к общественному строю усуней отражает существовавшую реальность.

Однако наша попытка последовательного изложения фактов эволюции древнеусуньского государства не исходит из предпосылки перманентного его развития. Государству Усунь, хотя оно базировалось на полукочевой основе, были присущи взлеты и падения, прогресс и регресс – пульсирующее формирование и развитие, характерные для всех кочевых государств. Мы лишь пытались заострить внимание на фактах возможности формирования государственного строя в такой специфической среде и что существование его было историческим фактом.

По политическому устройству усуней источники приводят развитую государственно-административную и социально-иерархическую терминологию, что дает также понятие об уровне общественного строя.

Государство Усунь, по данным источникам, считалось «одним из сильнейших» государств древности, имея население в 630 тысяч, оно могло выставить огромное войско, насчитывающее 188800 воинов. Войска состояли из конницы и пеших лучников (их было несколько десятков тысяч человек), «обученных наступательным действиям». Дружина гуньми и двух наследников престола состояла из 30-тысячной конницы, у каждого по 10 тысяч. Еще до 73 года до н.э. государство было разделено на три части: левая (восточная), правая (западная) и центральная, принадлежавшая самому гуньми, но все они находились под «верховною зависимостью от Гуньмо». Резиденция гуньми находилась в городе Чигу, отстоящем от Чань-ань в 8900 ли или от Вынсу (Аксу) на север в 610 ли (Бичурин Н.Я. 1950b 199), в пределах южного берега р. Или, и озера Иссык-Куль.

Позднее, между 64-51 гг. до н.э., в связи с усиливающимся недовольством народа политикой империи Хань, вмешивающейся в престолонаследие, а также учитывая желание масс иметь наследников гуньми по хуннской линии, народ и территория усуней были разделены на две части: великий и малый гуньми, а на границе принадлежащих им земель поставлены межи (Бичурин Н.Я. 1950b: 190-198, 258; Кюнёр Н.В. 1961: 68-100).

После этого события история государства Усунь полна междоусобной борьбы малых гуньми с великими за власть, между сторонниками прохуннской и проханьской ориентации. Так, где-то в конце 60-х гг.

Уцзюту – сын умершего гуньми Унгуymi от хуннской царицы убил царствующего гуньми Ними (Куан-вана) и при поддержке народа узурпировал власть, объявив себя гуньми. В 14 г. до н.э. великий гуньми Цылими был убит по заданию малого гуньми Мочжэньцзян. Причины такого трагического акта – стремление Цылими насильственно объединить разрозненное государство. Источники прямо указывают, что Мочжэньцзян убил его, «опасаясь быть покоренным» Цылими.

Время правления Цылими – между 45-14 гг. до н.э. — было периодом расцвета государства Усунь, так как он «твердо держал власть» и в его владениях «настала... глубокая тишина и мир» (Бичурин Н.Я. 1950b: 190-198, 258; Кюнер Н.В. 1961: 68-100).

Административно-государственное и военное управление государством осуществлялось через довольно развитый бюрократический аппарат. Кроме великого и малого гуньми имелись следующие чины и должности. (Табл. 1).

Все эти должностные лица и чиновники относились к господствующему классу. Низшим слоем этого класса были лин-хоу – зависимые (вассальные) князья, но были еще более мелкие, стоящие на сословно-иерархической лестнице ниже лин-хоу (Кюнер Н.В. 1961: 82).

Усунь, как уже отмечалось, считалось одним из сильнейших государств, но оно же, по утверждению Сий Суна, являлось наибольшим государством в Западном крае (Кюнер Н.В. 1961: 73. Примечание 17). Уместно отметить, что такое утверждение подтверждается археологическими данными, распространением памятников усуньской культуры на огромной территории всего Семиречья, Ферганы (частично) и, по-видимому, в северной и западной частях Восточного Туркестана.

Древние источники дают основание предполагать, что под властью или под влиянием усуней находился ряд владений или племен, расположенных в пограничных районах государства. Например, в «Цяньханьшоу» указывается, что Усунь «подчинял себе многие владения», в «Даваньчжуань» – «напал на соседние малые владения», а Янь-Ши-гу уточняет: «как только подчинит, то превращает в вассалов» (Бичурин Н.Я. 1950b: 190; Кюнер Н.В. 1961: 74. Примечание 26, 27). Можно предполагать, что такими племенами и владениями были хюсань, гюаньду (цзюаньду), юйту или уш. Источники отмечают, что все они по обычновениям и одежде сходны с усунями. В I в. до н.э. во владения Согдой или Яркан по просьбе местных старейшин и повелителя, дабы «приобрести доброе расположение усуньцев Ваньянь, сын гуньми Вэн-Гуйми, стал повелителем» (Бичурин Н.Я. 1950b: 189).

Государство Усунь устанавливало и союзнические отношения с другими государствами посредством заключения брачных союзов. Так, в 69 г. до н.э. тот же Вэн-Гуйми выдал свою дочь Диши за повелителя Кучи Гяньбиня (Бичурин Н.Я. Там же: 203-204).

А некоторые далекие и близкие соседние владения при нападении противника искали защиты у сильного усуньского государства. В качестве примера приведем факт пребывания с 68 по 62 годы владетеля северных чешей Угуя в Усунь после его бегства от хунну (Бичурин Н.Я. Там же: 208-209).

В древнеусуньском государстве власть великих и малых гуньми передавалась по наследству от отца к сыну, исключение, как правило, вызывалось чрезвычайными обстоятельствами. Хронологическая последовательность правления усуньских гуньми и порядок наследования видны из приводимой таблицы. Таблица далеко неполна, не представляется возможным установление точной даты правления многих гуньми, источники не сообщают имен после I в. н.э. Но все же мы считаем необходимым составление такой таблицы и по той причине, что никем раньше, кто занимался историей государства Усунь, она не приводилась, поэтому представляет несомненный интерес. (Табл. 2).

В династийных хрониках эпохи Хань изложение краткой политической истории государства Усунь доведено примерно до III в. н.э. Однако еще более краткие, отрывочные сведения имеются и в некоторых письменных источниках поздних периодов Срединной империи. Приводя их в хронологической последовательности, мы должны обратиться к «Бэйшу» (История династии Юаньвэй), к главе 102, которая содержит сообщение о том, что в 437 г. н.э. государство Усунь отправило к императорскому двору послов, а затем постоянно направляло их для представления дани.

Археологический материал, особенно полученный за последние годы с территории восточного Семиречья (поселение Актас-2, могильники: Актасты: 1, 4-6, Сары-тау), свидетельствуют, что в предтюркское время усуньское государство продолжало сохранять свою самобытность на всей обширной территории, занимаемой им с момента возникновения. Более того, по этим же данным (могильники Акшоқы-III, Отеген-I), и в VI-VIII вв. продолжала развиваться культура древних усуней на прежних землях, хотя и государственная самостоятельность их была поставлена под контроль тюркских каганатов. Мы не случайно употребляем здесь выражение «поставлена под контроль», когда речь идет о государственности усуней, и избегаем таких слов, как «уничтожение».

Дело в том, что спустя несколько сотен лет после приведенного сообщения письменных источников, в X в. н.э. на их страницах вновь появляется государство Усунь. Это «Ляоши», где в хронике императора Тайцзуна имеется запись о том, что в 938 году прибыли с данью: тухугунь, усунь, мохэ (Кюнер Н.В. 1961: 98). А из другого источника – из «Винвэйчжи» – благодаря Хэ Цю-тао становится известным, что из 50-ти государств, подвластных империи Ляо, «было девять усуньских» (Кюнер Н.В. 1961: 97).

Из этого сообщения для истории Казахстана важен сам факт известности усуней в X веке, позволяющей связать в непрерывной последовательности древних усуней с уйсунями и ушунами, позднее вошедшими в состав казахского и киргизского народов.

ГЛАВА IV

ГОСУДАРСТВА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Государство древних Усуней (у-суней в древнекитайских хрониках), функционировавшее на территории от реки Или до реки Талас с востока на запад, от озера Балхаш до озера Иссык-Куль с севера на юг в I-V вв., было первым (возможно, одним из первых) государственным образованием на территории Казахстана (История Казахской ССР. 1977; Акишев К.А. 1994) и Киргизии.

С этого хронологического периода, как повествуют древние авторы, процесс зарождения и развития государственности в регионе, заселенном тюркоязычными племенами, продолжался в течение 600-700 лет. Среди них наиболее ранним было государство древних тюрков во главе с родом Ашина на Алтае – Тюркский Каганат (551-744 гг.). Эта центральноазиатская империя через два года после образования становится могучей силой, политическим гегемоном в регионе. В 555-576 гг. Каганатом были разгромлены и покорены племенные союзы жужжаней, киданей и сибирских кыргызов, разбито государство эфталитов. В 70-е годы VI в. тюркская армия совершает поход в далекий Боспор на побережье Черного моря и захватывает его. Более того, в эти годы Каганат превращает в своих данников северокитайские государства – Северное Чжоу и Северное Ци, которые платили ему ежегодную дань в 100 000 кусков шелка (Кляшторный С.Г. 1964: 20-21). Однако в результате усилившегося социально-политического кризиса и жестоких междоусобных войн в 581-588 гг. Каганат распадается в 603 году на две части: Восточно-Тюркский Каганат с центром на прежних землях в Центральной Азии и Западно-Тюркский - в Средней Азии и Казахстане.

Однако думается, необходим небольшой экскурс в тюркскую хронологию до распада Каганата. Тюркский Каганат еще до разделения на две части территориально охватывал не только монгольский Алтай, но и Восточный Казахстан (вероятно, в него входили усуни-уге, культура которых представлена памятниками типа Кула-Жорга, изученных С.С. Черниковым), а также Восточное Семиречье. Последнее доказывается топонимическими и гидронимическими наименованиями, сохранившимися в несколько измененном звучании имена первых каганов (ататюрков - К.А.) - основателей древнетюркского государства. Так, имя первого кагана (ататюрка) или Бумыня (кит. Тумыня) сохранилось в гидрониме реки Или, протекающей ныне по территории Западного Китая и Казахстана и впадающей в озеро Балхаш. Этот гидроним, несомненно, реконструируется как «эль-эли» или «иль-или» рунических надписей в смысле племя, союз племен, государство (Толстов С.П. 1948: 253-259). Более того, Н.Я. Бичурин имя Или Бумыня напрямую связывает с названием семиреченской реки и комментирует это так: Или-хан – значит «хан с реки Или» (Бичурин Н.Я. 1950: 227). После смерти Бумыня в 552 году престол тюркского эля занимает его сын Коло, правивший всего год (ум. в 553 г.), но успевший принять имя Исиги-хана (Бичурин Н.Я. 1950: 228 Прим. 4), лакаб (престольное имя) связываем с гидронимом Исик-Есик (оз. Иссык). От следующего гидронима, реки Кеген происходит лакаб Мухан-хана (время правления 553-572 гг.) – младшего брата Есиги-хана. Его имя известно как Муюй (Мухан)-хан Кигин (Бичурин Н.Я. 1950: 227-228).

В топонимических наименованиях Восточного Семиречья также сохранились имена древнетюркских племен. Одно из них связано с именем тюрков-сато (шато), многочисленного народа, называемого «последние потомки хуннов», китайцы называли их «черные вороны», а их хана «одноглазым драконом» (Гумилев Л.Н. 1970: 59-60). Современные названия населенного пункта в Восточном Туркестане и одноименных речки и села Саты в Восточном Семиречье (Кегенский район), несомненно, связано с именем тюрков-сато (шато) и свидетельствует об обитании их (или части их) в этих регионах. Интересен еще один факт из исторической географии Восточного Семиречья. На правом берегу реки Или, в 25 км вверх по течению, находится холм Отеген-тобе, на вершине его каменный курган, который местные жители считают «святым» местом. По преданию, рассказанному нам в 1957 г., некогда на Востоке скончался знатный человек. Старейшины и родственники решили необычным образом похоронить его тело – привязать на спину верблюда и отпустить

его на все четыре стороны. Там, где он ляжет, устроить похороны. Через много дней верблюд добрался до указанного холма и лег на его вершине, здесь и был сооружен погребальный памятник в виде каменной насыпи. Примечательно, что на западной стороне холма находится около 30 каменных оград, в которых были захоронены воины с оружием и конями, относящиеся к VII-VIII вв. Можно верить или не верить преданию, но если связать воедино данные предания, могилы тюркских воинов, топоним «святого» Отеген-тобе, то более чем вероятно, что современное топонимическое название происходит от исторического имени места дислокации тюрков Тоньюкука (689-690 гг.) Отыукентской черни (Малов С.Е. 1951: 408). По приведенным гидро- и топонимическим реликтам, казалось бы вероятным, что уже при первых тюркских каганах их власть распространялась на Восточное Семиречье, но в источниках не упоминаются военно-политические связи их с государством Усунь.

С образованием Западно-Тюркского Каганата (603 г.) Семиречье становится одной из основных территорий этого государства. Однако наименование «тюркское» (в смысле «ашинское») для всего Семиречья имело номинальное значение, означая лишь политическую гегемонию тюрков Ашина.

Археологические данные: историческая топография размещения тюркских памятников, количественное соотношение их с памятниками усуньского времени рисуют однообразную картину. Тюркские курганы встречаются не часто, группируются в могильники из пяти-десяти насыпей или кольцевых и квадратных каменных оград (как в могильниках Отеген-тобе, Капчагай (Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1963), иногда единичные тюркские погребальные сооружения встречаются среди многочисленных насыпей усуньских курганов (как в Актасты, Акшоки). Краниологические и археологические материалы этих и других памятников Казахстана тюркского времени доказывают интенсивную ассимиляцию европеоидным местным населением (саки, усунь, кангюй, сарматы) монголоидных тюрков (Гинзбург В.В. 1956; Исмагулов О.И. 1970), при этом собственно тюркские определяющие признаки материальной и духовной культуры сохраняются устойчиво.

Несомненно, для Кыргызстана и Юго-Восточного Казахстана время Западно-Тюркского Каганата (603-704 гг.) было временем продолжения государства Усунь (Бичурин Н.Я. 1950а: 279), следующим этапом преемственного развития государственности.

Этнический состав каганата западных тюрков представляется в такой родоплеменной номенклатуре: тюрки Ашина, уйсунь, кангюй,

тюргеши, уйгуры, кыргызы, карлуки, огузы, кимаки, кыпчаки, что и составило «он ок будун» - народ десяти племен – рунических надписей. Все они были тюркоязычными, большинство из них родственники по происхождению, как свидетельствуют древнекитайские хроники от Шаньюева (хуннского) рода (Бичурин Н.Я. 1950а: 214, 220). Со стабильной последовательностью после распада Западно-Тюркского Каганата имя их появляется на политической арене региона в период династийного возвышения.

В 700-е годы тюргешские племена низвергли более чем сорокалетнее господство дома западных тюрков в Семиречье и северном Тянь-Шане и создали свое государство – Тюргешский Каганат (704-746 гг.).

Тюргешский Каганат был прямым преемником государства западных тюрков и продолжал именоваться «он ок будун» - народом десяти племен. Первоначальным регионом расселения было междуречье рек Чу и Или. Происхождение их, как полагают многие тюркологи, восходит к двум племенам: мукры и абари (авары) (Гумилев Л.Н. 1967: 334-345; Он же. 1974: 201). Тюргеши делились на два племенных подразделения, расселившиеся в долине реки Или назывались кара-тюргеши, а чуйские – сары-тюргеши. Основателем тюргешской династии был Уч-Елиг-Каган (Уш-Елдик-Хакан), правивший в 699-706 гг. При нем и его преемнике, сыне Сакал-Кагане (706-711 гг.) Тюргешский Каганат противостоял арабскому нашествию на Мавераннахр. Особенно успешной борьба с арабскими завоевателями была при кагане Сулу (713-738 гг.), но после его смерти из-за вражды между его преемниками, междоусобицы среди потомков мукры (желтые тюргеши)¹ и потомков абаров (черные тюргеши) результаты былых побед были потеряны, более того, послужили причиной падения Тюргешского Каганата под ударами карлуков (Бартольд В.В. 1963: 245; Гумилев Л.Н. 1967: 358-359).

Таким образом, падение Тюргешского Каганата ознаменовало гибель всей династии рода Ашина. На руинах каганата западных тюрков возникает несколько государств тюркоязычных народов: в северном Тянь-Шане и в Семиречье – карлукское (760-940 гг.), в низовьях Сыр-Дарьи, в Приаралье – государство огузов, в Прииртышье и в степях Северного и Центрального Казахстана – государство кимаков (позднее кыпчаков) – начало X-XI вв. (История Киргизской ССР. 1984: 250; Кумеков Б.Е. 1972) и в низовьях Эдиля (Волги) и на Северном Кавказе – Хазарское государство (Артамонов М.И. 1936; Он же. 1962). В Центральной и Северо-Восточной Азии возникли государства род-

1 Имя племени мукры до сих пор сохранилось в Семиречье в топониме реки Мукры и села Мукры (Алматинская область).

ственных также тюркоязычных племен: Уйгурский Каганат (745-840 гг.) (Кызласов Л.Р. 1969; Гумилев Л.Н. 1967) и Кыргызский Каганат (840-1124 гг.) (Кадырбаев А.Ш. 1993).

Карлуки – собирательный этноним, под этим именем раннесредневековые авторы объединяют три племена: булак, чигиль, ташлык. Карлукское государство к 766 г. овладело всей территорией Семиречья, включая долину реки Талас до западного Тянь-Шаня. Борьба карлуков за господство на этих землях проходила упорная и долгая. Особенно ожесточенное сопротивление оказали огузы, прародиной которых, судя по огузским преданиям, были Талас и Прииссыккулье (Бичурин Н.Я. 1950а: 347). Потерпевшие поражение огузы в VIII в. заселили прибрежные районы Аральского моря и в конце этого столетия создали свое государство. Карлуки остались «единственными хранителями степной культуры в Средней Азии» и двести лет боролись, правда, безуспешно, с насаждением ислама арабами (Гумилев Л.Н. 1967: 271-272).

Переселение огузов в Приаралье и Западный Казахстан не было мирной акцией, им пришлось силой преодолеть сопротивление двух приаральских племен: печенегов, кангаров и других потомков сако-масагетского происхождения (Агаджанов С.Г. 1969: 122-128; Мокрынин В.П. 1984: 252-254), а при продвижении на запад — с потомками сарматов и финно-угорскими племенами. Огузское государство в X в. стало значительной силой, игравшей большую роль в военно-политической жизни степной Евразии, в 965 г. огузы в союзе с Киевской Русью разгромили Хазарский Каганат, а в 985 г. нанесли поражение государству Булгарии на Эдиле. Последний взлет огузов на исторической арене приходится на время правления джабгу Алихана и его сына Шахмалика, в 1041 г. покорившего, правда, ненадолго, государство Хорезм (Толстов С.П. 1950; Агаджанов С.Г. 1969; Щербак А.М. 1959; Короглы Х. 1976; История Казахской ССР 1977: 353-363). В середине XI в. государство огузских джабгу было уничтожено кимако-кыпчакскими племенами Дашт-и Кыпчака.

Последующий этап консолидации тюркоязычных племен связан с племенами, обитавшими в восточных и северных регионах Казахстана, с кыпчаками и кимаками. Последние в среднем течении реки Иртыш и в северо-восточном Семиречье в начале X в. создали государство во главе с правителем, носившем титул «байгу» - джабгу, а в конце IX-начале X вв. – общетюркский титул – хакан (История Казахской ССР. 1977). Средневековые авторы сообщают достаточно полно об этническом составе, социальной номенклатуре, этнической территории, взаимоот-

ношениях с соседями, торговых путях, городах и селах, образе жизни кимаков (Караев О. 1973; Кумеков Б.Е. 1972). В первой половине XI в. Кимакское ханство (хаканство) прекратило свое существование, уступив роль гегемона на исторической арене восточной Великой Степи, близкородственным племенам – кыпчакам, внесшим большой вклад в историю всей Евразии. К кыпчакам мы еще вернемся, сейчас обратим внимание на события, которые произошли на древних землях тюркоязычных народов в Центральной Азии.

Несомненно, основной причиной рождения названных выше государственных образований было обострение социального неравенства и рост принудительного труда в связи с развитием частной собственности, сосредоточением в руках меньшинства основных средств материального благополучия, усиливающим накопление капитала. Господство тюркских и тюркоязычных народов было, как и во всем цивилизованном мире, органом, призванным защищать и узаконивать сложившуюся социальную структуру. Процесс развития тюркской государственности ускоряли внешние факторы, в частности, многовековая борьба с соседними племенами и народами (Хань, жуань-жуани, кара-кытай, арабы, саманиды).

Новым, более развитым этапом консолидации племен и образования развитой формы социума было государство, которое арабо- и персоязычные авторы называли по-разному: тамгач-хан, богра (танбалы-хан), богра-хан (бура-хан), арслан-ханкара-хакан, кара-хан... По последнему титулу в середине XIX в. введен термин «караханиды» для наименования всего государства.

Основателем государства караханидов (942-1137 гг.) был Сатук абд ал Керим Бегра-хан (915-955 гг.) (Бартольд В.В. 1963: 315), происходивший из племени чигиль (Pritsak O. 1953: 21-23), входившего в карлукское объединение. Правление его ознаменовано еще одним важным событием, произошедшим между 954 и 961 годами – принятие мусульманской веры, ислам стал государственной религией.

Первоначальной территорией караханидов средневековые авторы считают юго-восток Центрального Тянь-Шаня и северную часть Кашгара. Позднее при Сатуке и его сыне Мусе (Байташе), в конце X-XI вв., к ханству были присоединены весь Центральный Тянь-Шань, Семиречье, Фергана, Мавераннахр, западная граница владения доходила до реки Аму-Дарья, северная и северо-восточная – по линии южнее Аральского моря и озер Балхаш и Алаколь, восточная – вероятно, до Тарбагатайских гор (Махмуд Кашгари. 1960: 409; Бартольд В.В. 1968). После разделения госу-

дарства караханидов в 1041-1042 гг. на два самостоятельных ханства, столицей Западного Каганата стал город Узгенд, позднее Самарканд, а Восточного – Баласагун, позднее – Кашгар (Pritsak O. 1953: 27-30). Таким образом, Мавераннахр находился во владении западных караханидов, а Восточный Туркестан и Семиречье – восточных.

Первая половина XII в. – смутное время в истории некогда могущественной империи. Нашествие новой волны центральноазиатских племен: киданей, найманов и керейтов, ожесточенная борьба с династией сельджукидов, усиление междоусобных распрей, привели к падению караханидской державы.

Исторический процесс сложения и развития государства тюркоязычных племен после падения караханидской династии продолжался на обширных степных просторах Центрального, Северного и Западного Казахстана.

После ухода с политической арены Кимацкого Каганата в этих регионах усилилось объединение племен (в их числе и кимаки-иемаки), известное в средневековых письменных источниках под собирательным именем Кыпчак. Вероятно, этноним «кыпчак» известен значительно раньше, чем в средние века. Ряд исследователей полагают, что он появился еще в первых веках до н.э. и этимологизируют его от древнекитайской транскрипции названия племени «цзюеше» или «цзюйше» (Бернштам А.Н. 1947: 154; Савинов Д.Г. 1984). Однако реконструкция термина «цзюйше» или «кыпчак» вызывает серьезные возражения ряда специалистов (Кляшторный С.Г. 1986). Считается достоверным первое появление этнонима «кыпчак» в форме «се» (китайские источники) и «сир» (древнетюркские источники) (Ахинжанов С.М. 1989) в IV в. н.э. Что же касается страны кыпчаков, то топоним арабского происхождения «Дашт-и Кыпчак», синонимом которого является древнетюркское «Сары-Арка» («Кыпчакская долина» - К.А.) (Кононов А.Н. 1958: 88. Примечание 63) встречается уже в начале XI в (Бартольд В.В. 1921: 138-156).

Социально-экономические структуры и государственное устройство кыпчакского общества разработаны недостаточно, нередко носят противоречивый характер. Такая ситуация сложилась из-за недостаточности первоисточников, тенденциозности постулата при традиционном подходе к изучению кочевых цивилизаций и неразработанности своего понятийного аппарата и концептуальной базы. При всем этом уже на современном уровне развития кочевниковедения ясно, что для изучения социальных и политических систем кочевых обществ необходима разработка своей методологической основы познания, наработка

своих ориентиров и индикаторов оценки уровня развитости и специфики функционирования государственных образований.

В условиях мобильности кочевых армاد централизация властных структур была ограничена, все военно-политические и государственные организмы приспосабливались к подвижному образу жизнедеятельности. Поэтому, основываясь на изложенном, мы не можем согласиться с мрачной, в сущности стереотипной оценкой исторической перспективы государственного образования у кочевников, существующей в историографии Казахстана (Марков Г.Е., Масанов Н.Э. 1985; С.М. Ахинжанов. 1995). Кыпчакское государство (XI-начало XIII вв.) объединяло огромную территорию от Иртыша до Эдила (рис.36). В середине XI в. кыпчаки, одержав победу над огузами, расширили свои владения на юге и продвинулись до низовий Сыр-Дарьи и юго-западных склонов Каратау, и сделали своей государственной резиденцией город Сыгнак (Сыганак) (Бартольд В.В. 1963а.; 1963b; 1964; 1966). Кыпчаки сыграли большую роль в средневековой истории Восточной Европы и Евразии, волна вынужденного переселения кыпчаков достигла далекой Аравии (Всемирная история. 1957: 727-728). Особенно тесными были экономические, военно-политические, культурные и кровнородственные связи кыпчаков с Киевской и Московской Русью (Кудряшов К.В. 1948; Федоров-Давыдов Г.А. 1966; Плетнева С.А. 1975) и Хорезмом (Ахинжанов С.М. 1973).

Кыпчакское государственное образование распалось под ударами кочевых армид Чингисхана. Однако в процессе консолидации тюркоязычных племен кыпчакам было суждено второй раз появиться на исторической арене как одним из основателей государства Абул-хайр-хана, называемого в источниках государством кочевых узбеков.

В Великой Степи, после завоевания ее монголами, в XIII-XV вв. возник и исчез с исторической арены ряд кочевых государств, вначале подчинявшихся централизованной власти императора Чингисхана, после его смерти ставших независимыми государствами. Во всемирной истории они известны под именами: Алтын-Орда, Ак Орда, Кок Орда и другие. В связи с тем, что хотя в образовании их значительную роль играли автохтонные тюркоязычные народы и в их структурах сохранились традиционные органы и титулы, они не были прямыми преемниками тюркских государств. Не останавливаясь на них, отошлю читателя к монографическим исследованиям, посвященным этим государственно-политическим образованиям (Греков В.Д., Якубовский А.Ю. 1959; Федоров-Давыдов Г.А. 1973; Сафаргалиев М.Г. 1960; Юдин В.П. 1992 и др. работы).

Государство Ак Орда (1320-1428 гг.). На территории Восточного Дашт-и Кыпчака в конце XIII-XIV вв. происходила усиленная ассимиляция монгольской диаспоры аборигенными тюркоязычными племенами, сохранились местные домонгольские династии, титулы (хан, султан), имена были тюркского происхождения, тюркский язык, употреблявшийся наравне с монгольским (Бартольд В.В. 1968: 151, 158), вероятно, имел тенденцию к преобладанию. Основной территорией государства были земли бывшего Кыпчакского ханства – Южного, Центрального и частично, Северо-Восточного Казахстана. По данным некоторых арабских и персоязычных авторов, термин «Ак Орда» встречается уже в 1266-1267 гг., возможно, еще до 1266 г. (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 1992: 195). Содержание термина «Орда» двойственное: письменные источники XIII-XIV вв. вкладывают в него понятие: кочевая ставка (резиденция хана) и государство (Федоров-Давыдов Г.А. 1973: 63-64).

В послемонгольское время Ак Орда – первое государственное объединение, возникшее в восточном Дашт-и Кыпчаке, основу его составляли кыпчаки, найманы, аргыны, уйсун, карлуки, керей (кереиты), коньраты, мангыты, канглы... Правящая династия происходила от Орды Иджена (Орда Ичена) – старшего сына Джюши-хана (Джучи-хана), представители династии правили в такой хронологической последовательности: Орда, Сартактай, Коинчи (Куинджи), Баян, Саты-Бука, Ерзен, Мубарак, Симтай (Чимтай), Урус-хан, Куйрчик (Койричак) и Барак (Рашид-ад-дин 1960: 66-71).

В период правления Мубарак-хана (1320-1344 гг.), Урус-хана (1361-1378 гг.) и Барак-хана (1423-1428 гг.) государство Ак Орда приобрело полную независимость от Золотой Орды и стало мощной политической силой в Восточном Дашт-и Кыпчаке. После смерти Барак-хана власть в Ак Орде перешла к пятому сыну Джюши-хана – Шайбану (Шибан, Сыбан) и его потомкам. Первым ханом династии шайбанидов стал Абул-хайр-хан.

Государство Абул-хайр-хана (1428-1468 гг.). В начале правления Абул-хайр-хана в его государство входила большая часть территории современного Казахстана от Иртыша до Волги, включая правобережье нижнего и среднего течения Сыр-Дарьи. В последующие годы он совершает несколько завоевательных походов для расширения границ своего государства: в 1428-1429 гг. на Тару (Чимги-Туру), т.е. город Тюмень (Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. 1969: 513. Примечание 33), который до 1446 г. становится столицей государства шайбанидов (Ахмедов В.А. 1965: 48), в 1431-1432 гг. завоевывает, правда, ненадолго, Хорезм и его столицу Ургенч. В эти же годы Абул-хайр-хан нанес поражение владельцам Хаджи-Тархана (Махмуд-хану и Ахмад-хану) и

столицу свою перенес в Орда-базар (на реке Кенгир), который называли «столицей Дашт-и Кыпчака» (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 1992: 221).

В дальнейшие годы (в 1446 г.) он одерживает крупные победы, присоединяет к государству города-крепости по Сыр-Дарье и в Каратау: Созак (Сузак), Сыгнак (Сыганак), Аркук (Артык-Ата), Ак-Корган, Узгенд (Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. 1969: 159). В третий раз переносит свою столицу, на этот раз в город Сыгнак, в бывшую столицу Ак Орды, носившую имя «Гавань Дашт-и Кыпчака». В этнической номенклатуре государства Абул-хайр-хана были многие племена, входившие в свое время в состав предыдущих каганатов и ханств, а позднее образовавшие узбекский, казахский и кыргызский народы.

Родоплеменные структуры, составившие население государства, в арабо- и персоязычных источниках и в исторической литературе получили собирательное имя «узбеков» («узбекидан»), а само ханство Абул-хайр-хана наименование «Государство кочевых узбеков» (Ахмедов В.А. 1965).

Абул-хайр-хан скончался в 1468 году во время военного похода в Моголистан (северо-восточный Казахстан), за десять лет до этого Абул-хайр-хан потерпел жестокое поражение от ойратского Уз-Тимур-Тайчши в местности Кок-Кесене около Сыгнака. Военное поражение, как обычно бывает в кочевых государствах, явилось причиной политического раскола в обществе, значительная часть племен во главе с джучидскими султанами Жаныбеком, младшим сыном Барак-хана и Гиреем (Киреем), правнуком Урус-хана, откочевала в низовья реки Чу и в местность Козы-Басы. По уточненным данным, это важное для дальнейшей истории Казахстана событие произошло в 1459-1460 гг. и, как считают специалисты, было «своего рода стратегическим отступлением» для последующего захвата власти в государстве кочевых узбеков (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 1992: 233-234).

Дальнейшие события в жизни народов Казахстана, вплоть до современности, последовательно связаны и имеют геополитическое значение для истории человеческой цивилизации. Вклад Дашт-и Кыпчака в этот успех был значителен не только в сфере культуры, но и в общественном обустройстве человечества.

В кратком изложении сложных многовековых исторических событий, которые в нашем изложении заняли десяток страниц, но в сущности определили исторические судьбы нескольких народов на историческую перспективу, наиболее существенными для Казахстана являются многовековые устремления племен тюркоязычного происхождения к кон-

солидации в единую народность. Несмотря на сложные событийные катаклизмы, часть которых мы пытались изложить выше, консолидация была неизбежна, учитывая активность и потенциальные возможности многочисленных племен и народов Центральной Азии и весь ход общечеловеческого развития.

Процесс к объединению, единству тюркоязычных племен был обусловлен в первую очередь причинами внутреннего социально-политического развития, обострением социального неравенства, сосредоточением во власти верхнего эшелона общества основных средств производства и прогрессирующим накоплением богатства. Государство, которое создали эти общественные слои, было, как и во всех странах, органом, призванным защищать интересы частных собственников и узаконить сложившееся имущественное неравенство. Процесс развития тюркской государственности ускоряли внешние факторы – многовековая борьба с иноземным окружением и междоусобица.

Все исторические этапы консолидации тюрков в рамках государственных образований связаны с пассионарной активностью племен, последовательно сменявших друг друга на политической арене. Таким образом, тюркский, тюркешский, уйгурский, кыргызский, карлукский, огузский, кимакский каганаты свидетельствуют о стремлении племен к объединению, существовании многовековых традиций государствообразований на территории Казахстана.

Одним из определяющих критериев государственной организации является наличие государственного языка и письменности. На современной стадии исследования данной проблемы накапливается все больше фактов, свидетельствующих о раннем существовании письменности у древних племен, еще в IV в. до н.э. Иссыкское письмо, алфавитный характер которого не вызывает сомнения у специалистов, имеет много вариантов прочтения на основе древнетюркского рунического алфавита (Аманжолов, Мусабаев, Махмудов), последняя попытка на ххорошти-персидско-арамейском алфавите (Харматта) (Акишев К.А. 1995: 45). Значительно важнее сам факт находки памятника алфавитного письма, вероятно, фиксирующее появление государственного образования на территории древнего Казахстана (Акишев К.А. 1978: 53-60).

Существование письменности в государствах тюркоязычных народов, которым посвящена данная работа, как считают исследователи, доказывается вариативностью древнетюркского рунического алфавита на разных этногосударственных территориях этих народов. Приведем их в хронологической последовательности, при этом имея в

виду, что в палеолингвистических исследованиях все более обоснованнее доказывается функционально-стилистическая предназначенность орхоно-енисейского письма (Тенишев Э.Р. 1979), а не только эпитафическая, благопожелательная и магическая, как было принято в прошлом.

По заключению лингвистов, нередко гипотетического уровня, в тюркских каганатах в раннем средневековье государственным письмом являлся орхонский вариант рунического алфавита. В Тюркешском государстве – согдийское письмо, в Карлукском – таласское, в государстве Огузских ябгу – ачикташское (?), в Уйгурском каганате – орхонское, позднее уйгурский курсив. В Хакасском/Кыргызском государстве официальным письмом был енисейский алфавит, в Кимакском – орхонский. В Хазарском каганате, возможно, одновременно бытовали кубанский и донской варианты евразийского рунического письма, а в Болгарском – кубанское письмо (Кызласов И.Л. 1994: 210-224; Кляшторный С.Г. 1981). Несомненно, многообразие зарождения и функционирования у тюркоязычных народов государственных систем явилось причиной возникновения многочисленных вариантов рунического письма. Эти причины и следствие – государство и письменность – явились определяющими факторами развития исторического процесса – консолидации множества родоплеменных этносов, говорящих на разных диалектах, но объединенных единым тюркским языком.

Новой, более развитой стадией этого исторического процесса было государство караханидов, в состав которого вошли не только названные племена, но и все население Мавераннахра. В XI в. в Караханидское государство входили: Восточный Туркестан, Семиречье и другие земли Средней Азии и Казахстана, лежащие к востоку от Сыр-Дарьи. Расцвет градостроительства и земледельческой культуры на юге Казахстана происходит именно в это время. Источники сообщают о твердо установившихся земельных отношениях, узаконенных наделах земель (икта, мукта). В XI-XII вв. в Кашгаре сложился караханидский (карлукско-огузский) литературный язык (Щербак А.М. 1959: 113), примерно в этот же период оформились северотуркестанская и южнотуркестанская архитектурные школы (Пугаченкова Г.А.). С этого же времени, т.е. с XI-XII вв. на всей территории древнего Туркестана – Турана утверждается этноним «тюрк» (Щербак А.М. Там же: 99) и он перекрывает всю многочисленную родоплеменную номенклатуру, составлявшую основу былых государственных образований, на военно-политических и социально-экономических традициях которых зародилось государство караханидов. Таким образом, Караханидское государство уже в XI-

XII вв. на территории Средней Азии и Казахстана было высшим этапом государствообразования и носило многие параметры централизованного государства. Однако трагические события начала XIII в. прервали ход поступательного развития консолидации тюркоязычных народов и образования единой государственности. Историей было предопределено, что кочевые государства казахов, туркмен, узбеков, кыргызов сложились несколько позднее, в XV в. Последняя дата – в значительной степени дань устоявшемуся стереотипу, ибо Казахское государство – преемник ранних государств, начиная с Каганата голубых тюрок (VI-VIII вв.). История их происхождения и развития имеет многочисленные традиции и древние корни.

ГЛАВА V

КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО XV-XVI ВВ.: ПАМЯТНИКИ, КУЛЬТУРА

В средневековой истории Казахстана, в частности периода становления государственности, существуют две проблемы, решение которых, принятое в современной казахстанской историографии, кажется недостаточно обоснованной.

Во-первых, начальная дата рождения казахской государственности, общепринятая в науке, представляется по ряду параметров некорректной.

Приведем отрывок из исторического сочинения «Тарихи-и Рашиди» Мухаммад Хайдара (1499-1500 гг.): «В то время в Дашт-и Кыпчаке владычествовал Абулхаир-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек-хан и Кирей-хан бежали от него в Могулистан. Исан-Буга-хан охотно принял их и представил им округ Чу и Козы-баши, который составлял западную окраину Могулистана» (Иванов П.П. 1958: 39-40; МИКХ 1969: 195). Далее повествуется, что это событие произошло в 870 г.х., т.е. в 1465-1466 гг. В исторической литературе эта дата принята как начало образования государства казахов.

Полагаем, что эта дата не может быть признана безальтернативно установленной, по крайней мере, по двум критериям. Прежде всего, наименование «казак-казах» не содержало этнической семантики, этнического смысла, а имело политическую нагрузку, на что уже неоднократно обращалось внимание нашими предшественниками. Как свидетельствует тот же источник, населенит улуса Жаныбека и Кереея называли «узбек-казаки», т.е. узбеки-беглецы, узбеки-сепаратисты по современной терминологии. Таким образом, даже этническая окраска в этой терминологии полностью отсутствует.

На несколько десятилетий раньше в Дашт-и Кыпчаке, в 1425 г. возникло государственное образование военно-демократического характера Барак-хана, родоплеменная структура которого носило имя «узбеки» - ханское войско, ханская гвардия. Несколько лет позднее (в 1428 г.) в узбекском военно-политическом государстве утвердилась власть Абулхаир-хана, с этого времени конгломерат дашти-кыпчакских племен, объединенных под собирательным именем «узбекиан», все больше приобретал этническое содержание. Несколько позднее он составил единый этнический субстрат узбекского и казахского народов, сформировавшийся в составе одного государства - Узбекского ханства. Поэтому необходимо считать время образования государства Абулхаира (1428 г.) началом сложения и узбекской, и казахской государственности.

Вторая проблема, без решения которой не может разрабатываться тема государствообразования, это первоначальная этническая территория сложения социума. Эта проблема в историографии до сих пор остается решенной не до конца, на уровне предположений и догадок, основанных на указанных выше сведениях Мухаммада Хайдара о дислокации казахов в округе Чу и Козы-басы.

Казахстан – одна из немногих стран в Центральной Азии, на территории которой до сих пор сохранились ранние топонимические наименования, особенно рек и гор, как основных географических ориентиров. Гидронимы Чу (Шу), Или и Талас (Далоос) – основные водные источники Жетысу были хорошо известны китайско- и тюркоязычным, арабо- и ираноязычным авторам в древности и средневековье.

Мухаммад Хайдар, называя ареал размещения казахов в XV в. в регионе Чу и Козы-басы, вероятно, имел в виду западные и восточные пограничные пределы государства. Наши экспедиционные исследования исторической топографии расположения памятников этого времени, изучение картографических основ XVII-XIX вв. доказали правильность высказанного предположения.

Результаты изучения источников убедительно доказывают, что распространение на конкретной территории топонимов и гидронимов, связанных с именами исторических деятелей, отдельных личностей, с названием родов и племен может служить индикатором установления параметров этнической территории государственного образования. В этом ракурсе парадигмой может служить ареал распространения власти первых казахских ханов. Обратимся к историографической литературе, в которой рассматривалась интересующая нас тема.

В труде С.Д. Асфендиярова – пионера написания обобщенной истории Казахстана с древнейших времен – вопрос этнической территории специально не рассматривается. Лишь в связи с завоеванием Московским царством Казани и Астрахани и Узбекским ханством Туркестана отмечается, что «к концу XVI-началу XVII вв. ...казаки прочно заняли территорию нынешнего Казахстана, – можно говорить о начале самостоятельной истории казаков» (История Казахстана (с древнейших времен). 1935: 82). Полагаем, что критика данного тезиса неуместна.

Один из первых авторов истории средневековой Средней Азии П.П. Иванов, в своем научном труде, написанном в 1938-1939 гг., вышедшем в печати лишь в 1958 г., ограничился короткой констатацией, что казахам Жаныбека и Керей были предоставлены «кочевья в долине реки Чу» (Иванов П.П. 1958: 36).

Один из последователей С.Д. Асфендиярова – М.П. Вяткин в своей работе, посвященной истории и культуре казахов, также призрачно определяет границы казахского государства в XV в. (Вяткин М.П. 1941: 80).

Далее рассмотрим, как решается интересующий нас вопрос в историографии 40-70 гг. В первом наиболее полном изложении истории казахского народа, написанном в годы Великой Отечественной войны, этническая территория улуса Жаныбек-хана определяется в пределах низовьев Чу, от Сузака до Тараза и от долины Чу до Сайрама (История Казахской ССР. 1943: 104).

Избегая повторов, напомним, что во всех последующих изданиях истории Казахстана повторяются предыдущие версии локализации (История Казахской ССР. 1949: 115; История Казахской ССР. 1979: 256). Из изложенного очевидно, что авторы указанных трудов ясно представляют западные (низовья р. Чу) границы расселения казахов по Мухаммаду Хайдару и весьма неопределенно предел восточной границы улуса Жаныбек-хана.

Археолого-топографические исследования констатировали, что Мухаммад Хайдар был точен в своем представлении о территории расселения казахов в XV в. Он четко представлял местоположение географических ориентиров, которые приводил в своем историческом сочинении. Напротив, для современных историков Козы-басы остается до сих пор «терра инкогнито». Между тем средневековый топоним «Козы-басы» сохранился в названии горы, расположенной на юге с. Таргап. Она очерчивала восточные пределы территории расселения казахов на западной границе Могулистана. Небольшая гора Козы-басы (1149,6 м) вместе с двумя другими: Бес-батыр (1088,4 м) и Дегерес (1337,8 м) составляет

горную грядку, протянувшуюся с востока на запад на 45-50 км. На юге гряда соединяется с горой Жети-жол (3267 м) и образует вместе с северными склонами Заилийского Алатау межгорную долину, орошенную многочисленными родниками и горными речками (рис. 37).

Долина является южным пределом региона Козы-басы. На севере в него входили Чу-илийские горы (1178 м) с долинами Копы и Карой, на северо-западе — горы Аныракай (1095 м) и Хантау (1042 м). Вся эта территория, включая на западе низовья и среднее течение р. Чу, общей протяженностью 1000-1200 км составляли «округ Чу и Козы-Баши» по Мухаммаду Хайдару.

Таким образом, территория государства Жаныбек-хана и Керей-хана в три-четыре раза была обширней, чем предполагалось в упомянутых исторических сочинениях современных исследователей.

Археологическими поисками на этой территории были открыты и выборочно обследованы десятки памятников хозяйственной деятельности и материальной культуры, относящиеся к XV-XVI вв. Прежде всего, руины большого количества стационарных жилых и хозяйственных строений, нередко они группируются в поселения, расположенные по берегам рек, около не пересыхающих родников или искусственных каналов. Остановимся более подробно на двух из них.

Поселения Бесмойнак I-II и Бугумуиыз расположены в междуречье одноименных рек, на северных склонах горы Жети-жол. Поселение Бугумуиыз занимает площадь длиной 200-250 м, планировка строений прослеживается плохо, повсюду разбросаны сильно задернованные отдельные камни и плиты, являющиеся остатками строительных конструкций. Водоснабжение обеспечивалось каналом (длиной до 400 м), выведенным из реки Бугы-муиыз и огибающим поселение с севера. Канал соединяет обе реки, увеличивая маломощный дебит воды р. Бесмойнак, на правом берегу которой расположены одноименные поселения. Бесмойнак I — типичная казахская зимовка, состоящая из двух-секционного дома размером 4x8 м.

Бесмойнак II состоит из двух отдельно стоящих многосекционных зданий, расположенных на мысу, образованном довольно глубоким (ныне сухим) руслом реки и каналом, подведенным к поселению с восточной стороны. Условно названные здания по своим параметрам и сложностью планировки напоминают укрепленную усадьбу типа резиденции правителя.

Южная резиденция размерами 20x60 м, на этой площади прослеживаются остатки стен десяти помещений. Наружные стены по всему

периметру памятника облицованы камнем, ширина их 0,6-0,7 м, сохранившаяся высота стен местами до 1,5 м.

Северная усадьба (площадью 15х40 м) состоит из четырех помещений. Конструкция стен аналогична вышеописанной, сохранившаяся высота до 1 м.

По функциональному назначению, вероятно, она занимала положение, соподчиненное по отношению к резиденции (рис. 38).

Межгорная долина Козыбасы, судя по разновременным археологическим и палеоэтнографическим памятникам, была интенсивно освоена, начиная с эпохи бронзы. В интересующее нас время плотность заселения была также значительной. Причем широкое распространение топонимов и гидронимов, связанных с именами отдельных лиц: Тажебай-жайлау, Шойбек-жайлау, Сабден-жайлау, Малтакбай-жайлау, или Абдрашсай, Тайторысай, Акжигитсай, или Алимжанкайнар, Маметкайнар, Бектасбулак, Балажан-булак, или Ажибайсаз и другие, свидетельствуют о регламентированном закреплении пригодных для жизнеобеспечения земель за конкретными главами родов и семей.

В государстве Жаныбек-хана и Керей-хана строгая регламентация земель была неизбежна при освоении новой территории расселения. Несомненно, властное (государственное) распределение земель в новых условиях адаптации было жизненной необходимостью. В последующем изложении материала с другой группы памятников этого же региона будут приведены новые факты, подтверждающие правильность сделанного вывода.

Большая группа памятников: остатки зимовок и водяных мельниц, ирригации и гидротехнических сооружений, «циклопические» ограждения из крупных каменных блоков, ограничивающие большие земельные участки (площадью от 15 до 25 га), обследовалась на юго-западных пределах региона Козыбасы, в долинах рек Актерек, Сулукоянды и Куркуреук, стекающих с гор Жетижол.

По берегам этих рек на площади в 20-25 км² было зафиксировано и планиграфически снято свыше пятнадцати жилых и хозяйственных строений. Планировки большинства из них традиционны (стандартны), жилые дома двух-, трехсекционные линейной планировки, изредка Г-образной (поселения Актерек I и Куркуреук IV), размерами: 4х8 и 4х12 м. Иногда два дома расположены рядом и составляют одно поселение. К каждому жилому дому пристроен хозяйственный двор, служивший для содержания скота и других бытовых нужд, их размеры - 7х12, 8х12 и 12х14 м. На территории поселений обнаружены: крупный каменный

жернов от двуручной мельницы, кустарного производства лемех от сохи, подковы, скобы от ворот, фрагменты керамической посуды.

Большой интерес для выяснения практики водоснабжения и землепользования представляют так называемые циклопические каменные сооружения разной конфигурации, параметрами: 70х150, 200х700 м. Конструкция их трех типов: если ограждаемая площадь ровная, то она опоясана большими камнями, положенными на грунт; в случае наклонной площади низкая сторона огорожена земляным валом (высотой до 1 м), поверх которого также положены каменные блоки; третий тип - просто земляной вал, по внешнему периметру которого проходит ров. В отдельных случаях подвергающиеся разрушению участки ограждений укреплены каменными стенами. Внутренняя площадь их свободна, не имеет следов каких-либо сооружений. Лишь у поселения Куркуреук IV внутри ограждений обнаружены остатки стен небольшой постройки и квадратная оградка из четырех врытых в грунт, обработанных каменных плит. Раскопка ее не дала результата, поэтому назначение осталось невыясненным. Аналогичная оградка - каменный ящик был раскопан около городища Культобе, расположенного на северных склонах Каратау, в нем обнаружены остатки зерен пшеницы. Там же у стены ящика были врыты в грунт три керамических хума, в которых находились шелуха, ферментированные зерна проса (Жолдасбаев С.Ж. 1976: 56). Несомненно, в обоих случаях каменные ящики использовались для хранения запасов зерна. Местонахождение их вне жилища проясняет еще один важный вопрос назначения как зерновых запасов, так и каменно-земляных ограждений. Земельные площади внутри последних в весенне-летний сезон использовались под посевы зерновых (пшеница и просо), а в осенне-зимнее время — под пастбища. В каменных ящиках и хумах хранился семенной фонд.

Таким образом, функции описанных ограждений чисто хозяйственные, они ограничивали территории, которые использовались под зимние пастбища и под пашенное земледелие. Подобные большие ограды известны в Чу-Илийских горах, входящих тоже в округ Чу-Козы-басы.

Проблема водоснабжения поселений решена профессионально практически, рационально. Каждое поселение без ущерба для соседних водопользователей использовало слабые стоки горных речек, особенно в летний сезон. Если поселения находились по берегам ручьев, то русло их около каждого поселения перегораживалось каменной плотиной для поднятия уровня воды и создания небольшого водоема, из него вода направлялась по арыку. В плотине оставлялся проем (шлюзы), обеспечивающий продолжение стока воды к нижележащим поселениям.

Поселения, находящиеся на высоких берегах, снабжались водой самотечными каналами, проложенными по склонам гор. Магистральный канал, выведенный с верховьев реки Актерек, имеет длину 3 км.

Запасы воды хранились также в водоемах другого типа. Рядом с поселениями Куркуреук I, IV, V открыты котлованы с обвалованными с трех сторон краями для сбора талых и дождевых вод.

Большой интерес представляют остатки водяных мельниц, обследованные по среднему и нижнему течению реки Актерек. На протяжении 3-3,5 км был построен каскад из шестнадцати мельниц. Все они примерно одних параметров и аналогичной конструкции, состоящей из помещения самой мельницы и водовода. Последний сооружен в виде высокого вала, по верху выложенного камнем. По каналу вода подавалась в русло водовода, откуда она с высоты 2-2,5 м падала на лопасти механизма, приводившего в движение жернова. В развалинах нескольких мельничных помещений сохранились жернова, полувросшие в грунт. При строительстве мельниц система их работы была спланирована так, что вода, использованная в первой мельнице, по новому водоводу подавалась в последующие. Возможно, каждая мельница принадлежала одному или нескольким родам.

Аналогии актерекским мельницам известны опять же в каратауских городищах, в частности около Культобе были обнаружены две однотипные водяные мельницы (Жолдасбаев С.Ж. 1976: 56).

Научно-исследовательские работы, результаты которых предложены в данной работе, являются информационным источником для серьезных размышлений.

Несомненно, освоение «терра инкогнито», каковыми являлась земля западного Могулистана для пришедших из Дашт-и Кыпчака племен, в первую очередь была тесно связана с проблемой выживания. Ограниченность новой территории обитания вынуждала к предельно плотному расселению населения на пригодных для нормальной жизнедеятельности оазисах. В западном Могулистане, земли которого в большей части заняты пустынями южного Прибалхашья, Мойынкума и южной Бетпак-далы, их было немного.

Экстремальные условия вынуждали к плотному расселению населения, о чем свидетельствует сосредоточение большого количества поселений-зимовок на узкой территории, к жесткому распределению земельных наделов. Лимит хозяйственно-пригодных земель вынуждал также к централизованному решению рационального закрепления зимних пастбищ и источников водоснабжения. Представляется, что анализ

новых палеоэтнографических источников представляет информацию для мобилизации в актив науки таких исторических выводов.

Вторая часть главы посвящена рассмотрению исторических памятников, расположенных в западных пределах округа Чу – Козы-басы, относящихся к истории Казахского государства XV-XVI вв. Целевые археолого-топографические поиски в том регионе не проводились, но имеется значительное количество сведений по интересующей теме, разбросанные в публикациях географов, биологов, зоологов, топографов, обследовавших южную и юго-западную часть Бетпак-далы в XIX - нач. XX вв. «В низовьях реки Сарысу, на правом берегу речки Бокты-карын в местности Танбалы-жар известен памятник Тамгалы-тас, на поверхности которого «высечено до 500 тамг или печатей» - пишет Л. Кузнецов, побывавший на этом памятнике в 1895 г. Он так описывает памятник: «Тамгалы-тас у киргиз Средней Орды ...считается и ныне священным. Состоит он из песчаника, величиною до 3-х куб. сажень, неправильной формы» (Кузнецов Л. 1927: 122-123).

В.А. Селевин, побывавший на памятнике в 1934 г., опубликовал фотографию Тамгалы-таса, однако она настолько плоха, что невозможно разобрать ни одного знака (Селевин В.А. 1935: 30).

При нашей поездке к этому памятнику в 1974 г. мы его застали распавшимся на две части, причем верхняя половина, на которой были тамги, была погружена в песок.

Датировка памятника проблематична, но при всех хронологических прогнозах вероятность отнесения к XV-XVI вв. предпочтительнее (рис.39).

Несомненно, гравировка на камне родовых и племенных тамг символизировала единство военно-политического и социально-экономического союза. У священного камня предводители родов и племен принимали присягу на верность молодому Казахскому государству.

Тамгалы-тас – памятник государственной важности, реставрация и дальнейшее изучение его представляется первостепенной необходимостью для установления количества и наименования родоплеменной номенклатуры, составивших ядро казахского социума. На северных склонах легендарного Каратау, в горных ущельях лежат руины городов-крепостей – Культобе, Ран-ата, Таскорган, Кырык-Кыз, функционировавшие в продолжение всех этапов эволюции Казахского государства.

На двух из них – Кырык-кыз и Бала-Курган проводились археологические раскопки для установления хронологии жизни городов, их архитектурно-планировочного облика (Акишев К.А. 1987: 85-88).

Крепости расположены на юго-восточном склоне ущелья, на вершине скальных утесов и горных сопок на высоте 40-45 м от русла небольшой речки, питающейся ныне родниковыми водами, а в далеком прошлом от могучей реки, прорезавшей горный массив в меридианальном направлении и образовавшей ущелье, ныне известное под названием Кызыл-Сай.

Крепость Кырык-Кыз (Кыз-Курган) имеет форму неправильного круга с диаметрами 80 и 85 м. Крепостные стены сложены из дикого камня-плитняка, причем наиболее массивные плиты весом до 80-100 кг были заложены в основание стен (рис.40). Камни не связывались между собой никакими растворами. Толщина крепостных стен 1,5-2 м, сохранившаяся высота – до 4 м. Наиболее хорошо сохранились стены в северной, северо-западной и северо-восточной частях крепости. Южная и юго-западная стены, которые располагались на крутом обрыве горы, сохранились не полностью, их высота не более 1 м. Вероятно, в стенах имелись проемы типа бойниц, но позднее они были заложены. Следы закладки читаются четко.

В северо-восточной стене крепости имеются предвратные сооружения в виде выступающих наружу пилонов, сложенных из такого же камня-плитняка и ограждающих въезд в городище (рис. 41). Длина южного (левого) пилона – 8,5 м; северного (правого) – 6 м. Высота правого и левого пилонов – 2,5 м, толщина – 2 м. Пилоны составляли коридор городского въезда, возможно, некогда имевшего наружные и внутренние ворота. Дорога, ведущая из крепости, круто спускалась вниз, в ущелье, тянулась вдоль юго-восточной стены и выходила в долину. От крепостных ворот внутрь ведут два прохода. Один идёт вдоль северного участка стены (его длина 30 м) и упирается в небольшую площадь размером 7х8 м. Другой проход идёт на юг от ворот и тянется вдоль восточной стены, поворачивая затем к юго-западному участку крепости. Ширина проходов немного больше 1 м.

Основная площадь крепости в настоящее время сплошь завалена каменными плитами – остатками строений и домов. Хорошо прослеживается сплошной ряд домов, вплотную примкнувших к северной стене. Плоские крыши этих домов, вероятно, служили стрелковыми галереями при обороне крепости. В центре крепости имелись более крупные строения, состоящие из нескольких комнат. Нами были раскопаны 2 строения: одно в центре крепости, а другое – в южном её секторе. Оба прямоугольной формы, углубленные в землю до 1 м. Стены строений, как и крепостные стены, также насухо сложены из дикого камня. Высота

стен достигает 1-1,5 м. Пол земляной. Дома имеют 2, 3 и более комнат. Очаги земляные. В некоторых постройках имеются небольшие отсеки – очевидно, хозяйственные помещения. Крыши домов были, вероятно, плоскими. Общие размеры помещений - 10-12 м².

В одном километре севернее Кырык-Кыза находится вторая крепость Бала-Курган, по всем параметрам значительно уступающая первой. Форма её подчинена конфигурации выступающего скального мыса. Северо-западная стена – на кромке отвесного обрыва, она труднодоступна; северо-восточная – прикрыта горами и также малодоступна. Наиболее уязвима крепость с юго-восточной и юго-западной сторон, поэтому юго-западная стена усилена дополнительными сооружениями в виде двухкамерной башни прямоугольной формы и (как продолжение ее) вперед вынесена вторая башня округлой формы. Функция башен – защита подступов к крепости.

Размеры крепости 75х37 м, высота стен 3-3,5 м. В одном из помещений в крепостной стене имеется бойницевидное отверстие, обращённое ко входу в ущелье Кызыл-Сай. Помещение имело сторожевое (караульное) назначение.

Были раскопаны и расчищены от завалов шесть помещений в жилой части крепости; пять из них пристроены к северо-западной стене, одно – к северо-восточной. Размеры комнат – 4-5х2-2,5 м. Толщина стен – 1 м. Комнаты однотипны, почти одного размера: примерно 8-10 м² каждая. Это комнаты казарменного типа. Очевидно, они служили караульными помещениями для гарнизона крепости.

Можно считать установленным, что Бала-Курган – это форпост, прикрывающий Большой Кырык-Кыз со стороны Дашт-и Кыпчака. Фактически культурный слой в раскопанных помещениях этих двух крепостей отсутствует, кроме небольшого количества маловыразительных черепков, корчаг, хумчи и кувшинов. Две обнаруженные монеты датируются XV-XVI вв. (Акишев К.А. 1987: 87).

В целом каменные крепости Улькен, Бала-Курган и Кырык-Кыз – это войсковые ставки, запирающие сквозной проход по ущелью Кызыл-Сай из северных склонов Каратау (Дашт-и Кыпчак) в Туркестанский оазис. Вероятно, крепости сохраняли свои функции в продолжение нескольких веков – с XV по XVIII в.

Рядом с Кырык-Кызом, к югу от него, расположен позднесредневековый могильник Кызыл-Ата (рис. 42). Он состоит из 296 погребальных памятников разного типа. Из них каменных колец – 65, каменных набросков – 21, каменных ящиков – 2, все остальные – земляные насыпи и грунто-

вые захоронения. Несмотря на разнотипность сооружений, надгробные каменные плиты – кулуптасы – имеются почти на всех памятниках. В одном случае внутри каменной ограды (N 71) стоят два кулуптаса с тамгами, в другом – у земляной насыпи (N 115) стоят также два кулуптаса, но без тамг. Вероятно, в этих случаях мы имеем дело с парными захоронениями.

Среди многочисленных кулуптасов в этом могильнике кулуптасов с тамгами только 30. Из них большая часть относится к знаку в виде прописной буквы «Т», являющейся тамгой племени «каракерей» из казахского Среднего жуза (рис.43). Надо отметить, что схожее начертание тамги имеет крупный род «жагалбайлы» племени «алшын» Младшего жуза. По арабской графике на одном из кулуптасов с каракерейской тамгой нам стало известно имя одного из погребенных. Здесь был захоронен Сыдык – сын Кокея (?) из рода каракерей. По палеографии эпитафии время захоронения относится к XVIII в.

Кроме тамги каракереев, единично встречаются тамги: «донгелек» – дулатов, «тумар» – шапрашты, «босага» – коныратов и некоторые другие. Судя по тамгам, среди захороненных встречаются представители племён и родов всех трёх казахских жузов.

В продолжение ряда лет были раскопаны погребальные сооружения разных типов – в каменных ящиках, внутри каменных оград, под каменными набросками, под земляными насыпями, в грунтовых ямах. Все они относятся ко времени Казахского государства.

Вероятно, могильник Кызыл-Сай (по некоторым данным, Кызыл-Ата) – войсковое кладбище, где захоронены воины казахского ополчения, погибшие на поле брани в бурное время борьбы с кочевыми узбеками Шейбани-хана и во время джунгарского нашествия.

Сравнительные аналогии, указанные выше, в архитектуре и планировке жилищ, в строительной конструкции и технике, в типологии водяных мельниц и зернохранилищ между памятниками регионов Козыбасы и Чу-Каратау (резиденция Бесмойнак и городища Культобе и Кырык-Кыз) доказывают хронологическую близость их и этническую атрибуцию.

В юго-восточной Бетпак-дале на правобережье среднего течения реки Чу находится несколько местонахождений, связанных с историческими именами основателей первого Казахского государства. Это Касым-хан кудук, Касым-хан жолы (Касым-ханнин каска жолы), Шакшагайлы-жол, наконец, оазис Сары-булак Мамаш (Мамаштын Сарыбулагы). Как известно, Мамаш – старший сын Касым-хана – талантливого государственного деятеля и военачальника, роль которого в умножении государства до сих пор не исследована по достоинству.

Впадина Сары-булак Мамаш, судя по описаниям, была одной из ставок Мамаш-хана, правившего государством около двух лет (1523-1525 гг.) после смерти Касым-хана. Приведем полностью описание топонима, выполненное Е.П. Коровиным и Б.А. Мироновым, побывавшим там, в 1933-1934 гг. В составе Бетпак-далинской экспедиции Среднеазиатского государственного университета эти ученые проводили изучение растительного покрова восточной части Бетпак-далы.

«В качестве типичного примера таких заброшенных культурных земель может служить обширная долина с родниками Сары-булак-мамаш, расположенная к северу от гор Джамбыл. Долина вытянута в направлении с востока на запад на протяжении 3-4 км, шириной около 1 км» - указывается далее, что по дну долины протекает ручей, в восточном конце образующий небольшие озера.

«Недалеко от озерков группа глиняных и сложенных из крупных камня построек, служивших для жилья человека и для загона овец. Возделывавшаяся часть долины разбита на ровные квадраты, обведенные валиками, а иногда невысокими глиняными дувальчиками, проведены арычки, подающие воду непосредственно на поля и т.д.»

Судя по остаткам и единично произрастающим растеньицам, поля ранее засеивались преимущественно пшеницей и просом. Реже некоторые из них занимались под культуру бахчевых (дыни, арбузы) (Коровин Е.П., Миронов Б.А. 1935: 62-63).

Д.Н. Кашкаров – участник этой же экспедиции уточняет, что под поливную культуру в Сары-булаке было занято около 100-150 га (Кашкаров Д.Н. 1935: 27).

В другой работе участники исследования Бетпак-далы приводят значительно большую длину долины – 5-6 км (Коровин Е.П., Селевин В.А. 1935: 15).

Долина Сары-булак была значительным историко-культурным центром XV-XVI вв., одной из резиденций династии Касым-хана.

Таким образом, итоги археологических, палеоэтнологических и топографических работ уточняют пределы границы округа Чу – Козы-басы по Мухаммаду Хайдару. Территория государства Жанибек-хана и Керей-хана была в три-четыре раза обширней, чем предполагалось в упомянутых выше исторических штудиях. На западе граница проходила по долине р. Чу, северо-восточным склонам хребта Каратау. На востоке охватывала северо-западные гряды Заилийского Алатау с отрогами Бесбатыр, Дегерес, Козы-басы.

ГЛАВА VI

КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО XVI-XVIII ВВ.: ИСТОКИ, ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ И СТАБИЛИЗАЦИИ

В позднесредневековой истории Средней Азии и Казахстана XV-XVI вв. были ознаменованы событиями исключительной важности, во многом определившими политическую обстановку в крае на несколько столетий.

В 1428 г. в Восточном Дашт-и Кыпчаке возникло политическое объединение тюркоязычных племен под главенством Абулхаира – потомка Шыбана (Шейбана), сына Джочи-хана. Родоплеменные группы, составившие государство Абулхаира, получили собирательное имя «узбеков» (узбекиан), а само ханство Абулхаира – наименование Государство кочевых узбеков. В этническом составе ханства были наиболее крупные племена, позднее вошедшие в казахский, узбекский, киргизский, каракалпакский народы.

Так, в персоязычных сочинениях Масуда Кухистани и Махмуда ибн Вали среди племен, вошедших в состав улуса Абулхаира, называются: кунграты (коныраты), ушуны (уйсун), найманы, карлуки, ктай, уйгуры, мангыты, барак, кыатов... (МИКХ 1969: 143-144, 146, 149) несомненно, в это число входили также кыпчаки, маджары, уйраты (Ахмедов В.А. 1965: 16), вероятно, аргуны. Несколько позднее, в начале XVI в., по данным Фазлаллаха Рузбехана, к «узбекам» относились три племени (народы): шайбанийан (племена, входившие в состав ханства Шейбани-хана), казахи и мангыты (Ахмедов В.А. 1965: 16; Ибрагимов С.К. 1960: 153).

Ханство Абулхаира, как и многие кочевые империи, было непрочным государственным образованием. Но, тем не менее, политическое объединение разнородных племен в состав такого государства положило начало процессу сложения их в единую народность. Исторические

события свидетельствуют, что старт этносоциального прогресса не получил завершения в Государстве кочевых узбеков, однако, достоверно также, что начавшийся процесс не затух бесследно, а получил свое дальнейшее продолжение и усиленное развитие в иных политических государственных объединениях и в далекой исторической перспективе привел к образованию казахской и узбекской народностей.

Таким образом, исторически сложилось, что первая попытка консолидации разрозненных племен в народности происходит в Восточном Дашт-и Кыпчаке, ставшем позднее основной этнической территорией казахов. Поэтому можно считать в значительной степени обоснованным предлагаемый нами вывод о том, что началом сложения государственности у казахов и узбеков является улус Абулхаир-хана, в рамках которого началось сложение этих народов. Именно в этом значение ханства для позднесредневековой истории Казахстана и Средней Азии.

Государство кочевых узбеков, возникшее на руинах Золотой Орды в 1428 г., просуществовав немногим более 30 лет, распалось на два самостоятельных кочевых государства – узбекское и казахское.

Раскол в улусе Абулхаира, который привел к отделению и откочевке части населения под главенством Жаныбека и Керей в западные пределы Могулистана, в долину реки Чу и в местность Козы-Басы, произошел в 1456 или 1458 гг. В исторической литературе утвердилось мнение: считать это событие началом возникновения Казахского ханства. Существуют и другие точки зрения оценки отложения султанов Жаныбека и Керей. Предполагается, что уход их был лишь эпизодом в истории узбеков-казахов, и откочевка Жаныбека и Керей сыграла существенную роль в политической жизни племен, населявших улус кочевых узбеков (Семенов А.А. 1954: 36; Ибрагимов С.К. 1960), или было «важным звеном» в истории государствообразования (Пищулина К.А. 1977: 250-251).

Перспективную оценку предложил другой исследователь истории Казахского ханства, метко определив последствия данного события, как «стратегическое отступление» (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 1992.: 234). Несмотря на то, что на начальной стадии существования улуса Жаныбека и Керей в нем было значительно меньше населения, чем в улусе Абулхаира, он вел активную политику с соседним Могулистаном и Узбекским ханством, установив союзнические отношения с могульским ханом Есен-Бугой. Не так уж слаб был казахский улус, если могульский владыка доверил ему охрану западных границ своей территории от набегов калмыков и кочевых узбеков. Сообщение Махмуда ибн Вали

о том, что казахи Жаныбека и Керей сражались с калмыками на окраине Могулистана, подтверждает цель Есен-Буги противопоставить силу казахов набегам калмыков. Более того, как можно судить по сведениям средневековых авторов, жизнеспособность и мощь улуса крепла и увеличивалась из года в год за счет притока населения из узбекского улуса, особенно после смерти Абулхаира в 1468 г. В этот год, как свидетельствует Мухаммад Хайдар, к Жаныбек-хану и Керей-хану ушло большое количество семей, и численность населения Казахского ханства составила двести тысяч человек (МИКХ 1969: 195).

Жаныбек и Керей, усилившись за счет пришедшего к ним людского поколения, использовали начавшуюся после смерти Абулхаир-хана междоусобицу для своего утверждения в Дашт-и Кыпчаке и захватили власть в узбекском улусе. Вероятно, это событие произошло в 1468-1469 гг., с этого времени и до 1533-1534 гг., говорит Мухаммад Хайдар, «казахи всецело владычествовали в большей части Узбекистана» (МИКХ 1969: 195; Иванов П.П. 1958: 39-40), т.е. в Дашт-и Кыпчаке.

Таким образом, в самом конце 60-х гг. XV столетия на территории Восточного Дашт-и Кыпчака в результате захвата власти в государстве «кочевых узбеков» образовалось самостоятельное государство, управляемое ханами из династии Орда-Ичена, из дома Жаныбека-Керея.

Завоевание другой династией чингизидов узбекского улуса, вероятно, не привело к сколько-нибудь существенным изменениям в государстве «кочевых узбеков»: казахи Жаныбека и Керея ни по этническому составу, ни по социально-бытовым признакам не отличались от узбеков, которые еще оставались на территории бывшего государства.

Однако значение этого события было в другом. Оно привело к коренным политическим изменениям: к переименованию Государства кочевых узбеков, гибели исключительного преобладания термина «узбек» в Восточном Дашт-и Кыпчаке.

Теперь Дашт-и Кыпчакские племена стали разделять на «узбеков» и «узбек-казахов» или просто «казахов». В дальнейшем, с укреплением политического положения Казахского ханства, постепенно расширяется на северо-запад территория, занимаемая казахами. К началу XVI в. она уже охватила значительную часть современного Казахстана, соответственно на всю эту территорию распространился термин «казах».

Хотя еще в начале XVI в. некоторые позднесредневековые авторы продолжают утверждать, что «казахи – часть узбеков», но в дальнейшем развитие и исторические судьбы казахов и узбеков складываются по-разному.

Кочевые узбеки, объединенные в новое политическое образование при Шейбани-хане, внуке Абулхаира, в начале XVI в. захватывают Мавераннахр и делают его центром ханства, а за казахами сохраняется Восточный Дашт-и Кыпчак.

Господство Казахского ханства в бывшем Узбекистане ознаменовало появление на международной арене молодого, но сильного нового государства. С этого времени соседние племена и страны (могулы, узбеки-шейбаниды, ногайцы, калмыки) вынуждены были считаться с растущей мощью казахского государства. В бурной истории казахского государства были не только взлеты роста могущества и внешнеполитического авторитета, но и периоды социально-экономического упадка и военных поражений.

Во взаимоотношениях Казахского и Узбекского улусов определяющим направлением была борьба за господство в Кыпчакских степях и в городских центрах Туркестана.¹ Особенно упорной и ожесточенной была борьба за присырдарьинские города Сыгнак, Сауран, Ясы, Отрар, Аркук, а также Сузак и Сайран. Многовековая борьба за обладание ими проходила с переменным успехом. Вероятно, соперники отчетливо понимали жизненную важность городов: казахские ханы для дальнейшего политического и экономического упрочнения молодого государства, а узбекские – стремились воспрепятствовать усилению могущества казахов. Каждая сторона для достижения своей цели использовала как жесткие военные акции, так и политическое и экономическое сотрудничество.

Кровопрлитные войны за туркестанские города были основным содержанием взаимоотношений казахского и узбекского ханств, они определяли сущность политического курса соперничающих государств. Но войны были не единственным средством достижения цели. Рузбехан приводит пример, когда Мухаммад Шейбани-хан в 80-90-х гг. XV в. пытался осуществить экономическую блокаду Казахского ханства, запретив торговать с казахскими купцами в туркестанских городах; он официально разрешил грабить караваны с казахскими товарами (Семенов А.А. 1954: 37; Пищулина К.А. 1969: 42). Однако эти «мирные» акции Шейбани не имели успеха. Ни военными, ни «мирными» способами нельзя было остановить упорство казахов при захвате и владении присырдарьинскими городами. Несколько опережая события, напомним историческую действительность, заключавшуюся в том, что все туркестанские города, включая Ташкент, остались в составе Казахского ханства.

1 Средневековые авторы Туркестаном называли страну, занимавшую Южное Приаралье и среднее течение Сыр-Дарьи.

А перипетии борьбы, начиная с захвата власти в узбекском улусе Шейбани-ханом и кончая взятием Ташкента и Самарканда казахским Тавеккель-ханом (в 1598 г.), складывались сложно и затянулись на многие годы.

Борьба принимала характер социально-экономического и жесткого военно-политического соперничества как в Дашт-и Кыпчаке, так и в Туркестанском оазисе двух ханств.

Дальнейшая особенно активная борьба Казахского ханства за туркестанские города развернулась в первой половине XVI в. при Касым-хане, с именем которого связан рост авторитета и могущества ханства. Письменные источники сообщают, что численность подвластного ему населения превышала один миллион человек (МИКХ 1969: 223).

Удача сопутствовала Казахскому ханству в этой борьбе. Победам Касым-хана способствовали не только его недюжинные личные качества, но и во многом гибель под Мервом Мухаммед Шейбани-хана в 1510 г., а также поражение узбеков и подчинение их тимуридам. В 1513 г. могулы добровольно передали Сайран Касым-хану. Этой же весной Касым-хан делает неудачную попытку захватить Ташкент.

Судя по источникам, борьба за туркестанские города не затихала весь период правления Касым-хана. При этом основная борьба происходила вокруг Ташкента и Туркестана. Правителю Ташкента Суйун Ходжа-хану не раз приходилось сражаться с казахами. По сообщению Васифи, против казахов, чтобы воспрепятствовать их продвижению, был предпринят совместный поход шейбанидских султанов во главе с Кучум-ханом, который состоялся, как можно предполагать, зимой 1516-1517 гг.

Этот объединенный поход узбекских султанов в кыпчакские степи особых результатов не принес, казахи продолжали настойчиво рваться к крупным городам Сыр-Дарьи, находящимся вне их подчинения. Смерть Касым-хана в 1518 г. прервала его военно-политические устремления.

Политическая обстановка, сложившаяся в Средней Азии после смерти Шейбани, благоприятно отразилась на положении Казахского ханства. Казахские владельцы окончательно утвердили за собой господство над обширными территориями Дашт-и Кыпчака и Туркестана. Укрепление и подъем политического авторитета ханства при Касыме привело его к включению в орбиту международной политики. Первым из соседних государств, вступивших в дипломатические связи с Казахским ханством, было Московское государство во главе с Великим князем Василием III (1505-1533 гг.).

Таким образом, в последней трети XV в. и особенно в начале XVI в. при Касым-хане в составе Казахского ханства были впервые объединены почти все племена и роды, составившие казахскую народность, и воссоединена территория, на которой они обитали. Этот факт исключительно важен в аспекте исторической тенденции и перспективы, хотя и является достоверным то, что это объединение было непрочным и путь к полному завершению еще труден.

Усилие первых казахских ханов по созданию самостоятельного политического объединения, последующему быстрому его укреплению и включению в него территории Семиречья, Восточного Дашт-и Кыпчака и Туркестана, было облегчено тем, что на этих территориях проживали родственные по языку и культуре этнические группы – казахские родо-племенные подразделения, которые активно поддерживали объединительную борьбу правителей государства.

Казахское государство после смерти Касым-хана пережило почти сорокалетний период (с 1523 по 1557-1558 гг.) социально-экономического упадка и внешнеполитического поражения: намного сокращается территория и население ханства. Если у Касым-хана было, как уже упоминалось, до одного миллиона подданных, то после его смерти, уже к 1524 г. в Казахском ханстве насчитывалось лишь до 400 тысяч населения, а в начале 30-х гг. XVI в. даже до 30 тысяч человек (Вяткин М.П. 1941: 88-89). А к середине этого столетия казахи из ранее завоеванных туркестанских городов сохранили за собой Сузак и Сыгнак, временами под их власть переходил Отрар (Пищулина К.А. 1969: 14-22).

Сведения письменных источников о состоянии ханства при преемниках Касыма весьма противоречивы: если Мухаммад Хайдар говорит, что в 1533-1534 гг. казахи «совершенно исчезли», то московский посол Данила Губин сообщает в 1536 г. противоположное мнение, что казахи «добре сильны». Мнение могулистанского историка Мухаммада Хайдара не соответствует действительности. Прав М.П. Вяткин, объяснявший столь противоречивые сведения перемещением в эти годы центра казахских владений в район Западного Казахстана (Вяткин М.П. 1941: 90).

Новый подъем казахского общества и завершающий этап борьбы за присырдарьинские города происходил во второй половине XVI в., и эти события письменные источники связывают с именами ханов Хакназара (убит в 1580 г.) и Тавеккеля (1582-1598 гг.).

Первый из них проводил активную внешнюю политику и военные действия за расширение территории ханства, за земли, завоеванные когда-то его отцом, и за города Туркестана. Для достижения этих целей

казахи под предводительством Хакназара начинают многолетнюю борьбу с Могулистаном, Ногайской Ордой, Сибирским ханством и владельцем Ташкента, вступают в сношения с Московской Русью, обоюдно стремясь к установлению политических и торговых связей (Абусейтова М.Х. 1985). К 1574 г., как полагает М.П. Вяткин, западные границы Казахского ханства вплотную придвинулись к границам Руси.

Взаимоотношения казахов с бухарским ханом и владельцем Ташкента складывались успешно. Эти правители, учитывая возросшую силу Казахского ханства, делая уступки Хакназару, наперебой старались склонить его на свою сторону. За союз и верность бухарский Абдулла передает казахскому хану четыре присырдарьинских города, а ташкентский Баба-султан в 1579 г. вынужден был купить мир с казахами уступкой им Яссы и Саурана (Пищулина К.А. 1969: 18; Вяткин М.П. 1941: 83).

Многолетняя борьба казахов за присырдарьинские города успешно заканчивается лишь при Тавеккель-хане. В 1598 г. в состав территорий Казахского ханства были окончательно включены Ташкент и все города Туркестана, в том числе Отрар. В последующие столетия (XVII-XVIII вв.) города Туркестан (Яссы), Отрар, Сузак продолжали оставаться основными политическими и экономическими центрами Казахского государства (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. 1972: 117-122; Агеева Е.И., Пацевич Г.И. 1958: 149; Пищулина К.А. 1969: 22). Некоторые из них (Туркестан, Сузак, Икан, Аккурган) доживают до присоединения Казахстана к России. Таким образом, весь путь многовековой истории Казахского ханства со дня его образования, становления и упрочнения свидетельствует о том, что на трудном перевале истории в казахском государстве у народа пробуждались силы, способные поднять общество на новую ступень прогресса, находились мудрые государственные деятели и храбрые военачальники способные возглавить народ, вернуть и приумножить его былую славу. Историческими этапами упрочнения и усиления казахского ханства были периоды, когда во главе народно-го ополчения стояли Касым-хан (ум. в 1518 или 1523 гг. в г. Сарайчике), сын Аз-Джаныбека; Хакназар-хан (убит в 1580 г.), сын Касыма; Тауке (Тавеккель)-хан (1582-1598 гг.), сын Жигея; Тауке-хан (1680-1718 гг.), сын Салкам-Джангира.

Феноменом истории является факт сохранения казахскими племенами целостности своей огромной страны, как современный Казахстан – своей этнической территории, простирающейся от Эдиля до сибирской тайги, от границ тундры до Тянь-Шаня. Веками претендовали на нее иноземные владетели: гуннские шаньюи и каракитайские гурханы,

арабские халифы и монгольские ханы, ханьские императоры и джунгарские хунтайджи, бухарские эмиры и кокандские ханы. Но казахский народ через все невзгоды пронес свое этническое имя, сумел сохранить свою этническую территорию и самобытную культуру.

Последствиями таких исторических событий был дан старт процессу образования казахского народа и его государственности. Но уже тогда, в далекие от нашей современности годы XV-XVI вв. даже основатели его не представляли весь сложный тернистый путь продолжительностью в десятки столетий, который необходимо будет пройти и Узбекскому и Казахскому ханствам, ведущим свое происхождение от ханства Абулхаира, чтобы определить свои этнические территории, стабилизировать свой политический строй, консолидировать родоплеменное общество в единый народ. С позиции сегодняшнего дня, оценивая те события, обоснованные объективной необходимостью, убеждаешься в перспективности исторического выбора.

В дальнейшем изложении истории образования казахской государственности будет обращено внимание на наиболее яркие и конструктивные события, определившие конечный результат процесса, его ускорение или замедленность во многом зависели от интеллектуальных и волевых качеств исторических личностей: ханов, султанов, батыров, биев. Изложение фактов будет выборочным, т.е. только тех, которые непосредственно относятся к теме, опуская многие события политической жизни и истории взаимоотношения казахов с соседними странами и государствами. Такая позиция объясняется тем, что имеется значительное количество монографий (Зиманов С.З. 1958; Он же. 1960; Аполлонова Н.Г. 1988; Пищулина К.А. 1977; Толыбеков С.Е. 1959), где на базе арабо-, персо- и тюркоязычных источников исследуется политическая история со многими большими и малыми событиями, многочисленными важными и второстепенными фактами. Возможность использования их несомненна, но очевидно и то, что в них среди моря фактов и действующих лиц, преданий и генеалогий теряются данные, относящиеся непосредственно к нашей конкретной теме – казахской государственности. Кроме того, на многие из этих работ выше делались ссылки, так же, как и на фундаментальные сборники переводов нарративных источников по истории Казахского ханства, поэтому интересующимся могут быть рекомендованы указанные издания.

Таким образом, в данной работе будут изложены важнейшие события, произошедшие в годы правления наиболее выдающихся исторических личностей, составившие победные вехи, с гордостью хранимые

народом в неписаной устной истории, в шежире. Я склонен назвать узел этих исторических событий героической эпохой в истории казахского народа. В мировой истории немало фактов, свидетельствующих о героическом периоде в истории народов в борьбе за независимость, классический пример – героическая эпоха в истории Древней Греции.

Позднее средневековье для всего казахского народа и воинского ополчения было временем отваги, подвигов и героизма, в военном отношении это было временем «воюющих ханств», где поражения чередовались с великими победами, приведшими к образованию единого государства.

Хотя начало казахской государственности, по нашему убеждению, принято вести с Государства кочевых узбеков, но героическая эпоха начинается с 1456 года, с года разделения этого государства на два самостоятельных ханства в связи с уходом части узбекских племен во главе с Жаныбеком и Кереем на территорию северо-западного Жетысу, в пределы от северных склонов Каратау и Южной Бетпак-Далы, от низовьев Сарысу до урочища Мамаштын Сары-Булагы.² Территория была ограничена, но, тем не менее, ханство объединило племена, покинувшие Абулхаира и местные тюркоязычные родовые группы, населявшие северо-западную границу Могулистана. Военно-политическое положение молодого государства было сложным и напряженным, оно находилось в окружении сильных ханств потомков Темирленга, Абул-хаира, могулистанского Иса-Буги.

Жаныбек-хан, чтобы выиграть время, необходимое для упрочнения государства, выбрал единственно верное решение: принял почти вассалитетное отношение с Могулистаном, обязывающее охрану его границы. Мудрость подобной политики несомненна, уже через четыре года (1460 г.) население ханства составляло 200 тысяч человек, государство стабилизировалось и сохранило свою независимость. За мудрую и твердую политику, его историческую заслугу перед государством народ назвал его «Аз-Жаныбек», что значит «Святой Жаныбек», «Благословенный Жаныбек» (рис.44). После его смерти (ок. 1480 г.) положение государства стало неустойчивым, были годы падений и взлетов, военно-политическая ситуация, сложившаяся после завоевания узбеками Мавераннахра и ухода значительной части их в междуречье

2 Мамаштын Сары-булагы находится в 50-60 км на запад от ст. Мойынты. Большая впадина, орошенная родниками, в ней сосредоточено большое количество домов-строений из сырца, мазаров и других культовых строений. Это зимовка и ставка Мамаш-хана, старшего сына Касым-хана.

Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, оставшиеся даштские племена присоединились к Казахскому ханству, в итоге значительно расширилась территория казахского преобладания, усилил ханство также приток из Ногайского улуса. К концу XV в. территория государства простиралась от реки Жайыка (Яика) до озера Балхаш. Дальнейшее упрочнение ханства и расширение его территории произошло при Касым-хане, сыне Аз-Жаныбека, пришедшего к власти в 1511 г.

Касым-хан был избран ханом большинством казахских и ногайских султанов, они признали в нем умного политического деятеля, незаурядного, предприимчивого дипломата, храброго батыра, выдающегося военачальника. В народе его сравнивали по таланту и смелости с легендарным Джочи-ханом.

Во главу своего политического кредо Касым-хан ставил: расширение территорий, обеспечение целостности и независимости государства. За время правления (1511-1523 гг.) Касым-хану удалось достичь крупных военно-политических успехов. Еще в 1510 г. Касым-султану, командовавшему казахскими войсками, удалось одержать победу над узбекским Шейбани-ханом в битве в окрестностях Улы-тау, что окончательно укрепило власть Казахского ханства в Восточном Дашт-и Кыпчаке. Через три года, воспользовавшись ослаблением Узбекского ханства после смерти Шейбани-хана, Касым-хан захватил крупный город Сайран и неудачно пытался захватить Ташкент (МИКХ 1969: 132, 222-223). Несмотря на противодействие Шейбани-хана, была установлена оживленная торговля между населением Узбекского и Казахского ханств в городе Сауране.

Касым-хан традиционно продолжал политику своего отца, политику союза между Могулистаном на юго-востоке и Ногайским ханством на западе. Казахское ханство при нем впервые выйдет на международную арену, установив дипломатическую связь с Василием III, Великим князем Московской Руси, имя государства казахов становится известным в Западной Европе (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 1992: 275).

Государство Касым-хана к году его смерти охватывало огромную территорию: на северо-западе до реки Жайык (Яик), на юго-востоке до Чингиз-тау, включало почти все Жетысу, на севере от реки Тобол до города Сайрама на юге; т.е. большую часть территории Казахстана. Население достигло численности почти миллиона человек (МИКХ 1969: 222-223). Казахские народные предания повествуют о законодательной деятельности Касым-хана, к сожалению, о них ничего нельзя сказать конкретно. Народ высоко оценил внутреннюю и внешнюю политику Касым-хана, его выдающиеся заслуги в умножении населения и сохра-

нении и упрочнении государства, назвав время его правления «Касым-ханын каска жолы», что значит «Широкая, прямая дорога Касым-хана».

Народные предания подтверждают историки-летописцы, современники хана Касыма, характеризуя его как выдающуюся личность, талантливого военачальника (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 1992: 275).

Преемником Касыма на ханском престоле, правда, не надолго, стал его старший сын Мамаш, которого мы уже вспоминали выше. Он погиб в сражении в 1522 г.

После смерти Касым-хана началась полоса неудач и упадка, продолжавшаяся почти 15 лет при его преемниках. Недальновидная внешняя политика, потеря союзников, жестокость по отношению к подвластному населению, распри с племенными султанами привели к сокращению территорий, уменьшению населения и военным потерям.

Положение резко изменилось во время правления *Хак-Назара* (второго сына Касым-хана), воспитывавшегося и обучавшегося военному искусству у батыров Ногайского ханства. Близость *Хак-Назара* (по некоторым источникам *Ак-Назара*) с ногайскими мурзами в дальнейшем имело определяющее значение для установления тесных союзнических отношений между двумя ханствами. Более того, после раскола в Ногайском улусе, в 1557 г. большая часть ногайцев во главе с Юсуф-мурзой перешла к *Хак-Назару*, что мощно усилило Казахское ханство, вернув ему былой политический и военный авторитет в международных отношениях.

Хак-Назар по стародавнему казахскому обычаю был поднят на белой кошке и провозглашен ханом. В каком году произошло это историческое событие, источники не сообщают, но ряд исследователей полагают, что после 1537-1538 гг (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 1992: 290; Тынышпаев М. 1991: 96). Правление *Хак-Назар-хана* продолжалось более 30 лет (с 1548 по 1580 гг.) (Абусейтова М.Х. 1985: 49, 58; Тынышпаев М. 1991: 69).

В столь длительный период правления *Хак-Назара* в жизни казахского народа были годы подъема и упадка, но в целом, по сведениям источников, это было время дальнейшей стабилизации и усиления государства, возвышения его международного авторитета. Территория ханства охватывала почти весь Восточный Дашт-и Кыпчак, среднее течение Сыр-Дарьи, а с 1560 г., когда *Хак-Назар* разбил войско могульского хана, казахи занимали часть земель Могулистана, однако недолго (Тынышпаев М. 1991: 50). В 1558-1559 гг. путешествовавший по Средней Азии английский купец *Дженкинсон* сообщал о казахах как о многочис-

ленном и сильном народе (Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. 1937: 135). Исторические факты свидетельствуют о правдивости этих сообщений. Казахское ханство представляло собой большую военно-политическую силу: его не без основания боялись в Ногайском улусе, по этой же причине сибирский хан Кучум пытался на-строить против Хак-Назара московского царя и Великого князя Ивана Грозного, донося ему, что если в Сибири одержит победу и сядет на престол казахский хан, то он не будет платить дань Москве. «Клятвенный союз» подписал с Хак-Назаром бухарский хан Абдаллах II, более прочные, чем раньше, торговые и политические отношения были установлены с Россией, что явилось несомненным дипломатическим успехом хана – не без основания Хак-Назар гордился, что он «с Великим князем и царем в миру» (Абусейтова М.Х. 1985: 54). В таком союзнике нуждалась и Москва, она искала союзника в лице казахского хана, для борьбы с ханом Кучумом и завоевания Сибири. Кроме того, в своем устремлении к Средней Азии она неизбежно сталкивалась с казахами.

Хак-Назар погиб в 1580 г. в битве с войсками ташкентского владельца Баба-султана, обманным путем завлекшего казахов для переговоров, а затем истребившего хана и его двух сыновей и многих султанов.

Народные казахские, башкирские и ногайские предания окружили Хак-Назара особой славой как мудрого правителя государства и энергичного политического деятеля.

Унаследовавший власть в Казахском ханстве восьмидесятилетний султан Шыгай (Сыгай) правил лишь два года, и то, поставив себя под покровительство бухарского хана Абдаллаха II. При нем всеми военными действиями руководил его старший сын Тавеккель (Тауекель). В 1582 г. он разбил войска Баба-султана и голову его представил своему союзнику Абдаллаху. Так через два года Тавеккель-хан отомстил за гибель своего дяди Хак-Назара.

Тавеккель стал ханом Казахского ханства лишь в 1586 г. К этому времени взаимоотношения между ним и Абдаллахом резко изменились, вместо союзников они стали непримиримыми врагами. Казахский хан своей стратегической целью ставил овладение присырдарьинскими городами, включая Ташкент.

Первую неудачную попытку овладеть Ташкентом Тавеккель предпринял в 1586 г., хотя он и разбил ташкентское ополчение, но не смог взять город и был вынужден уйти в степь. Следующую попытку, но тоже неудачную, он предпринял в 1588 г. Неудачи заставили его искать союзника в лице московского царя Федора Ивановича, но они по ряду при-

чин закончились неудачей, и Тавеккелю пришлось самому решать свои проблемы.

Воспользовавшись обстановкой острого политического кризиса в государстве Абдаллаха в связи с противоборством с собственным сыном, Тавеккель предпринял в 1598 г. большую военную акцию с многочисленными войсками против Ташкента. Момент был выбран удачный, поэтому и результаты оказались более чем успешные. В результате одержанных побед ему удалось захватить Ташкент, Туркестан и Самарканд, правителем последнего он назначил своего брата Есима (Ишима) – будущего казахского хана, а сам он с большой армией пытался неудачно захватить Бухару, но был ранен и умер в Самарканде. Его преемник Есим-хан предпринял мудрый шаг: оставил за собой Туркестан и Ташкент и уступкой Самарканда заключил мир с Бухарским ханством.

Есим-хан (1598-1628 гг.) свое почти тридцатилетнее правление (История Казахской ССР. 1979: 286; Тынышпаев М. 1991: 87-88) провел в бесконечной и жестокой борьбе за восстановление былого величия Казахского ханства при Хак-Назаре и объединения всех казахских родов. Неоднократные попытки бухарского хана Имам-кули овладеть Ташкентом (в 1611, 1613, 1621 гг.) каждый раз отражались казахским ополчением во главе с Есим-ханом и в конце концов заставили его отказаться от намерения захватить город. Активную внешнюю политику проводил Есим-хан в Могулистане, поддерживая в нем смуту и междоусобицу, что давало ему возможность влиять на судьбу казахских родов, находившихся под властью могульских ханов. Упорное сопротивление оказывал он джунгарскому нашествию на юго-восточные регионы казахских земель. Есим-хану удалось, правда, не надолго, объединить все владения Хак-Назара. Существуют казахские предания о законодательстве, изменениях в обычном праве, введенных Есим-ханом. В памяти народа он сохранился как человек большой отваги, смелости и храбрости, за что был назван «есенгейболы ер Есим», а время его правления «Есим-ханнын ески жолы» - «проторенная, испытанная дорога Есим-хана» (Тынышпаев М. 1991: 88).

После смерти Есима, вероятно, время с 1628 по 1643 гг. было периодом раздробленности, междоусобиц и ослабления Казахского ханства, по крайней мере, ни источники, ни предания не сохранили исторические события и имена ханов, относящиеся к этому промежутку времени. Значительно лучше отражены в них фактические сведения, относящиеся к 1643 г. и связанные с именем Жангир-султана, сына Есим-хана, с этого же года ставшего казахским ханом.

Жангир-хан (1643-1652 гг.). Время его ханствования стало одной из ярких страниц в героической борьбе казахского народа за независимость и целостность этнической территории. Эта борьба связана с событиями, произошедшими на восточной границе ханства, в непосредственной близости от исконных земель Жетысу. В 1635 г. ойратские племена, обитавшие в западной Монголии, под главенством племени чорос, обитавшего в верховьях реки Или, образовали джунгарское государство (Златкин И.Я. 1964). Хотя нападения ойратов на земли казахов имели место еще в XV в., но с момента образования ойратской государственности началась ожесточенная борьба, война за взаимное уничтожение Казахского ханства против джунгарского нашествия, продолжавшаяся более ста лет, вплоть до середины XVIII в. Перед лицом грозной опасности Жангир-хан проявил незаурядный ум и талант политического деятеля, добившись мира с Бухарским ханством и заключив с ним союз о совместной борьбе против джунгарского нашествия.

Массовое нашествие ойратов в Жетысу произошло в 1643 г. и продолжалось до лета 1644 г. Зимой этого года джунгарский правитель Батур-хунтайша во главе пятидесятитысячного войска (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 1992: 310) вторгся в пределы Жетысу. Так как вторжение произошло зимой, все семейные и родовые подразделения находились на отдаленных зимовках, Жангир-султан сумел собрать лишь шестьсот воинов и батыров. Противостояние, конечно, было неравноценное: против пятидесятитысячного войска – всего шестьсот, но Жангир-хан проявил незаурядные полководческие способности, он перегородил высокогорное ущелье глубоким рвом и высоким валом на пути продвижения ойратов, а сам с частью воинов зашел в тыл противника и внезапно атаковал их, джунгары потерпели поражение, потеряли до десяти тысяч человек и отступили на исходные позиции. В это время подросло союзническое войско во главе с самаркандским правителем Жалантос-батыром в количестве 20 000 человек и джунгары отступили (Тынышпаев М. 1991: 87), потерпев поражение. Батур-хунтайше потребовалось почти десять лет, чтобы подготовиться к очередному походу против казахов, он состоялся в 1652 г. В этом же году в ожесточенной битве от руки 17-летнего Галдана-Бошакту, будущего преемника Батура-хунтайши, погиб Жангир-хан (Златкин И.Я. 1964: 201). В преданиях казахов овеянное легендами имя Жангира сохранилось как Салкам Жангир – Внушительный Жангир, неустрашимый (Златкин И.Я. 1964: 201).

После гибели Жангира ханом Казахского ханства стал его сын *Тауке-хан* (1680-1718 гг.). Все годы его правления прошли в ожесточенной борь-

бе с джунгарами. В 1681-1684 гг. джунгары покорили все Семиречье и Южный Казахстан. Последним после опустошительного нашествия калмыков был покорен город Сайрам. Перед лицом ойратского нашествия Тауке-хан проявил мудрость и пытался заключить союз с Бухарой, чтобы противодействовать джунгарскому нашествию. Только во второй половине своего правления, в конце XVII в. Тауке-хану удалось соединить воедино все казахские земли, чему, несомненно, способствовала угроза джунгарского нашествия. Военно-политическое объединение казахов в это время было настолько прочным, что когда в 1710-1711 гг. ойраты предприняли поход против Казахского ханства, Тауке-хан оказал им сокрушительный отпор, более того, казахи в 1711-1712 гг. вторглись в пределы Джунгарского государства, нанесли большой урон, взяли много пленных. В следующий год джунгары предприняли ответное нашествие на земли казахов, но снова потерпели поражение и в последующие годы терпели большие бедствия.

Непростые отношения складывались между Казахским ханством и Русским государством. Завоевание Россией Западной Сибири приблизило русские владения к границам казахской этнической территории, что привело к осложнениям в казахско-русских отношениях, вплоть до нападения казахов в 1680-1682 гг. на русские поселения. Дальновидная политика Петра Великого, считавшего Казахстан «воротами» для выхода в Центральную Азию и Индию, приостановила ожесточение событий. Петр I послал к Тауке-хану посольство для установления мирных отношений. Но союзнические взаимоотношения начали устанавливаться, правда, ненадолго, лишь в 1715 г. в связи с обращением казахов к России о помощи в борьбе с калмыками. Петр I быстро отреагировал на обращение казахов и отдал распоряжение Сибирскому губернатору оказать помощь Тауке-хану, но смерть последнего в 1718 г. прервала союзнические взаимоотношения. Хотя и позднее были попытки Петра склонить казахов к подданству.

Велики заслуги Тауке-хана в реформировании обычного права казахов, в возведении в ранг законов жизненно важных вопросов общественной и политической жизни народа. Несомненно также, что законы были призваны усилить государственную власть, подчинить суд биев интересам государства, определить права и обязанности различных слоев населения в управлении государством, закрепить кочевья между родами, узаконить семейную собственность путем установления семейной тамги на скот и т.п. Совместно с народными мудрецами, прославленными биями Толе бием, Казыбек бием, Айтеке бием Тауке-хан составил

свод законов «Жеты-жаргы». Несомненно, законы Тауке, при всем их несовершенстве, были введены для упрочнения государственной власти. Вместе с тем законы сохраняли демократический принцип решения межплеменных и государственных проблем. Был сохранен древний орган – совет аксакалов (старейшин), биев и знати.

С начала XVIII в. такие советы становятся постоянными органами аппарата управления и стабилизации государственной власти. Вместе с тем авторитарная власть хана была ограничена, он не мог принимать решения без согласия совета старейшин. В то же время законы Тауке-хана защищали права знати и под прикрытием родоплеменных интересов ханскую власть. Законы Тауке-хана защищали права на скот – основное мерило богатства кочевника-скотовода, был узаконен «барымта», возврат украденного скота в размере «уш тогыз». Несомненно, Тауке-хан в памяти народа остался великим предком-аруахом. Время его правления с гордостью называли «Культобенин басында кунде кенес», или, означая довольствие и спокойствие народа – «Кой устенде бозторгай жумырткалаган». Во всей многовековой истории казахов Тауке-хан был вторым историческим деятелем, которого народ назвал Аз-Тауке, т.е. Благословенный Тауке (Тынышпаев М. 1991: 89).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общественный строй кочевых и полукочевых племен и народностей Евразии до сих пор остается малоизученным. В дореволюционной историографии при разработке или постановке отдельных аспектов проблемы кочевого общества имела тенденция исходить из традиционной, как уже становится ныне ясным, неправильной априорной точки зрения о низком уровне развитости социально-экономической и культурной жизни кочевников. В основе формирования такой гипотезы в исторической науке лежит ряд причин.

Одна из них – элементарное незнание истории и культуры кочевников, неизученность или слабая изученность историко-культурных проблем кочевого общества. В целом уровень незнания соответствовал общему слабому развитию исторической науки вообще и истории кочевников в частности. Азия долго оставалась, в определенной степени и в настоящее время остается, далекой и таинственной.

Во-вторых, при попытке исследования истории и культуры древних кочевых обществ непременно исходили из сопоставления далекого прошлого со вчерашней действительностью, имевшей место у кочевых и полукочевых племен Евразии в эпоху позднего феодализма и капитализма. Такая ретроспектива в социологических реконструкциях приводила к занижению уровня развитости древних кочевых обществ, к неверному представлению об их культуре.

У поздних кочевников (казахи, киргизы, туркмены и др.) в XVII-XIX веках некоторые стороны общественной и культурной жизни и военной организации по уровню развития вполне могут быть сравнимы даже с ранними кочевниками Евразии. Причина падения этих поздних кочев-

ников – военная и экономическая экспансия, агрессия извне и жестокая внутренняя междоусобная борьба, продолжавшиеся почти 700 лет (XIII-XIX вв.), начиная с нашествия орд Чингисхана. Многовековые внутренние и внешние акции привели к полному нарушению и уничтожению сложившихся веками жизненных коммуникаций кочевников. Эта политика по отношению к кочевникам означала захват лучших плодородных пастбищ и водных источников, лишение традиционных путей перекочевов и торговых дорог, нарушение жизненно необходимых контактов и связей с сельскохозяйственными центрами и с городами, физическое истребление производительных сил.

В результате политических и экономических акций произошло резкое уменьшение поголовья скота – основного источника процветания. Пришло в упадок земледелие – второй источник жизнеобеспечения, что неизбежно привело к катастрофическим последствиям – к обнищанию населения и упадку культуры. В XVIII-XIX вв. европейские ученые, путешественники и миссионеры застают кочевые общества на грани гибели, а от былой своеобразно яркой и пышной культуры – лишь реликты.

В-третьих, первыми исследователями кочевого общества и кочевой культуры были европейские ученые XVIII-XIX вв. Они были пионерами в этой области, вклад их в изучение историко-культурных проблем номадизма огромен. Однако методологическая направленность трудов этих ученых, основанная на поисках заранее смоделированных социально-экономических явлений, по образцам классических форм общественных организаций и культурных достижений Египта, Греции, Рима, Ирана, приводила к ошибочным выводам и заключениям.

Если какие-то стороны истории номадов не укладывались в привычные представления классики, то отмечались отсутствие развитой социальной структуры и примитивность культуры и искусства. Своеобразные формы общественной организации и государственно-го строя, материальной и духовной культуры, сложившиеся в результате многовекового развития, возникшие в особой среде и определенной обстановке и приспособленные к своему образу жизни и быту, к своим традициям, вкусам и природным качествам и духовным запросам, считались низшими и варварскими, не отвечающими понятиям высшей организации и высокой культуры.

Такое общее тенденциозное мнение имело место в мировой исторической науке до недавнего прошлого, оно было закономерно и неизбежно при отсутствии исторических фактов и археологических данных по истории и культуре кочевых народов.

Интенсивное развитие исторической науки в советскую эпоху, новые находки и накопление фактов приводят к коренному пересмотру вчерашних концепций, к формированию новой точки зрения на достижения кочевых и полукочевых обществ, к творческому подходу при изучении их экономики, социальных отношений, культуры и искусства.

Однако и в новейшее время в трудах некоторых историков и социологов западных стран встречаются проявления старых, ненаучных тенденций рассматривать кочевые народы Средней Азии и Казахстана как варваров-разрушителей, не способных к созданию культурных ценностей, а происхождение памятников высокой культуры и искусства, открытых в районах расселения кочевников, как импорт из стран с развитой цивилизацией. Открытия советских археологов и достижения археологической науки показали ошибочность и ненаучность подобных точек зрения. В этом отношении особенно поучительны успехи археологии Казахстана. Результаты этих достижений дают основание по-новому поставить вопросы социально-экономических отношений у древних кочевников Казахстана.

Новейшие археологические источники, в том числе и материалы из кургана Иссык, дают основание считать, что при исследовании вопросов происхождения классов и государства необходим дифференцированный подход к каждому региону такой обширной и разнообразной по природно-климатическим условиям страны, как Казахстан.

В регионе Казахстана начальный этап перехода к кочевому скотоводству относится к XI – IX вв. до н.э. Сформировавшаяся в этот период Бегазы-Дандыбаевская культура - финальная стадия эпохи бронзы, это уже культура кочевых андроновских племен. Кочевое скотоводство в экологической ситуации региона было резко прогрессивной формой жизнеобеспечения и культурогенеза. Погребальные памятники (Дандыбай, Бегазы, Сангру и др.) по многим параметрам превосходят предшествующую андроновскую, а по отдельным - даже последующую скифо-сакскую культуру.

Преимущества кочевого скотоводства как экономической основы роста материальной обеспеченности человеческих коллективов и расцвета их духовных ценностей особенно ярко проявились в эпоху преобладания в Евразии скифов, саков, сарматов, усуней и хуннов, продолжавшегося не менее 1500 лет.

Номадизм на территории Казахстана имел почти трехтысячелетнюю историю. За весь этот исторически продолжительный период развитие его проходило неравномерно. Экономические, политические и

социальные катаклизмы, которыми так богата древняя и средневековая история Казахстана, обуславливали спад или взлет сообщества.

В разных по природным условиям районах Казахстана формировались свои особенности в развитии хозяйства как скотоводческого, так и земледельческого, в соотношении номадизма и оседлости. Определяются три основных района хозяйственно-культурного типа (ХКТ) (Акишев К.А. 1972: 31-46).

Одним из них является Западный и Центральный Казахстан – зона степей и полупустынь – районы экстенсивного кочевого скотоводства с круглогодичным содержанием скота на подножном корме. Амплитуда меридианального (с юга на север) кочевания охватывала огромную территорию на многие сотни километров в длину. Для этой зоны характерно ограниченное развитие оседлости и земледелия, но не полное отсутствие их, и неизменность сезонных пастбищ и маршрутов перекочевок за весь период существования номадизма. На территории древнего Казахстана только его западные и центральные районы можно назвать страной классического кочевого скотоводства.

Второй район – это Восточный и Юго-Восточный Казахстан – зона горных систем Тянь-Шаня и Алтая, где сочетаются яйлажное скотоводство и богарное земледелие в хозяйстве, полукочевничество и полuosедлость в образе жизни. Своеобразная экологическая ниша здесь определила возникновение особой системы перекочевков, получившей у специалистов название вертикальной системы кочевания. Для нее характерны малая амплитуда перекочевков, продолжительные остановки на местах стоянок и ежегодные передвижения с северных степных равнин к южным альпийским пастбищам. В связи с тем, что сезонные пастбища находились на небольших расстояниях друг от друга, скотоводы этих районов тратили гораздо меньше времени на перемещения, проводя большую часть года на стоянках. Поэтому племена этих районов раньше, чем районы классического скотоводства, переходят к оседлости и земледельческому труду. В раннее средневековье здесь появляются и развиваются десятки центров городской цивилизации. Со своей планировкой, архитектурой и культурой, соответствующим форме хозяйства и образу жизни, семиреченский город по указанным компонентам близок к городам и поселениям городского типа Монголии и Тувы – стран аналогичной экологической среды (Кызласов Л.Р. 1964: 67-68).

И, наконец, третий район – это Южный Казахстан – зона лессовых равнин в долинах рек Сырдарья, Талас, Арысь, район раннего зарождения оседлости и поливного земледелия, городской культуры и ирригаци-

онного строительства. В низовьях р. Сырдарьи укрепленные поселения городского типа и монументальные кирпичные здания культового назначения появляются еще в VI - IV вв. до н.э. В первых веках нашей эры земледельческие поселения возникают и распространяются не только в долине Сырдарьи, но и значительно шире, охватывают долину Арыси и её притоков, склоны хребта Каратау, расположенного на самой границе с номадами Центрального Казахстана. В средневековье Южный Казахстан становится одним из крупных центров городской культуры, транзитной торговли и орошаемого земледелия. Достаточно сказать, что на этой, сравнительно небольшой территории ныне обнаружены развалины около двухсот мертвых городов, среди них такие крупные, известные всему средневековому Востоку, как Отрар, Тараз, Сыгнак, Испиджаб, Яссы, Сауран и др. На прогресс южноказахстанского города мощное воздействие оказывали два фактора: высокоразвитая культура Согда и других центров Средней Азии и постоянные экономические, политические и этнокультурные взаимодействия с кочевническим Дашт-и Кыпчаком. Они определили значительную синтетичность городской цивилизации юга Казахстана, неадекватность культурам Согда и Бактрии.

Таким образом, на территории Казахстана соотношение скотоводства и земледелия (значит, кочевничества и оседлости) в хозяйстве древнего и средневекового населения было различным. Если в западных и центральных районах господствующей формой хозяйства было кочевое скотоводство, то в южных - ирригационное земледелие. В то же время в восточном и юго-восточном районах сложились формы скотоводства и земледелия, отличные от существовавших в Западном, Центральном и Южном Казахстане.

Процессы, происходившие в древнем и средневековом Казахстане, адекватны событиям во всей Евразии. Так, в I тыс. до н.э. на континенте Евразия выделилась колоссальная по протяженности область, в которой сосуществовали цивилизации совершенно разного характера и этнического состава. Вместе с тем все исторические процессы, происходившие в ней, были непрерывно сопряжены. Речь идет о Великом поясе евразийских степей, где сложилась историко-культурная общность скотоводческих народов, и об окружающих ее с востока, юга и с запада государствах «древневосточного типа», таких, как китайские княжества эпох Чжоу и Хань, Бактрия, Хорезм, царства Передней Азии, а также об античном мире. Несмотря на разнородность перечисленных образований, они составили грандиозный сбалансированный организм. Его развитие на протяжении многих столетий, вплоть до средневековья, подчинялось ряду

общих закономерностей. Главная из них заключалась в том, что цивилизации земледельческие - урбанистические и цивилизации кочевников, которые, казалось бы, могли быть самодостаточными, составляли единую структуру (Акишев К.А. 1989: 65-71). Достаточно хорошо известным проявлением такого единства было разделение труда. Оно существовало в форме взаимодействия разных хозяйственных типов, сложения системы обмена и торговли. Последнее выразилось в установлении направлений «шелковых путей», словно артерии пронизывающих тело Евразии. Другое взаимодействие заключалось в интеграции исторических аспектов этногенеза народов, многообразии их культур.

Сакская эпоха для Казахстана – это конечный период процесса разложения первобытно-общинного строя, ибо разделение общества на привилегированных и непривилегированных означало не что иное, как разрыв связей, являлось первой попыткой образования классов и государства.

Для определения социальной стратификации сакского общества юга Казахстана и Северной Киргизии, ввиду малочисленности сведений письменных источников, привлечены показания археологического материала, в частности погребального обряда. Учитывается такая информация как богатство и бедность погребального инвентаря, параметры технической усложненности надмогильного и могильного сооружения, количество человеческого труда, затраченного на их возведение, масштабы тризны и жертвоприношений.

В эпоху разложения первобытно-общинного строя и в раннеклассовых обществах существовала прямая связь между погребальным обрядом и социальной структурой в том понятии, что погребальные обряды отражают не только имущественное, а именно социальное положение умерших. Древнее казахстанское общество уже в позднесакское время (V-IV вв. до н.э.) находилось на стадии раннеклассовых отношений. Однако дальнейшее развитие общественных отношений во многих районах Проказахстана до сих пор остается тайной по причине отсутствия сведений письменных источников и малочисленности археологического материала. Лишь на примере Семиречья представляется возможным проследить дальнейшие пути развивающегося государственного устройства.

Процесс сложения классовых отношений и государственного образования, начавшийся в сакском обществе, активно продолжался на рубеже и в первые века нового времени после установления политического господства в регионе племенем – гегемоном, именуемым ханьскими источниками «У-сунь». Последние явились тем ядром, вокруг которого произошла консолидация саков, юечжи и других индоиранских племен.

Политическая организация, созданная усунями, является первым государственным образованием на территории Проказахстана.

Мы уже отмечали, что в зарождении и развитии классов и государственности у семиреченских усуней решающую роль сыграли два фактора: причины внутреннего экономического развития и внешние – ускоряющее воздействие Ханьской империи. Государство Усунь было реальной исторической действительностью. С этого времени процесс зарождения и развития государственности в регионе, заселенном тюркоязычными племенами, продолжался в течение 600-700 лет. Среди них наиболее ранним было государство древних тюрков во главе с родом Ашина (551-744 гг.).

С образованием Западно-Тюркского Каганата (603 г.) Семиречье становится одной из основных территорий этого государства. Однако наименование «тюркское» (в смысле «ашинское») для всего Семиречья имело номинальное значение, означая лишь политическую гегемонию тюрков Ашина. Несомненно, для Кыргызстана и Юго-Восточного Казахстана время Западно-Тюркского Каганата (603-704 гг.) было временем продолжения государства Усунь, следующим этапом преемственного развития государственности.

Этнический состав каганата западных тюрков представляется в такой родоплеменной номенклатуре: турки Ашина, уйсун, кангюй, тюреш, уйгуры, кыргызы, карлуки, огузы, кимаки, кыпчаки, что и составило «он ок будун» - народ десяти племен – рунических надписей. Все они были тюркоязычными, большинство из них родственники по происхождению, как свидетельствуют древнекитайские хроники, от Шаньюева (хуннского) рода (Бичурин Н.Я. 1950а: 214, 220). Со стабильной последовательностью после распада Западно-Тюркского Каганата имя их появляется на политической арене региона в период династийного возвышения.

Исторический процесс сложения и развития государства тюркоязычных племен после падения Караханидской династии продолжался на обширных степных просторах Центрального, Северного и Западного Казахстана.

После ухода с политической арены Кимакского каганата в этих регионах усилилось объединение племен (в их числе и кимаки-иемаки), известное в средневековых письменных источниках под собирательным именем Кыпчак. Кыпчакское государство (XI – начало XIII вв.) объединяло огромную территорию от Иртыша до Эдила.

Кыпчакское государственное образование распалось под ударами кочевых армий Чингисхана. Однако в процессе консолидации тюркоязычных племен кыпчакам было суждено второй раз появиться на исто-

рической арене как одним из основателей государства Абул-хайр-хана, называемого в источниках государством кочевых узбеков.

В Великой Степи, после завоевания ее монголами, в XIII-XV вв. возник и исчез с исторической арены ряд кочевых государств, вначале подчинявшихся централизованной власти императора Чингисхана, после его смерти ставших независимыми государствами. Во всемирной истории они известны под именами: Алтын-Орда, Ак Орда, Кок Орда и другие. В связи с тем, что хотя в образовании их значительную роль играли автохтонные тюркоязычные народы и в их структурах сохранились традиционные органы и титулы, они не были прямыми преемниками тюркских государств. Правящая династия государств происходила от Орды Иджена (Орда Ичена) – старшего сына Джоши-хана, старшего сына Чингисхана.

Дальнейшие события в жизни народов Казахстана, вплоть до современности, последовательно связаны и имеют геополитическое значение для истории человеческой цивилизации. Наиболее существенными для Казахстана являются многовековые устремления племен тюркоязычного происхождения к консолидации в единую народность. Несмотря на сложные событийные катаклизмы, часть которых мы пытались изложить выше, консолидация была неизбежна, учитывая активность и потенциальные возможности многочисленных племен и народов Центральной Азии и весь ход общечеловеческого развития.

Все исторические этапы консолидации тюрков в рамках государственных образований связаны с пассионарной активностью племен, последовательно сменявших друг друга на политической арене. Таким образом, тюркский, тюргешский, уйгурский, кыргызский, карлукский, огузский, кимакский каганаты свидетельствуют о стремлении племен к объединению, существовании многовековых традиций государствообразований на территории Казахстана.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Казахские батыры — герои борьбы за независимость Казахского государства

- Алмас батыр
- Аппак батыр
- Аркандар батыр
- Аташ батыр
- Байгозы батыр
- Батыр (с его именем связан гидроним озеро Батыр в районе Мангыстау)
- Баян батыр (с его именем связан топоним Баянаул)
- Богенбай батыр (с его именем связан топоним Богенбай-тау в Баянаульском районе)
- Жалантос батыр (современник Жангир-хана)
- Жанатай батыр
- Жаныбек батыр (с его именем связан топоним Жаныбек в Западно-Казахстанской обл.).
- Жанхожа батыр (погиб в 1860 г.)
- Жаулыбай батыр
- Ельшибек батыр (с его именем связан топоним Ельшибек в районе станции Киик)
- Ердене батыр
- Есет (Исет) батыр
- Кабанбай батыр (возможно, с его именем связан гидроним Кабанбай-

- сай около с. Сарыжаз]
- Каип-мерген батыр (с его именем связан топоним Каип мергенин Кзыл-жар тасы в Бетпак-дале)
 - Капал батыр (с его именем связан гидроним Капал)
 - Караш батыр (с его именем связан топоним Караш – ущелье напротив станции Отар, здесь же был его мавзолей)
 - Койгельды батыр
 - Кокше батыр (с его именем связан топоним Кокшетау)
 - Конай батыр (уроженец долины реки Баканас)
 - Корам батыр (с его именем связан гидроним Корам-сай, здесь же находились его зимовки и мавзолей)
 - Кулан батыр (внук Абылая, умер в 1830 г.)
 - Кульсары батыр (с его именем связан топоним Кульсары на левом берегу р. Эмбы, современник Абылай-хана)
 - Малайсары батыр (с его именем связан топоним Малайсары-тау)
 - Оразумбет батыр
 - Олжабай батыр (в 50-х г. XVIII в. дважды разбил ойратов в районе Кереку, в местности «Шуршыт кырылган»)
 - Отеген батыр (с его именем связан гидроним Отеген в местности Анракай)
 - Райымбек батыр
 - Рысбек батыр (с его именем связан топоним «Рысбектын актасы» на р. Боролдай)
 - Самен (Шамен) батыр
 - Сары батыр (с его именем связан топоним Сарытау, брат Баян батыра)
 - Сауырык батыр (один из героев битвы с джунгарами на р. Буланты и у Кара-сиыра в 1725 г.)
 - Сырымбет батыр (с его именем связан топоним Сырымбет-тау)
 - Сыпатай батыр (его мавзолей на восток от г. Мерке)
 - Суык батыр (сын Абылай хана, мавзолей на р. Каратал)
 - Турсынбай батыр
 - Таттыбай батыр (современник Абылай хана, в 50-х г. XVIII в. участвовал в битвах с ойратами)
 - Уйсынбай батыр (брат Жанатай батыра)
 - Худайберды батыр (брат Жанатай батыра)
 - Хангельды батыр
 - Шынет (Чинет) батыр
 - Шора батыр (погиб в 1546 г.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аболин Р.И. Южная часть Алма-Атинского округа Казахской АССР в естественно-историческом отношении. – Ташкент: САГУ. 1929. – 63 с.
2. Абрамов Н.Л. Алматы, или Укрепление Верное, с его окрестностями // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. 1. / Под ред. П.П. Семенова. 1867.
3. Абусейтова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. – Алма-Ата: Наука. 1985. – 104 с.
4. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. – Ашхабад: Ылым. 1969. – 296 с.
5. Агеева Е. И., Пацевич Г.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // ТИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т. I. – 1956. – С. 33-60.
6. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАИЭ АН КазССР. – 1958. – Т. 5. – С. 3-215.
7. Агеева Е.Н. Курганные могильники ранних кочевников северо-восточной части Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. Сер. Истории. – 1959. – Вып. 3(11). – С. 80-86.
8. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука. 1984. – 176 с.
9. Акишев А.К. Искусство и идеология саков Семиречья // КСИА – 1978. – № 154. – С. 39-47.
10. Акишев К.А. Загадка иссыкского письма // Наука Казахстана. – 1995. – №9. – С. 45.
11. Акишев К.А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия АН КазССР. Сер.обществ. наук. – 1969. – № 1. – С. 29-47.

12. Акишев К.А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство. 1978. – 132с.
13. Акишев К.А. Саки Семиречья (По материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг.) // ТИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т.VII. – С. 204-214
14. Акишев К.А. Социально-экономические отношения у древних усуней (уйсуней) в I-V вв. н.э. // Вопросы археологии Казахстана. Сборник научных статей. – Вып. 2. – Алматы, Москва: Ғылым. 1998. – С. 65-71.
15. Акишев К.А. Средневековые каменные крепости Казахстана // Информационный бюллетень. Специальный выпуск. – М.: Наука. 1987. – С. 85-88.
16. Акишев К.А. Феномен элитарных курганов Северного Тянь-Шаня // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: (материалы заседаний «Круглого стола» 22-24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург) – СПб.: ИИМК. 1994. – С.8-11.
17. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1963. – 320 с.
18. Акишев К.А. Исследования в Казахстане // Археологические открытия в СССР в 1966 г. – М.: Наука. 1967. – С. 291-300.
19. Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука. 1972. – С. 31-46.
20. Акишев К.А. Отчет о работе Илийской экспедиции в 1954 г. // ТИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т. I. – С. 5-32.
21. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). – Алма-Ата: Наука. 1972. – 216 с.
22. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в (Перевод с английского Ю.В. Готье). – Л.: 1937. – 309 с.
23. Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. – М.: Наука. 1960 – 456с.
24. Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. – М.: Соцэкгиз. 1936. – 136 с.
25. Артамонов М.И. Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ. – 1947. – №3. – С. 68-82.
26. Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Гос. Эрмитаж. 1962. – 523 с.
27. Артамонов М.И. Общественный строй скифов // Вестник ЛГУ. – 1947. – № 9. – С. 70-87.
28. Артамонов М.И. Скифское царство в Крыму // Вестник ЛГУ. – 1948. – № 8. – С. 56-78.

29. Артамонов М.И. Сокровища саков. – М.: Искусство. 1973. – 279с.
30. Арутюнов С.Л., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая Аллея (Древности островов пролива Сенявина). – М.: Наука. 1982. – 175 с.
31. Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата: АН КазССР. 1960. – 488 с.
32. Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кыпчаков и Хорезма в XII-начале XIII вв. // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука. 1973. – С. 59-70.
33. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы: Гылым. 1995. – 296 с. Изд. [2-е] испр.
34. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М.: Наука. 1965. – 191 с.
35. Ахмедова К.Б. География развития животноводства Алма-Атинской области. – Алма-Ата: Наука. 1962.
36. Байпаков К.М. Средневековые города и поселения Семиречья (VII-XII вв.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1966. – 22 с.
37. Байпаков К.М. Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья // Известия АН КазССР. Серия обществ. – 1966. – Вып. 2. – С. 72-84
38. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Академик Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. – М.: Наука, 1968. – 760 с.
39. Бартольд В.В. Новый труд о половцах // Русский исторический журнал. – 1921. – №7. – С. 138-156
40. Бартольд В.В. Сочинения. – Т. I. – М.: Наука, 1963а. – 763 с.
41. Бартольд В.В. Сочинения. – Т. II. – Ч. I. – М.: Наука, 1963б. – 1024 с.
42. Бартольд В.В. Сочинения. – Т. II. – Ч. II. – М.: Наука, 1964. – 661 с.
43. Бартольд В.В. Сочинения. – Т. IV – М.: Наука, 1966. – 497 с.
44. Баруздин Ю.Д. Карабулакский могильник // КСИЭ. – 1957. – Вып., 1957, Вып. 26.
45. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – М.: Изд-во АН СССР. 1957. – 342 с.
46. Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе. 1941. – 321 с.
47. Бернштам А.Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография. – 1947. – Вып. VI-VII. – С. 148-157.
48. Бернштам А.Н. Памятники старины Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. Серия археологическая. – 1948. – Вып. 1. – С. 79-91.

49. Бернштам А.Н. Чуйская долина // МИА. – 1950. – № 14. – С. 58-83.
50. Бернштам А.Н. Древний Отрар // Известия АН Казахской ССР. Серия археологическая. – 1951. – Вып. 3 (№ 108). – С. 81-97.
51. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Памиро-Алтая и Центрального Тянь-Шаня // МИА. – 1952. – № 26. – С. 34-58.
52. Бессонов А.И. Почвенный покров джетысуйской области // Джетысу (Семиречье). Естественно-историческое описание края. – Ташкент. 1925.
53. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. – М.-Л.: Изд-во Акад. Наук СССР. 1950а. – 382 с.
54. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. – М.-Л.: Изд-во Акад. Наук СССР. 1950б. – 334 с.
55. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III. – М.-Л.: Изд-во Акад. Наук СССР. 1953. – 328 с.
56. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царицах. Часть вторая (С двумя таблицами). – СПб.: Типография Императорской академии наук. 1864. – 498 с.
57. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н.э. // Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – Т. VIII. – М.: Наука. 1973. – 160 с.
58. Воеводский М.В., Грязнов М.П. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР // ВДИ – 1938. – №3-4. – С. 162-179.
59. Волин С. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // ТИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата. 1960. – Т. VIII. – С. 72-92.
60. Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (историко-этнографический очерк) // ТИИАЭ. – 1956. – Т. III. – С. 5-106
61. Всемирная история в 10-и томах. Ред. А. Белявский, Л. Лазаревич, А. Монгайт. Том 3. – М.: Государственное издательство политической литературы. 1957. – 899 с.
62. Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. С древнейших времен до 1870 г. Т. I. – М.: Огиз. Госполитиздат. 1941. – 368 с.
63. Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. – Л.: Изд-во Наука. Ленинградское отд. - 1972. – 600 с.
64. Гинзбург В.В. Древнее население восточных и централь-

- ных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Антропологический сборник ТИЭ. 1956. Т. 33. № 1. – С. 238–298.
65. Граков Б.Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 100–121.
 66. Граков Б.Н. Скифы. – Киев, 1947. – 96 с.
 67. Граков Б.Н. Скифы. Научно-популярный очерк. – М.: МГУ. 1971. – 200 с.
 68. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука. 1980. – 256 с.
 69. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1950. – 478 с.
 70. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Гос. Эрмитаж. 1950. – 92 с.
 71. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука. 1980. – 64 с.
 72. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. – 1952. – №16. – С. 129–162.
 73. Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. – 1957. – Вып. 26. – С. 21–28.
 74. Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. – 1978. – №154. – С. 9–18.
 75. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука. 1967. – 504 с.
 76. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «Государстве пресвитера Иоанна». – М.: ГРВЛ. 1970. – 432 с.
 77. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами. III–VI вв. – М.: ГРВЛ. 1974. – 260 с.
 78. Давыдов Л.К. Климат // Джетысу (Семиречье). – Ташкент. 1925.
 79. Диодор. Библиотека. Книга I, глава 79; книга II / Пер. В.В. Вертоградовой // Хрестоматия по истории Древнего Востока. – М.: Просвещение. 1980.
 80. Драчук В.С. Об исследовании тамгообразных знаков Северопонтийской периферии античного мира // ВДИ. – 1970. – №4. – С. 134–146.
 81. Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. – М.: Восточная литература. 1961. – 444 с.
 82. Еренев А.Е. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. – Алма-Ата: АН КазССР. 1961. – 158 с.
 83. Жолдасбаев С.Ж. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана

- (XV-XIX вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука. 1976. – С. 46-58.
84. Захарова И.В. Материальная культура казахов-колхозников юго-восточного Казахстана (по материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей) // ТИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата. 1956. – Т. III. – С. 105-138.
85. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII – первой половины XIX вв. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1960. – 296 с.
86. Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1958. – 293 с.
87. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758 гг.). – М.: Наука. Глав.ред. вост. лит.-ры. 1983. – 333 с.
88. Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. – ТИИАЭ АН КазССР. – 1960. – Т. VIII. – С. 93-140.
89. Ибрагимов С.К. Новые материалы по истории Казахстана XV-XVI вв. // История СССР. 1960а. № 4. – С. 152-158.
90. Ибрагимов С.К. Михман-намеи Бухара Рузбехана как источник по истории Казахстана XV-XVI вв. // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // ТИИАЭ. – 1960b. – Том VIII. – С. 141-157.
91. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI - середина XIX вв.). – М.: Издательство восточной литературы/ 1958. – 247 с.
92. Исмагулов О.И. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. – Алма-Ата: Наука. 1970. – 423 с.
93. История Казахской ССР. (С древнейших времен до наших дней). В 5-ти томах. – Т. 1.: Первобытнообщинный строй. Племенные союзы и раннефеодальные государства на территории Казахстана. – Алма-Ата: Наука. 1977. – 479 с.
94. История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах. – Т. II.: Развитие феодальных отношений. Образование казахской народности и казахского ханства. – Алма-Ата: Наука. 1979. – 424 с.
95. История Киргизской ССР. – Т. I. – Фрунзе: 1956.
96. История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней в 5 томах. – Т. I. – Фрунзе: «Кыргызстан». 1984. – 798 с.
97. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II - начало I тыс. до н.э.). – М.: Наука. 1977. – 240 с.
98. Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаириров,

- найманов и киреитов. – Алматы: Рауан, Демеу. 1993. – 168 с.
99. Караев О. Земли тогузгузов, карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте Ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах. – Фрунзе: «Кыргызстан». 1973. – С.6-48.
100. Карутц Р. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке / Р. Карутц; пер. Е. Петри. – СПб.: Издательство А.Ф. Девриена/ 1810. – 188 с.: ил., карта.
101. Карчаровский В. Результаты определения костных остатков животных из раскопок Южно-Казахстанской экспедиции 1936-1938 гг. / Архив ИАЭ АН КазССР. Ф.Д. – (таблицы).
102. Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. – М.: Наука. 1971. – 288 с.
103. Кашкаров Д.Н. Зооэкологический очерк восточной части пустыни Бетпакдала // Труды САГУ, VIII-а. Зоология. Вып.20. – Ташкент. 1935.
104. Кибиров А.К. Археологические памятники Чаткала// Труды ИЯЛИ Киргизской АН СССР. – 1956. – Вып. 5. – С. 125–130.
105. Кибиров А.К. О некоторых итогах обследования Сусамыра //Труды Института истории АН Киргизской ССР. 1955. – I. – С. 3-19.
106. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука. 1964. – 214 с.
107. Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // Türccologica, 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. – Л.: Наука. 1986. – С. 153-164.
108. Кляшторный С.Г. О датировке рунических памятников Таласа // Бартольдские чтения. Вып. 5. – М. 1981. – С. 43-44.
109. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Просвещение. 1992. – 375 с.
110. Книга Марко Поло. Пер. со старофранц. текста, вступ. ст. И.П. Магидовича. – М. 1955.
111. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. – Харьков. 1956.
112. Кожомбердиев И.К. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР.1963. – С. 33-77.
113. Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. — IV в. н.э. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т.V. – М.-Л.:Наука. 1967. – 348 с.
114. Колганов М.В. Собственность. Докапиталистические формации / М.В. Колганов. – М.: Издательство соц.-экон. лит.-ры. 1962. – 496 с.
115. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана

- хивинского. – М.-Л.: АН СССР. 1958. – 290 с.
116. Коровин Е.П., Миронов Б.А. Главнейшие растительные ассоциации восточной Бетпак-Дала и их распределение в зависимости от рельефа и почв // Тр. Сред. Аз. Гос. ун-ва. – 1935. – Сер. 8. – Вып. 21. – С. 3-66.
 117. Коровин Е.П., Селевин В.А. Физико-географический облик Бетпак-далы // Результаты Бетпак-Далинской экспедиции Среднеазиатского государственного университета. – Ташкент: Среднеазиатский гос. ун-т, 1935. – 25 с. : ил.; 25 см. – (Труды Среднеазиатского государственного университета. Серия 12-а. География. Вып. 13, вып. 2).
 118. Короглы Х. Огузский героический эпос. – М.: Наука. 1976. – 240 с.
 119. Крашенинников И.М. Характеристика растительного покрова Центрального Казахстана. Материалы совещания по Центральному Казахстану // Казахи. – Вып. 3. – Л.: 1927.
 120. Крюков М.В., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М.: Наука. 1978. – 344 с.
 121. Кудама ибн Джафар. Китабал-харадж // Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары, Том 1. Арабские источники VII-X вв. – М.-Л.: Наука АН СССР. 1960.
 122. Кудряшов К.В. Половецкая степь. Очерк исторической географии. – М.: ОГИЗ Гос. изд-во географ. лит-ры. 1948. – 162 с.
 123. Кузнецов Л. О надписи на камне «Тамгалы-Тас» в пустыне Бетпак-дала в Атбасарском уезде Акмолинской губернии // Записки Семипалатинского отдела Государственного русского географического общества. – Вып. XVI. – Семипалатинск. 1927. – С. 122-124.
 124. Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. – М.: Наука. 1977. – 144 с.
 125. Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX-X вв. по арабским источникам. – Алма-Ата: Наука. 1972. – 156 с.
 126. Кызласов И.Л. Рунические письменности Евразийских степей. – М.: Восточная литература РАН. 1994. – 327 с.
 127. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: МГУ. 1969. – 212 с.
 128. Кызласов Л.Р. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении) // Вестник МГУ. Серия IX. История. – 1964. – №4. – С. 66-92.
 129. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во АН СССР. 1961. – 391 с.
 130. Лившиц В. А. Надпись из Дильберджина // Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг. – М.: Наука. 1976. – С. 163-169.
 131. Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической пись-

- менности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука. 1980. – С. 3-13.
132. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука. 1972. – 272 с.
133. Луконин В.Г. Иран в эпоху первых сасанидов. Очерки по истории культуры. – Л.: Гос. Эрмитаж. 1961. – 116 с.
134. Максимова А.Г. Курганы сакского времени могильника Джувантобе // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80. – С.60-64.
135. Максимова А.Г. Усуньские курганы левобережья реки Или // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. – 1959. – Вып. 1(9). – С. 79-85.
136. Максимова А.Г. Цепочка курганов из могильника Караша I // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука. 1970. – С. 121-128.
137. Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. – Алма-Ата: Наука. 1968. – 264 с.
138. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.:Изд-во АН СССР. 1951. – 451 с.
139. Маргулан А.Х. Бегазы – дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука. 1979. – 358 с.
140. Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР. 1950. – 122 с.
141. Маргулан А.Х. Отчет о работе ЦКАЭ 1947 г.// Известия АН КазССР. Серия археолог. – 1948. – Вып. 2. – С. 13-19.
142. Марков Г.Е., Масанов Н.Э. Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // Вестник МГУ. Сер.истор. – 1985. – №4.
143. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. I. – 1955а.
144. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. III. – 1955b.
145. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (2-е издание). Том 19 (Март 1875 — май 1883). М.: Издательство политической литературы, 1961а. – 703 с.
146. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (2-е издание). Том 21 (Май 1883 — декабрь 1889). М.: Издательство политической литературы. 1961b. – 782 с.
147. Мартиросян А.А. Печати мастеров на сосудах из Аргиштихинили // Древний Восток и мировая культура / Акад. наук СССР, Науч. совет по истории мировой культуры; [отв. ред. И. М. Дьяконов]. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит. 1981. – С.80-84.
148. Массон В.М. Становление классового общества на Древнем Востоке

- // Вопросы истории. – 1967. – №5
149. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Ленинград: Ленингр.отд. Наука. 1976. – 196 с.
 150. Массон В.М. О характере древнейших классовых обществ на Востоке // Известия АН Тадж.ССР. Сер.отд. общ. наук. – № 6. – Душанбе. 1979.
 151. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Изд-во Наука КазССР. 1969. – 651с.
 152. Махмуд Кашгари. Диван лугатат-турк: Сбор.тюрк, наречий. В 3 т. Т.1./Вступ. ст. С. Муталлибова. – Ташкент: АН Уз ССР. 1960. – 299 с. – Узб. яз.
 153. Мокрынин В.П. Раннефеодальные государства VI-X вв. История Киргизской ССР. – Т. I. – Фрунзе: «Кыргызстан». 1984.
 154. Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука. 1970. – С.129-146.
 155. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. – М.-Л.: АН СССР. 1959. – 396 с. (Тр. Института этнографии, нов.сер. Т. 42).
 156. Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV-XVIII веках // Казахстан в XV-XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Сборник статей. Отв. ред. докт. ист. наук Б.С. Сулейменов. – Алма-Ата: Наука. 1969. – С. 5-49.
 157. Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV - начале XVI веков (Вопросы политической и социально-экономической истории). Отв. ред. акад. АН КазССР А.Н. Нусупбеков. – Алма-Ата: Наука. 1977. – 288 с.
 158. Плетнева С.А. Половецкая земля// Древнерусские княжества X-XIII вв. – М.: Наука. 1975.
 159. Полторацкая В.Н. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. 1962. – №5. – С.76-90.
 160. Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Ташкент. 1955. – С.17-42.
 161. Путешествие в восточные страны ПланоКарпини и ГильомаРубрука. Государственное издательство географической литературы. – М.: Изд-во АН СССР. 1957. – 287 с.
 162. Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия

- (Текст, перевод, примечания). – Душанбе: Дониш, 1975а. – 191 с.
163. Пьянков И.В. Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. – Л.: 1975b. – С. 84-91.
164. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием северного Причерноморья // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Т. 12, вып. 1-8. 1932. – С. 5-106. (Готский сборник / Отв. ред. В.И. Равдоникас. [Л.], 1932).
165. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том I. Книга первая. Перевод с персидского Л.А. Хетагурова. Редакция и примечания А.А. Семенова. Ответственный редактор С.П. Толстов. – М.-Л.: АН СССР. 1952.
166. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том II. Книга первая. Перевод с персидского Л.А. Хетагурова. Редакция и примечания А.А. Семенова. Ответственный редактор С.П. Толстов. – М.-Л.: АН СССР. 1960.
167. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана (пер. Г.С. Саблукова) // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. – 1906. – Том XXI. – Вып. 5-6.
168. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1953. – 402 с. + 120 табл.
169. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. САИ ДЗ-9. – М.-Л.: Наука. 1962. – 52 с.+27 табл.
170. Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков // Материалы комиссий экспедиционных исследований. Вып. 15: Казаки: Сб. ст. антропологического отряда Казакстанской экспедиции АН СССР. Исслед. 1927/ [Под ред. С.И. Руденко]. Серия казахстанская. – Л.: АН СССР. 1930а. – С. 1-72.
171. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: ЛГУ. 1984. – 174 с.
172. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск: Мордовское книжное издательство. 1960. – 279 с.
173. Селевин В.А. Введение в естественно-историческое изучение Бетпак-далы // Результаты Бетпак-далинской экспедиции Среднеазиатского государственного университета. – Ташкент. 1935.
174. Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Труды Тадж. Института истории и археологии АН ТаджССР. – Т. II. – Сталинабад. 1954.
175. Сергеева Е.И. Геологический очерк Джетысу // Джетысу (Семиречье).

- Естественно-историческое описание края. – Ташкент. 1925.
176. Смирнов А.П. Рабовладельческий строй у скифов - кочевников. – М.: ГИМ. 1934. – 35 с.
177. Смирнов А.П. Скифы. – М.: Наука. 1966. – 200 с.
178. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: Наука. 1964. – 376с.
179. Сорокин В.С. Жилища поселения Тасты-Бутак //КСИА. – 1962. – Вып. 91. – С. 51-60.
180. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII века (О внутренней и внешней политике Аблая). – Алматы: Наука. 1988.
181. Табалдиев К.Ш. Новые сведения из области духовной и материальной культуры сакского времени Тянь-Шаня // Древний и средневековый Кыргызстан. – Бишкек: Илим. 1996. – С. 172-178.
182. Тенишев Э.Р. Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте // Вопросы языкознания. – 1979. – №20. – С. 87-96.
183. Тереножкин А.И. Об общественном строе скифов // СА. – 1966. – №2. – С. 33-50.
184. Терехова Н.Н. Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае // СА. – 1959. – №3. – С.28-47.
185. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. – М.-Л.: АН СССР, 1941 (Ленинград). Институт востоковедения (Ленинград) [Т.] 2: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / [Отв. ред. П.П. Иванов]. 1941. – 308 с.
186. Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Изв. ГАИМК. Вып. 103. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1934. – С. 165-199.
187. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. – М.: Наука. 1948. – 352 с. + 87 табл.
188. Толстов С.П. Огузы, печенеги, море Даукара (Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья) // СЭ. – 1950. – №4. – С. 49-54.
189. Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) // СА. – 1966. – №2. – С.151-176.
190. Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII-XIX вв. - Алма-Ата: Наука. 1959. – 676 с.
191. Тынышпаев М. Великие бедствия (Актабан-шубырынды). – Алматы: Наука. 1991. – 152 с.
192. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.:Изд-во МГУ. 1966. – 276 с.

193. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: МГУ. 1973. – 180 с.
194. Фиельструп Ф.Л. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана // Казаки. Антропологические очерки: Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. II. – Л.: 1927. – С. 78-107.
195. Хазанов А.М. Социальная история скифов. – М.: Наука. 1975. – 336 с.
196. Ханьшу. Жизнеописание Чэнь-Тана. – Пекин. 1958.
197. Ходжаш С.И. Оттиски урартских печатей на керамике из Эребуни // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI годичная научная сессия ЛО Института Востоковедения АН СССР (краткие сообщения). История и филология Древнего Востока. – М.: ГРВЛ, 1976.
198. Ходжаш С.И. Знаки на урартской керамике Эребуни // Древний Восток и мировая культура / Акад. наук СССР, Науч. совет по истории мировой культуры; [отв. ред. И. М. Дьяконов]. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит. 1981. – С. 85-89.
199. Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». – М.: Наука. 1965. – 190 с.
200. Чжоу ЧжиЧжи и Лю-чжи. Цзюань. – Вып.2. – Шанхай. 1936.
201. Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. I. Древнее время и средние века. – Оренбург. 1924. – 290 с.
202. Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община: Вопросы образования, эволюции и разложения. – Алма-Ата: АН КазССР, 1964. – 206 с.
203. Шелов Д.Б. Глиняные штампы из Танаиса // Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселева. К 60-летию со дня рождения // МИА № 130. – М.: Наука. 1965. – С. 229-234.
204. Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. [Отв. ред. А.К. Боровков]. – М.: Изд-во Вост. лит-ры. 1959. – 171с.
205. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер, транскрипция, примеч., иссл. В.П. Юдина; подгот. к изд. Ю.Г. Баранова; коммент. и указ. М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата:Наука.1992.
206. Barnett R.D. AssyrishePalastreliefs. – Prague: Artia, 1960.
207. Pritsak O. Die Karachaniden // Der Islam. Bd. 31/1. – Berlin: 1953.
208. Stingl M. NeznámouMikronesíj / MiloslavStingl; Mapy Olga Vyleťalová. – 1. vyd. – Praha: Svoboda, 1976 (PG). – 519, [7] – (Členskáknižnicenakl. Svoboda) – S. 247

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	Академия наук
ВДИ	Вестник древней истории
ВИ	Всемирная история
ВЯ	Вестник языкознания
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	Государственный исторический музей
ГРВЛ	Главная редакция восточной литературы
ИИАЭ	Институт истории, археологии и этнографии
ИЯЛИ	Институт языка, литературы и искусства
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии
МИА	Материалы и исследования по археологии
МИКХ	Материалы по истории казахских ханств
ОГИЗ	Объединение государственных книжно-журнальных издательств
РАН	Российская Академия наук
СА	Советская археология
САГУ	Среднеазиатский государственный университет
ТИИАЭ	Труды Института истории, археологии и этнографии
ТИЭ	Труды Института этнографии
ЦКАЭ	Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	5
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО	11
ГЛАВА II СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ САКСКОГО ОБЩЕСТВА	45
ГЛАВА III ГОСУДАРСТВО УСУНЬ	79
ГЛАВА IV ГОСУДАРСТВА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ	121
ГЛАВА V КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО XV-XVI ВВ.: ПАМЯТНИКИ, КУЛЬТУРА	135
ГЛАВА VI КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО XVI-XVIII ВВ.: ИСТОКИ, ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ И СТАБИЛИЗАЦИИ	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
ПРИЛОЖЕНИЕ	171
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	173
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	187

К. А. Акишев

**Древние и средневековые государства
на территории Казахстана
(Этюды исследования).
– Алматы, 2013.**

Научное издание

Алматы, 2013

Главный редактор:

Б.А. Бай танаев

член корреспондент Национальной
Академии наук Республики Казахстан,
доктор исторических наук

Ответственный редактор:

кандидат исторических наук

М.К. Хабдулина

Компьютерная верстка и дизайн — Ёлгин Д.Ю.

Корректор — Быкова О.А.

ISBN 978-601-7312-28-2

Сдано в набор 21.11.2013 г. подписано в печать 29.11.2013 г.
Формат 70х100¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага Everest Fine Silk 115 г/м².
Уч. печ. листов 15,6. Гарнитура «DS Svetlana».
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Хикари»
e-mail: info@hikari-ro.kz